

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

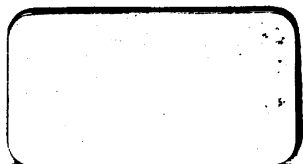
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

278975 e. 291

29

278075

.....
Indian Institute, Oxford.

THE MALAN LIBRARY

PRESENTED

BY THE REV. S. C. MALAN, D.D.,

VICAR OF BROADWINDSOR,

January, 1885.

ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

ИЛИ

ДРЕВНІЯ
С К А З К И

СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ.

ЧАСТЬ I.

М О С К В А

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,

1 7 8 7.

RODLEIA
10 JUN 1929
LEEDS

ИЗВѢСТІЕ.

Вмѣсто Предисловія, которое какъ давно уже Сочинителями изыскано, столь же необходимо для книги, какъ ворстникъ къ кафтану, вздумалъ я приложить сіе при моемъ Изданіи. Заглавіе сіе назвалъ я Извѣстіемъ по весьма важной причинѣ: многіе Чашатели не жалуютъ Предисловія, съ Спартакскимъ равнодушіемъ пропускаютъ оныя мимо, и тѣмъ лишаютъ Сочинителей ожиданія, для котораго они пишутъ Предисловія; но *Извѣстіе* возбуждаетъ любопытство и приневоливаетъ къ прочтенію. Вотъ, Чашатель мой! ты вошелъ уже со мною въ разговоръ, и тѣмъ общее намѣреніе Предисловія исполняется. Однакожь да не раздражится твое шerpѣніе! Я завелъ тебя въ рѣчь не для своей пользы: не намѣренъ я одобрявать тебѣ мое твореніе, изданіе, или какъ хочешь назови; вы разумѣете меня, ишо я говорю о сей книгѣ, коя теперь въ рукахъ вашихъ. Не намѣренъ, повшорю я,

А 2

одоб-

одобривать оную и возхвалять; ибо Предисловіемъ заславить себя оцѣнить книгу не возможно: свой вкусъ, а не мой долженъ рѣшить судьбу ея. Кришикуйте, когда вамъ угодно, мои мысли, мой слогъ, мои разположенія; они за шѣмъ и издаются въ свѣтъ, чтобъ слышать о погрѣшностяхъ, а по шему впередъ ошъ оныхъ исправляться. Но чтобъ наговора больше, нежели самъ я чаялъ, не навлечь вашего неудовольствія, и многословіемъ моимъ не принудить васъ опказаться ошъ любопытства, кончу намѣреніемъ сего извѣстія. Оное состоишъ въ томъ, чшобъ объяснить вамъ неминуемыя встрѣчи при вашемъ чтеніи. Вы дочитаетесь до такихъ странъ и народовъ, кои хотя всѣ почти состояшъ, или состояли въ предѣлахъ вашего ошечества, но нынѣ уже подѣ другими названіями, или мѣста ихъ заняты обитателями и имянами новыми, а старыя истребились въ памяти, такъ что не всю и во времяникахъ отыскать можно; а особливо вамъ: вы начали читать сказки для увеселенія, то ксташи ли вамъ теперь рыться въ библиотекахъ. И такъ вѣдайте, что Россія

вѣ

въ древности не имѣла сего общаго названія; она раздѣлялась на многія страны, населенная была разными народами, старожилыми и пришельцами, кои другъ друга изгоняли, или соединялись. Такъ Унны пошѣснили къ Сѣверу Чудскихъ народовъ, сихъ прогнали отъ части Русы, а послѣднихъ покорили Славяне, и составили наконецъ ту великую область, въ коей мы обитаемъ. Предѣлы ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были еще обширнѣе нынѣшняго, на примѣръ, къ Востоку простирались оныя за Дунай рѣку. Но чтобъ издавая Сказки, не издашь Историю, удовольствуюсь небольшимъ исторіогеографическимъ объясненіемъ. Чуды назывались въ древности *Мордва*, или *Мери*, *Чуваши*, *Черемисы* и *Карелы*; обитали въ Велико-Россіи. *Финны* были то же, что и нынѣ *Финны*, *Чухны*, *Эсты*, и можешь быть *Варяги* и *Лопари*; обитали въ Сѣверной части Россіи. *Висы*, или *Вѣловисы*, жили около Вѣла озера, *Кривичи* въ Смоленскѣ, *Дряговичи* по Двинѣ около Полоцка. *Ятляги* около Буга рѣки. *Ясы* въ Молдавіи и Валахіи. *Дакы* въ Седмиградіи и въ части Бугаріи. *Торки* близъ Крыму. *Поляне* въ

нынѣшней Польшѣ, и тамъ же *Горяне*. *Сурсы* въ Курландіи. *Бужане* и *Дулбы*, соединившіеся послѣ съ Яшвягами, отъ рѣки Вуга къ Черному морю до Дуная. *Печенеги* и *Половцы* занимали мѣста отъ Азова къ Астрахани, и суть праотцы нынѣшнихъ *Донскихъ* *Коваковъ*, или можетъ быть *Казары*, пришедшіе отъ Дуная. *Болгасы*, въ царствѣ Казанскомъ до Астрахани. *Вятчане* при рѣкахъ *Вяпкѣ* и нѣсколько по *Волгѣ*. *Радимичи* обитали на рѣкѣ *Песчаной* близъ *Плещи*. *Русы* отъ старой *Русы* простерли завоеванія свои во всѣ страны; а по томъ соединились съ *Славянами*. *Древляне* жили около *Ильменя*, или *Ирмера* озера; но надобно думать, что были то не старожилы, а пришельцы *Славянскаго* отродія, кои по занятіи собратіями своими *Славянами* *Новгородскихъ* *иредѣловъ*, подвинулись къ *Русамъ*, и съ оными соединились въ единый народъ; ибо и *Русы* были *Славяне* же.

Таковымъ - то нужнымъ объясненіемъ желая я тебѣ, Читатель мой, усложить, и уповаю, что ты негодовашь за сіе на меня не станешь.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ (*).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Изъ числа древнихъ преданій, дошедшихъ чрезъ пересказываніе до временъ нашихъ, извѣстно, что Великій Князь Славянскій Вандадъ, пришедъ съ своимъ храбрымъ народомъ въ предѣлы нынѣшня Россіи, покорила Руссовъ, побѣдителей Чудскихъ народовъ, за нѣсколько вѣковъ шумъ уже поселившихся. Повѣствованія отдають славу премудрости сего Государя, и говорятъ, что онъ умѣлъ соединять Славянъ и Руссовъ во единый народъ, ими побѣдителя съ сладчайшимъ названіемъ отца и друга человѣчества, а корону съ бременемъ; что онъ оказалъ храбрость своихъ подданныхъ подъ своимъ предводительствомъ, и распространилъ предѣлы областей, страхъ, почтеніе и любовь къ имени Славяноруссовъ въ Свѣрь, Востокъ и Западъ; но воевалъ по необхо-

Часть I.

А 4

дливо-

(*) Древляне были народъ Славянорусскій, обитали около Ильмена озера. Извѣстные города ихъ Коростанъ и Овручъ; о прочихъ мало свѣденіа.

днмости, чтобъ оградишь страны свои отъ нападающихъ; что по томъ не потерялъ онъ ни одного часа, въ который могъ быть поделенъ своимъ подданнымъ: возстановилъ законы, правосудіе, земледѣліе и художества; открылъ источники къ богатствамъ чрезъ торговлю; объѣзжалъ свое государство, дабы все видѣть, уразумѣть и поправить; заслуги награждалъ, пороки наказывалъ, и таковымъ образомъ своему юному сыну Избору оставилъ наслѣдіе цѣлующее, изобилующее и спокойное.

Изборъ остался тодько пятнаццати лѣтъ, когда воспослѣдовала кончина славнаго его родителя. Славоміръ, первый вельможа и другъ отца его, возвелъ его на престолъ Славянъ Древлянскихъ (*), и былъ ему наставникомъ. Изборъ въ послѣдствіи царствованія своего уподобился во всѣхъ добродѣтеляхъ равнымъ своему родителю; но сначала мало слушалъ совѣтовъ Славоміровыхъ, какъ - то видимо отчасти въ шеченіи сихъ сказокъ; онъ мало рачилъ о правленіи, возлагая всю шягосшь свою на

Сла-

(*) Славяны Древлянскіе назвались отъ соединенія съ Древлянами старожильцами изъ покоренныхъ ими народовъ, равно какъ и Славенорусы отъ соединенія съ Руссами; но вообще назывались всѣ Славеноруссами, и вначалѣ воспавляли подданныхъ одной державы.

Славомира, и предавался забавамъ хотя во основаніи невиннымъ, но суетнымъ. Псовая охота, игра въ шашки, и слушаніе сказокъ, были ему любезныя времени препровожденія. Любимецъ его Уклонъ искалъ угождать его слабостямъ, и во многомъ перенялъ благонамбраннымъ заботамъ престарѣлаго Славомира; сей ласкатель узнавъ, что Государь его жадуеть Сказки, представилъ ему славныхъ того времени сказочниковъ, Голована и Скалозуба, и самъ иногда оныя рассказывалъ. Извѣстно, что подражаніе больше сему свѣту бываетъ завсегда господствующею страстью и для живущихъ отъ онаго въ отдаленіи: шаковымъ образомъ, въ тогдашнее время Сказки вошли у Древлянъ во всеобщее употребленіе. Нѣкопорый богатый вельможа заплатилъ немалую сумму денегъ за то, чтобъ имѣть у себя собраніе Сказокъ, кои рассказываемы были въ вечерніе часы при дворѣ; одинъ Древлянской грамотей списалъ оныя въ одну книгу, которую я издаю въ свѣтъ въ угодность нѣкоторымъ Читашелей. Но каковымъ образомъ столько древняя рукопись могла сохраниться отъ начальства времени и дойтишь до рукъ монаховъ, прошу монаховъ Читашелей не требовать на то объясненія; это составляетъ маленькую шайну, которую долженъ я сохранить.

ВЕЧЕРЪ I.

П О В Ъ С Т Ъ

О Княжичѣ Вадимѣ.

Буривой нѣкогда владѣлъ въ сихъ странахъ, кои покорены оружіемъ вашего родителя Великаго Князя Вандаля; онъ былъ сильный Государь; часть Славянъ, Русь и Чудь принимали его законы, и область его занимала почти весь Сѣверъ. Столицу свою имѣлъ онъ въ Хомоградѣ (*), славилъ какъ по своему пространству, торговавъ и великолѣпно зданій, такъ и по святилищу, находившемуся на возвышенномъ холмѣ, въ которое для моленія не рѣдко съѣзжались всѣ сѣверные Государи. Сокровища, собранныя его предками, и великіе получаемые имъ съ Государства доходы, учинили имя его знаменито; а храбрость его народовъ, и его собственная, испытанная выдержанными со сязвою многими войнами, навлекла ужасъ на всѣхъ сосѣдей, кои не смѣя болѣе нападать на его земли, ни подавать причинъ къ бранямъ, принуждены были въ молчаніи за-
ви-

(*) Хомоградъ на Сарматскомъ языкѣ значитъ третій городъ; по извѣстіямъ лѣтописателей находился оный въ 30 поприщахъ отъ стараго Славянска, или Новгорода, при рѣкѣ Мещѣ, гдѣ нынѣ село Вронца.

видовашь мирному и цаѣшущему состоянію его государства.

Буривой имѣлъ трехъ сыновъ, *Гардорика*, *Гунигарда*, и *Вадима*, и оставляя временную жизнь, завѣщалъ старшему изъ дѣтей своихъ *Гардорику* воспитать младшихъ братьевъ пристойно ихъ происхожденію, и наконецъ удѣлилъ имъ изъ государства *Гунигарду* вѣловесь съ частью Мери (*), а *Вадиму* Дряговичи и Вужанъ (**). Но по смерти его забыты и его завѣщанія. *Гардорикъ*, возшедъ на престолъ, сослалъ братьевъ своихъ въ заточеніе, средняго въ городъ *Спарую-Русь*, а младшаго въ *Гарделинъ* (***).

Въ семъ городѣ несчастный Княжичъ возросъ бы въ совершенномъ невѣжествѣ, еслии бы *Русимъ*, военачальникъ *Буривоевъ*, опредѣленный давно уже Воеводсю въ *Гарделинъ*, и помнящій одолженія къ себѣ родителя

Ва-

(*) *Вѣловесь*, или *Виса*, назывались народы, обитавшіе около *Вѣлаозера*; а *Мери*, или *Мордва*, занимали страны, гдѣ нынѣ *Москва*, *Ярославъ*, и далѣе по обѣимъ сторонамъ *Волги* рѣки.

(**) *Дряговичи* жили по *Двинѣ* около *Полоцка*; а *Вужане* по рѣкѣ *Бугу* въ сосѣдствѣ *Дудебовъ*, у коихъ находилось славное Боговъщалище, извѣстное подъ именемъ *Золотой бабы*.

(***) *Гарделинъ* есть *Спарал-Ладога*; лежитъ при рѣкѣ *Волховѣ*.

Вадимова, не учинился ему вмѣсто отца. Добродѣтельный сей шарикъ отвратилъ нѣсколько несправедливостъ царствующаго Государя; онъ, подвергая опасности собственную жизнь, сыскалъ ученаго и извѣстныхъ поведеній мужа изъ Варягъ, учинилъ оного приставомъ надъ заоченіемъ *Вадима*, и таковымъ образомъ доставилъ ему средство просвѣтитъ разумъ и очистишь сердце юнаго Княжича. Со всемъ шѣмъ *Вадимъ* достигъ двадцатилѣтняго возраста, украшенъ былъ науками, умѣлъ дѣйствовать оружіемъ, и оказывалъ въ себѣ великую душу; но не имѣлъ ни малаго слѣда къ возшествію на престолъ назначеннаго ему родителемъ наслѣдія. *Руски* хотя внутренне осуждалъ поступокъ своего Государя, но никогда не помышлялъ поправлять оный возмущеніемъ; онъ удовольствовался только шѣмъ, что учинилъ *Вадима* способнымъ быть Государемъ, еслии Небо шо ему предназначило, а участь его, равно какъ и всего отечества, предоставлялъ волѣ Провидѣнія. Онъ мыслялъ въ семъ случаѣ какъ добрый подданный, коего должностъ не простирается далѣ любви къ отечеству, покорности и вѣрности къ своему Князю, и ни чуть не достигаетъ до поправленія, опредѣленнаго богами; онъ думалъ, что боги возводятъ Государей и управляютъ шеченіемъ ихъ подвиговъ. Такъ

ду-

думаютъ и въ добромъ государствѣ Древлянскомъ; а должно бы думать и во всемъ свѣтѣ. Но *Урманъ*, училъ *Вадимовъ*, больше другихъ вѣдающій цѣну свойствъ его, скорбѣлъ сердцемъ, что онаа остаются въ дѣйствіа, и что Драговици и Вужане можетъ быть лишаются щастливыхъ дней, кои бы доставилъ онъ имъ подъ своимъ владѣніемъ. Онъ не рѣдко представлялъ *Вадиму* о несправедливостяхъ его брата, о правѣ участія оставленнаго родителемъ ихъ наследства, о средствахъ къ достиженію на престолѣ назначеннаго ему удѣла, и побуждалъ его бѣжать къ каковому нибудь сильному изъ сосѣдственныхъ Государей съ тѣмъ, чтообъ просить защиты и помощи противу угнѣсеній *Гардориковыхъ*. Можетъ быть *Урманъ* изъ любви и сожалѣнія къ сему Княжичу чинилъ сіи наставленія, или какъ человекъ высокоумный, ожидаалъ возвышенія своего въ случаѣ благополучныхъ послѣдствъ его внушенія: но *Вадимъ* не предвидѣлъ надежды вырваться когда нибудь изъ своей шемницы, которую хранили спрочайшимъ образомъ. Разговоры *Урмановы* едвали его только беспокоилие противу прежняго; онъ получилъ понятіе о удовольствіяхъ человека, обитающаго въ обществѣ, о вкусѣ царствованія, и о путяхъ, ведущихъ къ

къ славѣ. Однако онѣ не имѣлъ ниаго друга, кромѣ своего учителя; и сему надлежало дѣйствовать къ поправленію судьбы его. *Урманъ* не щадилъ ничего привлекать на его сторону людей, могущихъ облегчить освобожденіе *Вадимово*, и успѣлъ въ томъ сполько, что во время ошлучки *Русимовой* въ *Хомоградъ*, извелъ щасливо юнаго Князя изъ шемницы, а тайнымъ образомъ удалился съ нимъ изъ областей *Гардориковыхъ*.

Вадимъ чрезмѣрно желалъ при первомъ случаѣ бытъ въ старой Руси, гдѣ содержался братъ его *Гунгардъ*, и старался объ освобожденіи онаго; но *Урманъ* представилъ ему опасности, отъ шаковаго намѣренія случившяся могущія, и совѣтовалъ ему шествовать въ Дакію (*) ко двору Князя *Декевала*, дабы удалась отъ сосѣдства земель, подвластныхъ его брату, безъ опасенія можно было искать помощи къ достиженію требованія его. *Вадимъ* всегда за свято почиталъ совѣшы своего учителя, слѣдовалъ его водительство, и не претерпя никакихъ опасностей въ пути чрезъ страны

По-

(*) Дакія, нынѣшняя Седмиградія; а упоминаемый городъ *Брасовъ*, нынѣ называется *Кронъ-Штадъ*. Князь *Декевалъ* жилъ въ концѣ перваго столѣтія Христіанекой Эры.

Молянскую, Косожскую и Ясскую (*), прибылъ въ столичный Дакскій городъ Брасовъ:

Декеваль принялъ его съ ошибною честью; ибо онъ не скрывалъ отъ него ни своей природы, ни своихъ несчастій. Слава *Буривоова* не загладилась еще въ памяти во всемъ Востокѣ и Западѣ, и полезна была его сыну, хотя впрочемъ не нашелъ онъ желаемого у Государя Седмиградскаго. *Декеваль* былъ хотя довольно могущій владѣтель, и человекъ ошачной храбрости, но близкое соседство Римлянъ принуждало онаго всегда бодрствовать въ своемъ государствѣ, и содержать въ готовности всѣ свои войска; ибо Римляне имѣли въ мысляхъ учинить Панонию своею Провинціею, послѣ чего и Дакіи надлежало ожидать шаковагожь жребія. *Декеваль* обѣщавъ ему шолько убѣжище во дворцѣ своемъ, и пристойное званію его содержаніе; онъ обнадеживалъ его, что когда онъ не можетъ возвести его на назначенный ему родителемъ его престолъ, по крайней мѣрѣ въ силахъ удержатъ гоненія его брата, естли бы захотѣлъ оный простираетъ ихъ до Дакіи. *Вадимъ* въ несчастныхъ своихъ обстоятельствевахъ принималъ сіе одолженіе съ благодарностію; но *Урманъ*, имѣющій въ го-

ловѣ

(*) Поляне обитали въ Подльшѣ; Косоги и Ясы въ Молдавіи и Валахіи.

ловѣ мысль о своемъ возвышеніи, побуждалъ его шествовать къ Римлянамъ, дабы испытать у нихъ шастіа въ испрошеніи войскъ и помощи. Можетъ бы *Вадимъ* по молодости своей послушался его, и не разсудилъ того, что введши въ свое отечество народъ, старающійся весь свѣтъ покорить своей державѣ, подвергнетъ оное равномерной опасности, каковая угрожала Дакіи; однако нечаянный случай удержалъ его при дворѣ *Декваловомъ*, и остановилъ намѣренія *Урмановы*.

Деквалъ имѣлъ дочь чрезвычайной красоты, имянемъ *Брякиславу*, и единственную наследницу престола; ибо старшій ея брашъ *Арпадъ* считаемъ былъ за погибшаго. По среди разныхъ забавъ, учреждаемыхъ въ честь *Вадиму*, отправлялось и звѣроловство, при которомъ онъ увидѣлъ прекрасную Княжну. Когда всѣ присутствующіе на ловѣ раздѣлились въ разные стороны, *Вадимъ* погнался за выбѣжавшею сѣрною; и какъ онъ ошъ природы имѣлъ къ звѣроловству склонность, но по образу жизни, въ коей возрасталъ, не имѣлъ опытовъ, шо слѣдуя склонности и жару молодости, погнался за звѣремъ. Онъ заскакалъ далеко, и не остановился бы, естлибъ не увидѣлъ въ сторонѣ свирѣпзго вепря, гонящагося съ лютостію за одною женщиною, и постигающаго пѣчи коня,

коня, на коемъ она спасалась отъ него. *Вадимъ* оставилъ свою добычу, и обратился къ защищенію находящейся въ опасности. Онъ приспѣлъ въ надлежащее время; ибо вебрь достигъ, и своими страшными клыками опровергнувъ коня, готовился шertzать ладницу. Храбрость его въ мгновеніе окрѣшила судьбу находящейся въ смертельномъ ужасѣ красавицы; онъ пронзилъ копіемъ звѣря, и повергъ мертва у ногъ ея. Онъ сскочилъ съ коня, и старался привести въ память обмгавшую дѣвицу; ибо заключалъ шо по ея одѣянтію и ошкрытой головѣ, съ которой паденіе свергнуло покрывало. Красота ея съ перваго взгляду пронзила сердце *Вадимова*, и наполнила оное чувствомъ, до шоль ему неизвѣстнымъ. Когда же узналъ онъ, что избавилъ наслѣдницу *Дакскаго* престола, то и самое любочестіе его одобрило рождающуюся въ немъ страсть. Лесныя воображенія, коими питаются всѣ смертныя, а всего больше влюбленные, наполнили душу его пріятными мнѣніями; онъ вѣдалъ, что обыкновенія у Славянъ не всегда дозволяютъ дѣвицамъ присутствовать при всенародныхъ увеселеніяхъ, и думалъ по тому, что *Дексвалъ* съ намѣреніемъ приказалъ дочери своей участвовать въ звѣроловствѣ, дабы подаяшь случай ему ее увидѣть и влюбиться. Можеть бышь и быдо шо въ са-

В момъ

исмѣ дѣлѣ, и послѣдствіе покажетъ, что Государь Дакскій былъ объ немъ хорошихъ мнѣній.

Чемъ далѣе восходимъ мы разсужденіями въ древность, тѣмъ чаще находимъ нравы и безпорочнѣе чувствованія спрасшей, возбуждаемыхъ природою; она не была еще развращена: обманъ и притворство не вошли тогда въ обыкновеніе. Любовники своихъ половъ открывали свои склонности при всякомъ способномъ случаѣ; ибо мужчины не умѣли измѣнять, а женщины были чистосердечны; увѣряли и вѣрили, и данное слово никогда не нарушалось. *Вадимъ*, слѣдующій движеніямъ сердца своего, воспользовался первыми минушами; и когда *Брячислава* пришла въ себя и освободилась отъ страха, говорилъ ей: „ Прекрасная Княжна! сколько счастливымъ считаю я себя, что боги привели меня въ сіе мѣсто; они učinили меня избавителемъ той, которая съ сего часа пребудетъ единственною обладательницею моего сердца. „ — Не спѣшите говорить такъ рѣшительно, отвѣчала Княжна съ пріятною улыбкою; можетъ быть по довольномъ разсмотрѣніи найдете вы меньше во мнѣ дарованій, того доспойныхъ. — „ Нѣтъ, *Брячислава*, подхватилъ *Вадимъ*, судьба, опредѣлившая мнѣ съ младенчества мполоучный жребій, назначила мнѣ приоб-

жище

жище ко двору родителя вашего, чтобы я васъ увидѣлъ и позналъ, что есть еще на свѣтѣ благополучіе и кромѣ короны, похищенной у меня моимъ братомъ. Ахъ! что можете сравниться противу обладанія вами! Сколь мало буду я завидовать хищнику моего прешола, если вы, прекрасная *Бряцислава*, учините меня благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ; если вы признаетесь, что любовь моя вамъ не противна, и позволите мнѣ шребовать руки вашей у вашего родителя.

Бряцислава, видѣвшая его съ самаго прибытія ко двору отца ея въ сокрышое ошверзшіе пошайнаго коюя, паѣнилась имъ равношриво. Одоуженіе, имъ оказанное, умножило склонность сію, и *Вадимъ* не имѣлъ затрудненія истребовать у ней признанія; она позволила ему кросить ее себѣ въ супружество, и дашъ клятвы ему о вѣчной вѣрности, какъ скоро воля родителя ея одобритъ ихъ склонность. Восхищенный *Вадимъ* наполнился надеждою, цаловалъ ея руки и клялся любить ее одну шолько на свѣтѣ, хотя бы родитель ея и отказалъ ему въ союзѣ; наговорилъ еще множество безпорядочныхъ, и больше спрасши, чемъ связи вибующихъ рѣчей; не пропускалъ каждое слово прерывать лобзаніемъ рукъ ея; помогъ наконецъ взойти ей на коня своего, и привелъ въ

разсѣянный на полѣ шатерѣ *Декеваловѣ*, который уже началъ беспокоиться объ отсутствіи своей дочери.

Государь Дакскій пришелъ въ смѣшеніе, увидѣвъ дочь свою безъ ея надзирательницъ и шѣлохранишелей сидящую на конѣ Князя Славянскаго, провождаемую только имъ однимъ; но можетъ быть смѣшеніе сіе было только покрывкою внутренняго удовольствія, которое долженъ былъ онъ имѣть, еслии намѣрялся привязать къ себѣ *Вадима* красотою своей дочери. — Что съ вами сдѣлалось, дочь моя? спросилъ онъ съ шоропавостію. *Брякислава* увѣдомила его, что она, погнавшись за оленемъ, по быстротѣ коня своего вскорѣ удалилась отъ своихъ спутницъ, и не прежде усмотрѣла свою неосторожность, какъ оныхъ поперяла изъ слуху; что гонимой собаками вепрь напалъ на нее, опровергъ и умертвилъ ея лошадь, и что она была бы жертвою люшости сего звѣря, еслилибъ нечаянный случай не привелъ въ то мѣсто *Вадима*, который храбростію своею поразилъ его и избавилъ ее отъ неминуемой гибели. *Декевалъ* бросился съ обѣщаніями къ Князю Славянскому, благодарилъ его за сіе одолженіе, клялся заслужить оное вѣчнымъ дружествомъ, и обращая къ дочери своей, выговаривалъ ей слегка за неосторожность.

Звѣ-

Звѣроловство кончилось, и надлежало
 возвратиться въ столицу. *Вадимъ* сколько
 ни подстрекаемъ былъ своею страстію,
 не счелъ однако за благопристойность от-
 крыться въ оной предъ родителемъ своей
 возлюбленной на полѣ. Какую безпокойную
 ночь провелъ бы онъ, естълибъ не было при
 немъ *Урмана*! Но оставшись наединѣ,
 первое и послѣднее слово его относилось до
Врячиславы. Хитрый старикъ находилъ та-
 ковое чувствованіе въ юномъ Князѣ под-
 крѣпленія достойнымъ; онъ предвидѣлъ,
 что союзъ сей весьма полезенъ его намѣре-
 ніямъ. *Вадимъ* ишелъ одобреніе любви сво-
 ей и получилъ наставленіе, каковымъ об-
 разомъ открыться въ томъ въ послѣдую-
 щее утро. Любовь есть лучшій учитель;
Вадимъ предсталъ *Декевалу* оптимѣнно красно-
 рѣчивымъ, и былъ выслушанъ снисходитель-
 но въ своемъ требованіи. „За щастіе счи-
 таю я, опѣшествовалъ ему Государь Дакскій,
 что кровь моя соединится съ кровію храб-
 раго *Буривоя*! Но надлежитъ вамъ, любезный
 Князь, необходимо подвергнуться нѣкошо-
 рымъ условіямъ. Знаю я, что великая ду-
 ша ваша съ негодованіемъ сноситъ не-
 справедливость вашего брата; знаю, что она
 побуждаетъ васъ освободить законное наслѣ-
 діе родителя вашего отъ нга похищителя-
 ва. Вступающій въ союзъ съ вами *Декевалъ*

долженъ бы обратишь всѣ силы свои къ под-
 крѣпленію вашего права; но важныя причи-
 ны его удерживающъ отказать въ томъ до
 времени, когда промыслъ боговъ приведетъ
 въ лучшія обстоятельствова его державу. Я
 старъ уже; сынъ мой *Арпадъ*, оширавившій-
 ся въ пушешествія, погибъ, ибо восемь лѣтъ
 не имѣю объ немъ извѣстія; а сосѣдство
 властолюбивыхъ Римлянъ ежедневно угро-
 жаешь. Дакии тѣмъ же, что учинили они съ
 Панонією. И такъ, дражайшій мой *Вадимъ*,
 дочь моя будешь вашею супругою на усл-
 віи, чшобъ вы до времени забыли о вашихъ
 прѣбваніяхъ на княженіа Дряговичское и
 Бужанское, сочли Дакию вашимъ отечествомъ,
 и сняли съ дряхлаго *Дексвала* бремя защи-
 щенія оной отъ властолюбивыхъ сосѣдей. —
 А онъ кончилъ рѣчь свою, устремилъ при-
 мѣчательныя взоры на Князя Славенорусска-
 го, и ожидалъ, не произойдетъ ли въ томъ
 каковаго съ стороны его затрудненія. Но
 влюбленный *Вадимъ* считалъ предложеніе се-
 го рода за благосклонность, прикрышую дру-
 жественною надѣвкою. Онъ былъ Государь безъ
 государства; могущество брата его удаляло
 во всякое время надежду достигнуть ему
 въ свое наслѣдіе рукою вооруженною; а
Дакия всегда могла вамѣнять уронъ двухъ
 княжествъ, оставленныхъ ему родителями.
 Онъ повергся на колѣна предъ *Дексваломъ*,

и клялся отечественными богами, что свято сохранить предлагаемыя отъ него условия. Бракъ былъ положенъ на словъ; определено совершить оный, какъ скоро исполнятся приуготовлениями къ торжеству. между тѣмъ *Вадимъ* имѣлъ уже свободное обращение съ своею невѣстою, и страсть ихъ взаимно возрастала.

Древніе *Дакі* такъ богоговѣны были въ своемъ законѣ, что никакое важное дѣло не предпринималось у нихъ безъ воли боговъ. Находясь у нихъ боговѣщалище при рѣкѣ *Марошѣ*, въ которомъ кумиръ *Дажбога* давалъ вопрошающимъ отвѣты. Нѣсколько ближнихъ *Вояръ* *Декеваловыхъ* отправлено было на сей конецъ шуда, и верховный Жрецъ по воли боговъ назначилъ бракъ *Вадимовъ* съ *Бряниславою* въ новолѣтіе. Все гошво было къ торжествованію: всѣ вельможи *Дакскіе*, избѣщенные чрезъ нарочныхъ гонцовъ, сбѣхались ко двору, и стѣны города *Брасова* едва вмѣщали въ себѣ множество народа, стекшагоса видѣть оное. Наконецъ насталъ неперпѣливо ожидаемый день: влаторогая луна появилась на Юго - Западѣ, и савчера еще храмъ богини *Лады* украшенъ былъ цѣбшами; а по всѣмъ улицамъ провозглашатели объявляли народу о причинѣ торжества. Въ ближней думѣ объявлена и записана была воля *Декева-*
В 4
дова,

лова, что *Вадимъ* Князь Славенорусскій избранъ имъ въ наследники престола и супруги дочери его.

Уже багряновидная Зимцерла разпростерла розы свои на Востокъ; уже Жрецы Свѣтовидовы въ разныя музыкальныя орудія вопрепятствовавъ приходъ всемірнаго свѣтила, текли увѣчанны розовыми вѣнками во храмъ Лады (*). Ошари куряны, сто паръ бѣлыхъ голубей, связанныхъ алыми лентами, лежали предъ оными, и верховный Жрецъ, держащій въ рукѣ жертвенный ножъ, ожидалъ лишь прибытія своего Государя съ новобрачными. Вскорѣ появился *Дексалъ*, ведущій оныхъ за руки, въ посвященіи всѣхъ вельможъ своихъ и плѣнохранишелей. Воспѣты гимны, кровь непорочныхъ животныхъ проліялась въ чашу, и огонь началъ пожирать тѣла ихъ. Прорицатель возвѣщалъ благополучный вѣкъ сочешающимся, тогда какъ Первосвященникъ, дѣпью, сплешенною изъ розъ, связалъ *Вадима* и *Брякиславу*; они принесли уже клятвы о вѣчной вѣрности, и торжество духовное при-

(*) За бесполезное почитаю объяснять о упоминаемыхъ здѣсь Славянскихъ божествахъ. Читавшимъ Рускія Сказки, также и Славянскія Сказки и древности, извѣстно, что Лада была богиня любви; Свѣтовидъ богъ дня, или Фсѣтъ; а Зимцерла Аврора, или богиня Зари.

приходило уже къ окончанію, но вдругъ издали просиравается смутный шумъ народа; онъ разступается и очищаетъ путь ратному гонцу. Сей приближается держащій въ рукахъ стрѣлу, и народъ восклицаетъ: война! война! — Гонецъ сходитъ съ коня своего, подходитъ съ наклоненною главою къ *Декевалу*, преломляетъ стрѣлу, и бросивъ къ ногамъ Княжимъ, вѣщаетъ: несчастный ратъ приходитъ возмутить торжество твое, о Государь! Панонія покорена Римлянами, и когорты ихъ приближаются къ предѣламъ Дакіи. Вскорѣ орлы ихъ разпрострутъ крылья свои въ предѣлахъ твоей державы, когда ты, о Государь! не отправишь силу мужествомъ. Дорганъ, Военачальникъ твой, посылаетъ меня съ симъ извѣстіемъ; онъ гонимъ уже съ ратію, и присоединилъ къ себѣ *Сиколовъ* (*), стекшихся къ нему послѣ пораженія изъ Паноніи.

Приключеніе таковое возмутило всеобщее веселіе; торжество остановилось, и самая спрость *Вадимова* принуждена была уступить воскипѣнію геройскаго сердца. Онъ ласкаетъ руку своей возлюбленной, обѣмлетъ ее какъ бы прощаясь, слагаетъ съ себя цѣпь брачную,

В с

ную,

(* *Сикулами* назывались Гуны, народъ, обитавшій отчасти въ Венгріи, или Древней Паноніи, и приводившій храбростию своею въ трепетъ всю Европу.

ную, приступаетъ къ олтарю, и взявъ съ онаго горящую головню, вздымаетъ кверху и всенародно произноситъ слѣдующую клятву:

„Свидѣтельствуюсь безсмертными покрови-
 „ шелями Дакии и всего Славянскаго отродія,
 „ клянусь престоломъ *Дексваловимъ* и
 „ сердцемъ возлюбленной моей *Брянисла-*
 „ *вы*, что брачный одръ до тѣхъ поръ бу-
 „ дешъ удаленъ отъ вѣрнаго *Вадима*, по-
 „ коль рука его принудитъ Римлянъ опре-
 „ щись отъ хищническаго намѣренія ихъ на
 „ Дакию!“ — Верховный Жрецъ принялъ
 изъ рукъ его кляпвенную головню сію, и ото-
 слалъ на неугасаемый олтарь *Зничевь*. На
 вечѣ храма Чернобогова возтрубили въ бран-
 ный рогъ; звукъ онаго повторенъ во всѣхъ
 частяхъ столицы, и чрезъ скорыхъ гонцовъ
 разпространенъ во всѣхъ чешырехъ странахъ
 государства. Брачный залъ обращенъ въ
 собраніе воинской Думы, и *Дексвалъ* съ
Вадимомъ и боярами своими прибылъ въ
 оный прямо изъ храма Ладины. Совѣщали
 послать къ Гимлянѣмъ Посла для опознанія
 истиннаго ихъ намѣренія. Осторожные изъ
 престарѣлыхъ вельможъ и самъ *Дексвалъ* были
 того мнѣнія, чтобъ не начинать войны,
 пока объявитъ оную сами Римляне; ибо по
 одному виду собирающагося при границахъ
 войска ихъ не можно было заключать о
 нападении ихъ на Дакию. Однако *Вадимъ*, под-
 ж-

жигземый своюю страстію, и убѣждаемый поспѣшно изрѣченной своюю клятвою, кстс-
 рая удаляла его отъ обладанія дражайшею
 супругою, былъ прошивнаго мнѣнія. „Свѣ-
 шлѣйшій Декевалъ! (говорилъ онъ) хотя я
 и менскусенъ еще по молодости моей въ
 таковыхъ обстоятельствевахъ, для коихъ
 собранъ совѣтъ сей; но мню, что въ бран-
 ныхъ произшествіяхъ всякое замедленіе до-
 сшавляетъ выгоду врагамъ нашимъ. Всегда
 полезнѣе вести войну наступательную, не-
 жели допустить непріятельскій пламень въ
 нѣдра своего опечества. И чего можемъ
 ожидать мы отъ Римлянъ? Народъ, желаю-
 щій покорить весь свѣтъ подъ иго свое,
 упустишь ли присоединишь Данію къ Паноніи?
 Сикулы не единоплеменники ли ваши, ко-
 ихъ владѣніе учинили уже они своею Про-
 винціею, и всенародное право не повелѣ-
 ваетъ ли намъ отмстить за оныхъ? Дол-
 жно воспользоваться временемъ: силы Рим-
 лянъ раздѣлены нынѣ; они еще не от-
 дохнули отъ тяжкой войны въ Палестинѣ.
 Удобно преодолѣемъ мы войско ихъ, нахо-
 дящееся въ Паноніи. Должно явить имъ дѣй-
 ствіе сильной руки Славянской, и чрезъ то
 пресѣчь охоту къ нападенію на народъ не-
 побѣдимый. Возстановимъ Сикуловъ въ ихъ
 сшажаніи, и чрезъ то учинимъ ихъ благо-
 дарными себѣ союзниками. Ты, о *Декевалѣ!*
 поѣ

не воля боговъ заступилъ мѣсто моего родителя; а я обязанъ, яко сынъ, понести бремя трудовъ воинскихъ. Повели воспріять мнѣ оружіе и обратить оное на Римлянѣ. Сердце мое горитъ нетерпѣніемъ явишь тебѣ опытъ моего усердія; а сія рука всеконечно увѣришь тебя, что я милостей твоихъ достоинъ. — Видѣ, съ каковымъ произнесъ *Вадимъ* рѣчь свою, ободрилъ души всѣхъ военачальниковъ; всѣ похваляли намѣреніе *Вадимова*, и потрясая своимъ оружіемъ, явили, что держупся они его мѣнія. *Дексаль* рѣшилъ по своимъ согласіемъ; онъ возложилъ на него свою мантию, и препоясавъ Княжескимъ мечемъ, объявилъ его верховнымъ Начальникомъ войскъ своихъ. Назначено сборнсе мѣсто, и рать выступила въ походъ.

Между тѣмъ сердце *Вадимова*, возпламененное желаніемъ славы, не могло преодолѣть нѣжнѣйшихъ чувствованій. Разлука съ *Брячиславою* была для него нестерпима; но съ другой стороны находилъ онъ сію неминуемую къ сохраненію изрѣченной имъ клятвы. По долгихъ съшовавіяхъ, по тысячекратныхъ подтвержденіяхъ клятвъ о вѣчной вѣрности, и съ проливаніемъ многихъ слезъ, разлучился онъ съ нею. Возсѣлъ на сраннаго коня, и послѣдующій *Урманомъ*, отправился къ войску. Нель

шелъ онъ всю рать готовую къ его повелѣніямъ. Поступки Римлянъ оправдали его доводы; ибо открылось враждебное предпріятіе ихъ на Дакію построеніемъ великаго и удивленія достойнаго каменнаго мосту чрезъ Дунай близъ Никополя. Могло то служить за явное объявленіе войны. *Вадимъ* не медливъ вступилъ въ Панонію, и всюду разпростеръ ужасъ своего оружія. Численныя войска Римскихъ всюду были побиваемы; Гуны собирались и занимали прежнія свои жилища, и оспивалось рѣшился участіи всей Паноніи отъ главнаго сраженія; ибо силы Римлянъ собрались при Кашавѣ, главномъ городѣ въ верхней странѣ государства сего. *Вадимъ*, произведенный природою для безсмертной славы, и достойною отраслію своихъ предковъ, повелъ рать свою прямо къ ополченію Римскому и принудилъ оное къ рѣшительному сраженію. Тогда Римляне впервые почувствовали непреодолимую твердость храбрости Славянской: все войско ихъ было на голову побито. Панонія очищена, Сиккулы возстановлены въ своемъ владѣніи, и заключенъ съ ними оборонительный союзъ. *Вадимъ* возвращался увѣнчанъ славою, и готовился вступить торжественно въ Врасовъ; уже распоряденъ былъ *Урманомъ* входъ сей, и какъ вестни воюющихъ и нести пріобрѣтенные трофеи; сердце *Ва-*
ди-

димо шрепетало во ожиданіи радостей ,
 когда уже ничто не удерживало его отъ
 обладанія возлюбленною *Брячиславою*. Тор-
 жество начинается , всѣ стѣны и улицы
 столичнаго города покрыты были народомъ ,
 и посреди восклицаній онаго *Вадимъ* при-
 ближается ко дворцу. Онъ видитъ иду-
 щаго въ стрѣшеніе свое *Декевала* , со
 всею множествомъ вельможъ дакскихъ ;
 но не зрѣтъ одной *Брячиславы*. Нез-
 вѣстный ужасъ объемлетъ его душу : онъ
 приближается къ стѣнѣ своей возлюбленной ,
 сходилъ съ коня и вручаетъ ему мечъ
 убившаго имъ Римскаго Полководца ; но взо-
 ры его вопрошаютъ , для чего не видятъ
 они *Брячиславы*. Самъ *Декевалъ* посреди
 обильнѣйшихъ и радостныхъ слезъ , казалось , что
 вопрошалъ его о томъ же съ своей сторо-
 ны. Нетерпѣливость пресѣкаетъ взаимное
 ихъ молчаніе , и оба они вдругъ вопроша-
 ютъ : гдѣ дочь моя ? гдѣ возлюбленная *Бря-
 числава* ? Вопросы сіи приводятъ къ объясне-
 нію , и оба они съ шрепетомъ познаютъ ,
 что *Брячислава* , не преодолевши желанія
 увидѣть возлюбленнаго своего увѣнчаннаго
 лаврами , переодѣвшись въ мужское платье ,
 оставила тайно дворецъ родителя своего ,
 и отбѣжала въ Панонію. *Декевалъ* вѣдалъ
 о томъ изъ оставленнаго ею письма ; но не
 зналъ еще , что она въ войскѣ не явилась.

Но

Не возможно описать ужаса и горести, объявляшихъ тогда *Вадима*: онъ считалъ ее погибшею, или, что лучшимъ подаяньемъ было должно, доставшеюся въ добычу Римлянамъ, когда когорты ихъ проходили изъ за Дуная въ соединеніе къ главной арміи. Тысяча отборныхъ дворянъ разослана была въ тотъ же день въ разныя стороны для извѣданія; но медленность ихъ не приносила отрады, спрѣдущему *Вадимову* сердцу. Онъ клялся не возвращаться въ Дакію, пока не сыщеть свою возлюбленную. Тщетно убѣждалъ его ошъ шаковаго предпріятія *Декевалъ*; могло ли что удержатъ его? Онъ оставилъ Врасовъ, и въ немъ вѣрнаго своего *Урмана*, для вспоможенія мудрыми своими совѣтами престарѣлому и огорченному Дакскому Монарху; а самъ взявъ съ собою только двухъ вѣрныхъ оруженосцовъ, отправился искать особу, въ коей заключалось все благополучіе жизни его. Хотя оставялъ онъ новое ошечество свое, запутанное въ кровавую войну съ сильнымъ народомъ; но уповалъ, что совершенное пораженіе всѣхъ войскъ его, въ сей странѣ находящихся, не скоро приведетъ въ забвеніе шаковую рану, и либо поведетъ къ миру, или издолго отведетъ возобновленіе войны. Надежда ободряла его мысли, что между тѣмъ будетъ онъ щасливъ въ своемъ поискѣ, и съ спокойнѣйшимъ

шимъ сердцемъ успѣшь возвратиться къ за-
щитенію отечества возлюбленной. Однако
онъ обманулся въ томъ; участь предпри-
дѣляла его ко многимъ злокачченіямъ, а да-
кѣ конечную погибель отъ сильнаго непри-
ятеля.

Тщешно спранствующій *Видимъ* сбѣ-
ѣхалъ всю Панонію, область Ясевъ, Полянъ,
Финновъ, Суголовъ и Порусовъ; нигдѣ не на-
шелъ онъ ни малѣйшаго слѣда, который привелъ
бы его на путь къ желаемому предмету.
Оплакывая жестокость судьбы своей, слѣв
онъ въ Порусіи на Варяжской корабль, плы-
вущій къ брегамъ Ипалійскимъ, и вознамѣ-
рился подѣ скрытымъ именемъ искать свою
Брячиславу въ нѣдрахъ самаго Рама. —

На семь словъ *Изборъ* пресѣкъ слова
Голсвановы; проведенное имъ утро въ шу-
дахъ заброловства отягощало вежды его
смыслъ. Избавляю себя (сказалъ онъ ему)
отъ условія; мы можемъ докончить завтра.
Онъ возвратился изъ садовой бесѣдки въ по-
кои дворца своего; вечеръ, ночь, утро и
остатокъ дня проведены въ обыкновенныхъ
упражненіяхъ. *Славомиръ* съ цѣлою связкою
нужныхъ бумагъ не былъ допущенъ во
внутренніе чертога; онъ, поворчалъ, поче-
салъ въ головъ, и пошелъ шрудиться къ поль-
зѣ государства. Но рачительный *Изборъ* не
пропустилъ вечернихъ часовъ; онъ въ срокъ
за-

валялъ мѣсто свое въ садовой бесѣдкѣ, и Голованъ продолжалъ.

В Е Ч Е Р Ъ II.

Уже изъ за горизонта представлялась плывущимъ горящійся верхъ горы Везувіи; кормчій уповалъ пристать къ берегамъ Кампаніи (*) еще до захожденія солнечнаго, какъ внезапно надѣла ужасная туча, въшры заревѣли, и вздымающіяся къ небесамъ волны понесли корабль посреди окружающей пымы въ неизвѣстную сторону. Три дни продолжалась ужасная сія буря, и кормчій не вѣдалъ, въ какой странѣ свѣта они находятся; ибо въшры премѣнялись почти ежечасно, кормило отшибло, и носило ихъ по стремленію волнъ въ разныя стороны. Въ сіе страшное время всѣ были въ отчаяніи, опричь одного: *Вадима*, которой, пренебрегая опасность, ободрялъ всѣхъ своимъ примѣромъ, и спасеніе корабля можно было приписать его неустрашимости; ибо когда нѣскольکو матросовъ сорвано было вихремъ, главную мачшу сломило, и всѣ Варяги слабѣвъ оставили корабль безъ управленія, одинъ онъ бросался во всѣ стороны, и заслупалъ

Часть I.

В

дол-

(*) Кампанією называлась въ древности та страна, гдѣ нынѣ Неаполитанское королевство.

должность кормчаго и машросовъ. Казалось, что онъ превозмогъ бурю своимъ великодушiемъ. Наконецъ вѣшры умолкли, природа воспріяла прежнюю тишину, и лучи солнечные освѣтили ихъ опять близь столповъ Иракловыхъ, гдѣ сей полубогъ сильными руками своими раздѣлилъ перешеекъ, соединявшій некогда Европу съ Африкою. Корабельный народъ, видѣвши себя на краю достоверной гибели, и припомъ не далеко снесенныхъ отъ желаемой пристани, наполнялъ воздухъ радостными восклицанiями. Но веселiе шакое не надолго было: не успѣли они вышпи изъ пролива, какъ усмотрѣли варварской разбойничiй корабль, бѣгущiй къ нимъ на всѣхъ парусахъ. Варяги пришли въ новое отчаянiе; ибо не имѣли ни силъ къ ващипенiю своему, ни кормила къ управленiю кораблемъ; они гошовы были ошдашься въ неволю безъ сопротивленiя. Безплодно начальникъ корабля укорялъ ихъ шрусосшiю; они вышли изъ повиновенiя, и въ ошвѣшь самаго его называли измѣнникомъ, ищущимъ ихъ смерти.

Тогда *Вадимъ*, коего сердце никакая опасность поколебать не могла, вошелъ въ средину волнующихся машросовъ, и краснорѣчiемъ своимъ старался возбудить въ нихъ угасшую храбросшь. Онъ представлялъ имъ славу, кошорая повсегда пребывала съ оруженiемъ

жѣмъ Варяжскимъ ; изображалъ бѣдствія не-
воли , коей они добровольно хотѣвъ подвер-
гнуться ; доказывалъ , что свободнорожден-
нымъ людямъ спокрашнѣ лучше погибнуть ,
защищая свою вольность , чѣмъ какъ под-
лымъ рабамъ прощануть шею къ возлагаемо-
му ярму . Словомъ сказать , героическій видъ ,
сопровождаяшій слова его , воспалилъ въ нихъ
угасшую храбрость : воины бросились къ ору-
жію , а магросы начали сколько можно бы-
ло шрудиться въ починкѣ корабля и приве-
деніи онаго въ оборонительное состояніе .
Черезъ нѣсколько часоѣ варвары приближи-
лись , и оказали намѣреніе свое къ нападе-
нію ; хотя не можно опредѣлишь было , съ
какой стороны учинено оное , для того
что оба корабля вдругъ сблизились и сдѣ-
пились крюками . Началось кровопролитное
сраженіе . *Вадимъ* съ двумя *Даками* своими
разносилъ всюду ужасъ , и смерть сопровож-
дала удары его ; однако и между варва-
ровъ находился противникъ ему . Былъ то
молодой , прекрасный воинъ , въ позолочен-
ной бронѣ ; но сила и отважность превосхо-
дили лѣша его . Можно было признать его за
начальника корабля ; потому что онъ обо-
дрялъ всѣхъ уступающихъ варваровъ словами
и примѣромъ своимъ . Не надолго оба ратни-
ка остались безъ сраженія ; скоро усмотрѣли
они , что побѣда не будетъ рѣшишель-

на, пока оба они будутъ живы. Взаимное ихъ другъ на друга стремленіе чрезъ нѣсколько часовъ удержано было шолпою рядовыхъ, шѣснящихъ и поражающихъ другъ друга съ вѣрскою лютошю. Но наконецъ на обонхъ корабляхъ не осталось ни одного воина, опричь машросовъ; оруженосцы *Вадимовы* пали ошъ руки юнаго варварскаго начальника. Смерть ихъ еще болѣе раздражила сына Вуривоева; онъ вскочилъ на варварское судно, и напалъ какъ левъ на своего противника; но юный воинъ принялъ его съ таковою неустрашимостію, что всякой бы кромѣ *Вадима* принужденъ уступить былъ. Щипы ихъ возгремѣли ошъ сильныхъ ударовъ, и ошрубки оныхъ лешѣли чрезъ край корабля далеко въ море. Нѣсколько разъ *Вадимъ* принужденъ былъ уступать на свой корабль, но столькожъ разъ прогонялъ варварскаго начальника и наступалъ на него. Наконецъ щипы ихъ развалились, оба ратника лишились силъ, саблм изъ рукъ ихъ выпали и принуждены были оставишь сраженіе. Ушомленные герои взирали другъ на друга съ удивленіемъ, но остерегаясь взаимно, чшобъ кто изъ нихъ не возобновилъ сраженія нечаянно. Между шѣмъ личникъ шелома противника *Вадимова* опустился, чершы лица его произвели великое впечатлѣніе въ душѣ Славянскаго Князя; онъ возчувство-

валъ

валь непреодолимое желаніе примириться съ
 нимъ. Долго удерживался онъ вступити съ
 нимъ въ разговоры, опасаясь того, чтобъ
 прошивникъ его не счелъ то за робость;
 но наконецъ не могъ преодолѣть себя. Госу-
 дарь мой! сказалъ онъ ему: кажется, что
 мы совершили уже долгъ нашъ, желая при-
 обрѣсти побѣду каждой своему ошечеству.
 Явно зримъ мы упорство судьбы, не позво-
 ляющей на обѣ стороны присвоить шаковую
 славу. Свидѣтели нашей храбрости учини-
 лись добычею смерти; и какая будешь поль-
 за, когда оба мы послѣдуемъ за ними? По-
 бѣда и тогда еще не рѣшилась. Я не ошре-
 къзуюсь ошъ того, ешьяли вамъ угодно; но
 признаюсь, что съ сожалѣніемъ долженъ буду
 покушаться на жизнь вашу; неизвѣстное
 мнѣ прищяженіе влечетъ меня къ вамъ. —
 Вы говорите языкомъ моего сердца (ошавш-
 ствовалъ молодой воинъ по Славянски; что
 еще больше возбудило любопытство *Вадк-
 мово*.) Я самъ хотѣлъ сказать вамъ то же.
 Клянусь безсмертными, что съ сего часа
 оружіе мое будешь служить токмо для за-
 щиты вашего. Тайное побужденіе прину-
 ждаетъ меня ошвергнуть всякую къ вамъ
 недовѣрчивость; я влагаю въ ножны мою саб-
 лю, и вручаю въ залогъ вѣчнаго къ вамъ
 дружества сей перстень. — Онъ, сказавъ сіе,
 снялъ съ руки драгоцѣнной перстень, и пода-
 валъ,

залъ *Вадиму*, которой, равномерно вло-
 живъ оружіе, принялъ оный почтительно,
 надѣвъ на руку, на мѣсто своего равномер-
 ной цѣны перстня, который подалъ своему
 новому другу. Оба они заключили другъ друга
 въ объятіяхъ, и клялись взаимно о вѣчномъ
 дружествѣ. — Храбрый Герой! сказалъ по-
 томъ *Вадимъ*, желающій нещербланво уз-
 нать объ имени новаго своего друга: удо-
 вольствие мое въ полученіи вашей благосклон-
 ности будешь слабо, когда не буду я знать,
 кому за оную обязанъ благодарностию. Нарѣ-
 чіе ваше доказываетъ, что мы единоплемен-
 ники; не скройте отъ *Вадима* Князя Славяно-
 русскаго имени и опечесства своего. — Не-
 бо видишь, опашествовалъ молодой воинъ,
 сколько огорчаетъ меня то, что не могу
 удовлетворить я вашему желанію! Нѣкоторыя
 обстоятельствова принуждали меня учинить
 тяжкую клятву, до нѣкотораго опредѣлен-
 наго времени никому не открывать объ
 моемъ имени. Впрочемъ щиталъ бы я въ
 особенное щастіе исполнить въ томъ волю
 великаго героя, наполнившаго весь свѣтъ сла-
 вою своего имени въ послѣднюю войну меж-
 ду Даковъ съ Римлянами. Между тѣмъ буд-
 те увѣрены, что природа моя не наноситъ
 дружеству нашему безчестія, и довольствуй-
 тесь до времени, когда угодно будешь бо-
 гамъ впредь соединить насъ, называя и по-

по-

помянь меня подъ именемъ *Готфа*. — *Вадимъ* съ огорченіемъ принужденъ былъ оставаться любопытство, и не смѣлъ убѣждать друга своего къ нарушенію клятвы. Между тѣмъ *Готфъ* простиралъ къ нему объяснiя; онъ поцаловалъ его, и прощаясь говорилъ: участь наша принуждаетъ насъ разстаться; но въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни находился, храбрый *Вадимъ* навсегда останется въ моей памяти. Переважите между тѣмъ свои раны, и старайтесь о починкѣ поврежденнаго судна своего. — Какія это раны! говорилъ *Вадимъ*, вздохнувъ; сердце мое носитъ неисцѣлимую язву, произведенную несравненною красою *Дагской Княжны*. О другъ мой! скажи, не удалось ли тебѣ когда нибудь объ ней слышать? Не знаешь ли, въ какой нинѣ странѣ она обитаетъ? — Но *Готфъ* удалился отъ него усмѣхнувшись. Удивляюсь, сказалъ онъ, что сердца непобѣдимыхъ Героевъ безъ всякаго спроси-звенія покаряются слабымъ женщинами! По семь словъ ошмялъ онъ крюки, соединявшіе корабли, и волнованіе, начинавшееся въ морѣ, аскорѣ удалило оныя изъ виду.

Вадимъ остался въ изумленіи; клятвы новаго его друга, и усмѣшка при напоминаніи о *Дагской Княжнѣ*, казались ему загадкою. Онъ подозрѣвалъ въ своихъ воображеніяхъ считать его за *Арпада*; но рассуждая

опровергалъ таковыя мысли. Естьлибъ былъ то братъ моей возлюбленной, (иниалъ онъ) могъ ли бы онъ удержаться, вѣдая союга мой съ *Декваломъ*, какъ то видимо было изъ словъ его, не открыться мнѣ? По какой причинѣ заклеяся онъ пяишь свое имя? Не подозрѣваетъ ли онъ меня, что я хочу лишить его родительскаго престола? Ахъ! сколько я удаленъ отъ того! — Подобныя симъ разсужденія кончались нерѣшимостію. Между тѣмъ начинавшаяся буря усилилась; она не допускала кораблю пристать къ берегу, и влекла ихъ въ открытое море. Ослабшіе и безъ того корабельные служилеи не могли управлять кораблемъ поврежденнымъ. Носило ихъ нѣсколько дней, и на послѣдокъ при неизвѣстныхъ берегахъ судно разбилось о подводный камень. Всѣ погибли, кромѣ одного *Вадима*, который, успѣвъ схватить саблю свою, спасся отъ потопленія на отломкѣ корабля. Онъ вышелъ на неизвѣстную землю, отъ великаго утомленія легъ подъ случившимся шумъ густымъ деревомъ, и печальнымъ размышленіямъ его посаждоваалъ крѣпкой сонъ.

Вадимъ пробужденъ былъ шорохомъ жимондущаго челоѣка, и раскрыавъ глаза, увидѣавъ невольника въ желтомъ одѣянн. — Остановись, другъ мой! закричалъ онъ ему, и удовольствуй мое желаніе: скажи пожалуй,

въ

въ какомъ нахожусь я и вѣстѣ? — „ По чему я тебѣ другъ? отвѣчалъ незнакомой; ты меня отъ роду не видывалъ. „ — *Вадимъ* обрадованный тѣмъ, что незнакомой разумѣлъ языкъ его, повторилъ свою прозвѣбу. На что оной съ громкимъ смѣхомъ сказалъ ему: „ По видимому ты еще глупѣе и господина моего; развѣ ты не видишь, что лежишь на берегу подъ дубовымъ кустомъ? *Вадимъ*, сочтя, что онъ не ясно выразумѣлъ слова его, продолжалъ спрашивать у него, какъ называется она земля и подъ чьимъ состоянѣмъ владѣнѣмъ. — Эта земля, отвѣчалъ онъ, называется землею; этотъ кустъ называется кустомъ; а надлежатъ они нашему суду. Развѣ ты не умѣешь ихъ назвать другими именами? Такъ разтолкуй мнѣ. Вѣдь всякая вещь называется своимъ именемъ: собака собакою, а я называюсь *Простой*, а прѣхалъ я сюда съ краю свѣта шакъ далеко, что тебѣ и въ умъ не войдетъ. — Славяскій Князь по виду незнакомога заключалъ, что имѣешь дѣло съ дуракомъ; но желая удостовѣриться, всмалъ, и дабы узнать изъ нѣкоторыхъ словъ его желаемое, спрашивалъ: какъ называется ихъ судья? и гдѣ живенъ владѣтель земли сей? Но желтоодѣянной былъ испуганъ незнакомымъ одѣянѣмъ *Вадимовымъ*, побѣждалъ отъ него прсчъ, кр-

ча: нашъ судья живетъ въ городѣ, домъ его на большой площади; а еслии не вѣришь, поди самъ посмотри. И удалился изъ виду.

Вадимъ, не собравшись еще съ силами, принужденъ былъ оставить до времени любопытство свое, и легъ для отдохновенія на прежнемъ мѣстѣ. участь возлюбленной его *Брячиславы* заняла мысли его съ жесточайшими воображеніями, и безпокойный духъ его лишаѣтъ успокоенія. Онъ занявъ еще былъ своею печалію, какъ услышалъ приближеніе коннаго, и оглянувшись усмотрѣлъ молодого прекраснаго мужчину въ богатомъ Римскомъ одѣяніи, ѣдущаго на Турецкомъ величолѣпно убранномъ конѣ. Онъ не правилъ имъ, но давалъ волю везти его, куда хочетъ. По случаю лошадь остановилась въ иѣскалькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ находился *Вадимъ*. Незнакомой, какъ бы вышедъ изъ глубокой задумчивости, началъ оглядываться на всѣ стороны, возводилъ взоры свои на небо, билъ себя въ грудь, и по томъ поворошилъ коня въ сторону на густой шершовой кушарникъ. Живоное, удерживаемое густою и спицами терновника, остановилось; но всадникъ понуждалъ шпорами и ударами. Лошадь прыгала, остановясь на одномъ мѣстѣ, и привела шѣмъ его въ досаду. Онъ

сско-

сскочилъ на землю, и порожая невинную шварь нѣсколькими ударами своего кинжала, умертвилъ. Тогда онъ, какъ бы изъ глубокаго сна пробудившись, усмотрѣлъ не-всѣможность, удерживавшую коня его отъ повиновенія. Казалось, что сожалѣлъ онъ объ немъ, толкалъ его ногами, и увидѣвъ, что онъ умеръ, въ великомъ бѣшенствѣ вонзилъ кинжалъ свой въ землю. *Вадимъ* удивлялся поступку незнакомаго, но вскорѣ изъ словъ его заключилъ, что онъ несчастной любовникъ, лишившійся разума. Между тѣмъ сумасшедшій, произнесши многія жалобы, пришелъ въ совершенное опчяднѣ, и бросаясь къ своему кинжалу, закололъ себя, прежде нежели Князь Славянскій могъ предупредить его въ шомъ. Онъ бросился къ несчастному, желая подать каковую нибудь помощь; но увидѣвъ его уже бездушна, вынулъ изъ груди его окровавленный кинжалъ.

Въ самое то время прискакала къ оному мѣсту прекрасная Римлянка, въ послѣдованіи выше упомянушаго желшоодѣяннаго челоуѣка. Она, взглянувъ на мертвое и обогренное кровію тѣло, и на стоящаго при ономъ съ кинжаломъ въ рукѣ *Вадима*, прыгнула съ своей лошади, выхватила кинжалъ, при ней находившійся, и напала на него въ опчяднѣ. убійца любезнѣйшаго на свѣтѣ че-

человѣка! кричала она, производя удары, отъ которыхъ *Вадимъ*, не имѣющій щита, укрыться не могъ, и получилъ глубокую рану въ правое плечо. — Удержись, государыня моя, говорилъ ей отступающій Князь, я не участвую въ его смерти; онъ самъ умершилъ впервыхъ свою лошадь, а потомъ и самого себя. Но ошчаянная дѣвица, не внемля словъ его, старалась лишить его жизни, и принудила шѣмъ къ оборонѣ. *Вадимъ* старался пощадить ее; но получивъ многія раны, принужденъ былъ проколоть правую ей руку. Однако то не удержало ее бѣшенства; она, подхвативъ кинжалъ лѣвою рукою, продолжала нападеніе. Она бросалась на него, кричавъ: не щади меня немилосердой! мнѣ пріятно умереть отъ руки, пресѣкшей дни моего любезнаго *Либона!* — Невинный *Вадимъ*, не находя иного себѣ спасенія, долженъ былъ дать ей нѣсколько легкихъ ранъ, уповая привести шѣмъ ее въ безсиліе. Ошчаянная любовница дѣйствительно сочла оныя смертельными, обратилась къ шѣлу *Либонову*, обняла оное, и цалуя говорила: дражайшій любовникъ! напрасно сомнѣвался ты въ моей вѣрности; а послѣдую за тобою! — Съ словомъ симъ поразила она себя въ грудь, и упавъ на шѣло *Либонovo*, скончалась.

Меж-

Между шѣмъ желшоодѣянной невольникъ, какъ скоро увидѣлъ, что госпожа его ранена, сѣлъ на ея лошадь и уткакалъ прочь. — Произшествіе шаковое, и участь двухъ любящихся, наполнили душу *Вадимову* горестію. Судьба ваша несчастна, вопіялъ онъ, ваяря на шѣла, предъ собою простершыя; но нѣкоторымъ образомъ досшойна зависти. Вы достигли своего предопредѣленія; никакія мученія не удручаютъ сердець вашихъ, и можешь быть правосудіе боговъ награждаетъ вашу вѣрность вѣчнымъ соединеніемъ. А я спократно васъ несчастнѣе! Я раваученъ отъ моей возлюбленной: слабая надежда свидѣться съ нею, лишь умножаетъ мое спраданіе. Несчастія ва мной послѣдуютъ, и поискамы моимъ полагаютъ препяшствія. Рожденный на престолѣ славы, лишенъ я надлежащаго миѣ достоянія; долженъ былъ прибѣгнуть подъ защитеніе чужестраннаго Государя; но пріобрѣвши тамъ убѣжище, изгнанъ изъ онаго жестокою спрастію. Искавъ возлюбленной, оставилъ великодушнаго ея родителя, котораго самъ запусалъ въ опасную войну съ страшнымъ саѣту народомъ, и оставилъ въ старости, неудобной къ понесенію шрудовъ! Можешь быть онъ окруженъ шеперь непримирными своими врагами, можешь быть простираешь ко миѣ ошгачек-

ченныя оковами руки свои, пребуд моего
 ващищенія и мести; а я нахожусь въ неиз-
 вѣстной странѣ, можетъ быть среди вра-
 говъ его, одинъ, и подвергаемый подозрѣ-
 нію въ убивствѣ сихъ любовниковъ. —
 По томъ представляется печальнымъ вооб-
 раженіямъ его *Брянислава*. Иногда видишь
 онъ ее въ неволѣ высокомѣрныхъ Римлянъ,
 подъ скрытымъ имянемъ осужденну къ под-
 лѣйшимъ работамъ; по представляется она
 ему опознанная врагами отечества своего,
 и осужденная на жершву мщенія шѣнямъ
 погибшихъ отъ руки Даковъ Римскихъ ле-
 гіоновъ. Тысяча другихъ равномѣрно жест-
 стокихъ помышленій изшоргаютъ изъ очей
 его слезы. Онымъ послабдуютъ облегчающія
 сердце тяжкія воздыханія. Въ задумчиво-
 сти шаковой подходитъ онъ къ бездушнымъ
 тѣламъ, вынимаетъ кинжалъ изъ груди лю-
 бовницы *Либоновой*, и сравнивая оба роко-
 выя оружія, находить оныя художествомъ
 одного дѣлателя. Онъ прокликаетъ руку,
 устроившую бѣдственной металлы сей. Че-
 ловѣколюбіе внушаетъ ему мысль предать
 землѣ тѣла великодушныхъ любовниковъ, и
 предварить алчность хищныхъ жившнихъ,
 чтобы не учинились оныя ихъ добычею.
 Онъ завязываетъ свои раны, унимаетъ ше-
 кущую изъ оныхъ кровь, и собравъ оста-
 шокъ силъ, начинаеть кинжаломъ рышь могилу.

Доб-

Добродѣтельное его намѣреніе пресѣ-
кается скачущею къ нему шолпою воору-
женныхъ. По одѣянію и оружію ихъ по-
знаешь онѣ, что находишься въ странѣ Рим-
лянъ. Желшоодѣянной невольникъ велѣ ихъ,
и по указанію его *Вадимъ* окруженъ былъ
воинами. Тщешно Князь Славянской сшарался
оправдаться себѣ въ ложноподоарѣваемомъ на
него убивствѣ; грубый народъ не внималъ
словъ его, а особливо по тому, что всѣ обсто-
ятельства слагали на него пресшупленіе. Въ
рукахъ его было окровавленное оружіе; онѣ
рылъ яму безъ сомнѣнія для зарытія тѣлѣ убив-
шихъ имѣ. Они отняли его оружіе, и связавъ
руки, посадили на лошадь желшоодѣяннаго
невольника, и повели. Сему чрезмѣрно досадно
было, что принудили его пѣшкомъ итти; онѣ
заключалъ въ мысляхъ, что уже учинился
ихъ начальникомъ, и жестоко бранилъ ихъ
за таковую себѣ обиду. *Вадимъ*, спокойный
духомъ въ разсужденіи своей невинности,
спрашивалъ у воиновъ о странѣ и мѣстѣ, въ
которое вѣдутъ его; но не удостоенъ былъ
отвѣтомъ, и рѣшился подвергнуться своей
участи, уповавъ предѣ разумѣйшими судія-
ми доказать свою невинность. Его приве-
ли въ великолѣпно устроенный городъ.

Слухъ о убивствѣ *Либона*, знаменитаво
дѣльножи сына, распростерся уже, и народъ
сбѣгался шолпами видѣть мнимаго пресшуп-
ника.

ника. Оный проваженъ былъ въ замокъ , и посаженъ въ башнѣ подѣ крѣпкимъ карауломъ. *Вадимъ* принужденъ былъ сносить ошѣ стражей своихъ разныя досады ; но радовался услышавъ , что назавтрѣе представленъ будетъ на судъ предѣ Намѣстника *Квистія* , предѣ коимъ уповалъ доказать свою невинность. Шушру повели его подѣ строгимъ присмотромъ въ судилище. Онъ увидѣлъ собравшійся совѣтъ , изъ многихъ престарѣлыхъ мужей состоящій. Всѣ дивились его неустрашимости , каковую онъ оказывалъ , и величественный его видъ пріобрѣталъ сердца въ его пользу. Онъ не дождавшись , чтобъ начали ему допросъ , съ низкимъ поклономъ говорилъ судіямъ слѣдующее : Высокопочтеннѣйшее Собраніе ! я какъ чужестранецъ , спасшійся послѣ кораблеразбитія на брега ваши , не вѣдаю точно , въ какой обрѣтаюсь споронѣ , и съ какимъ народомъ имѣю дѣло. По догадкамъ моимъ заключаю , что нахожусь я среди Римлянъ ; но сомнѣваюсь въ томъ , въ разсужденіи нарушеннаго страннопріимства. Весь свѣтъ наполненъ слухомъ , что Римляне къ прочимъ добродѣтелямъ своимъ присоединяютъ и сіе ; а я вмѣсто покровительства , взятъ какъ злодѣй подѣ стражу. Но какое бы мое было прѣступленіе , я не вѣдаю и ниццо на меня въ томъ доказать

вашь

даль не можешь. II, какой причинѣ бы считаешь меня убійцею двухъ несчастно жизнь окончавшихъ своими руками особъ, когда я ихъ впервые только увидѣлъ? — По томъ разсказалъ онъ все обстоятельство, какъ *Либон* прѣхалъ внѣ себя, какъ заглодъ свою лошадь, а по томъ и себя; и какимъ образомъ приспѣвшая въ то время дѣвица, нашедъ его близъ шѣла *Либонова*, къ коему бросился онъ было на помощь, напала на него и во многихъ мѣстахъ ранила. Онъ показывалъ свои раны, и ссылался на взявшихъ его подъ стражу, что они видѣли еще текшую изъ ранъ его кровь. Онъ требовалъ наконецъ, чтобъ представленные были свидѣтели, кои бы могли уличить его, и просилъ, чтобъ они изслѣдовали дѣло по справедливому имъ правосудію, и не считали бы его по одному только ложному подозрѣнію на злодѣя.

Собраніе, выслушавъ терпѣливо предсказаніе его, требовало, чтобъ представленные были доносители, имѣющие обвинить въ возмездіи на него убійствѣ. Однако оныхъ не оказалось, oprичъ желтоодѣяннаго невѣлика, изъ котораго словъ ясно слышалась *Вадимова* невинность. Но между шѣмъ, изъ увѣженія къ знатности родителей убійныхъ, не можно было безъ подробнѣшаго изслѣдованія освободить его; и можешь бы съ тру-

Часть I.

Г

дсмѣ

домъ онъ получилъ свое избавленіе, когда бы не снялъ защищеніе его Публий Ювиніанъ, Трибуунъ Римскій, вошедшій по случаю въ собраніе. Онъ узналъ *Вадима*, хстя и скрылъ онъ своихъ соотчичей; во время войны въ Паноніи вѣсть онъ былъ въ плѣнѣ, однако по великодушію *Вадимову* содержанъ былъ не такъ какъ плѣнный неприятель, но пристойно его чину, и отпушенъ по освобожденіи Паноніи обратно въ отечество. Таковое одолженіе не могло остаться безъ благодарности съ стороны Римлянина; онъ разумѣвъ, каковой опасности подверженъ будетъ при опознаніи Полководецъ Дакскій: и для того, пришворясь незнакомымъ, старался убѣждать судей въ его пользу. Оные выспрашивали у *Вадима*, изъ какой онъ страны, и какого состоянія человѣкъ; но сей не сочелъ за полезное сказать о себѣ, и объявилъ, что онъ Тысяцкій Славянорусскаго Государя Гардорика. Наконецъ до дальнѣйшаго изслѣдованія по предстательству Публиеву освобожденъ былъ онъ изъ подъ стражи, и отданъ на поручительство въ домъ его.

Вадимъ принявъ былъ онъ Публия съ пристойною природѣ его честію. Когда остались они наединѣ, Князь Славянскій приносилъ въ чувствительнѣйшихъ выраженіяхъ благодарность своему покровителю, и не знающему онъ былъ обязанъ, просилъ его увѣдомить о томъ. Тогда съ удивленіемъ и ужасомъ

сомъ вразумленъ былъ отъ Публия, что
 имѣешь дѣло съ человекомъ довольно зна-
 комымъ. Я примѣчаю, продолжалъ по томъ
 Римлянинъ, что вы беспокоитесь о моей
 скромности вразсужденіи вашего подлиннаго
 имени; но будьте увѣрены, что обязанный
 имени Публий не измѣнитъ своему благодѣше-
 нію, хоша бы отъ того зависѣла гибель
 всего моего отечества. Онъ клялся ему въ
 томъ предъ богами домашними, и успокоивъ
 его, содержалъ въ домъ своемъ до оконча-
 нія суда, въ кошоромъ былъ за него пове-
 реннымъ. Чрезъ нѣсколько дней объявленъ
 онъ невиннымъ. По слѣдствію оказалось, что
 злоубійство *Либонико* послѣдовало въ су-
 ществствѣ по слѣдующей причинѣ: —
 онъ былъ смертельно влюбленъ въ дочь Се-
 натора Луція, именемъ Арришу. Страсть ихъ
 была взаимная; но родители ихъ по нѣкото-
 рой старинной враждѣ сочетанію ихъ дол-
 го противились. На послѣдокъ стараніями
 друзей своихъ были примирены, и съ радо-
 стію желали утвердить дружество союзомъ
 дѣшей своихъ. Уже назначено было время къ
 браку. Между тѣмъ *Кветій*, бывший Намѣ-
 стникомъ въ Кипрѣ, прибылъ въ Геркулану
 (такъ назывался городъ, въ кошоромъ *Ва-*
лль находилася). Разнесшаяся молва о пре-
 сходящей красотѣ его дочери понудила *Ли-*
бонико стараться оную увидѣть; въ чемъ и

не было затрудненія. При первомъ взглядѣ на оную подостоянство Либомово поколебало. Онъ обратился свое исканіе у Квіетія; но гордый Намѣстникъ, имѣющій важнѣйшія мысли о своей дочери, лишилъ его всякой надежды. Однако не преставаѣ онъ искать благосклонности у своей красавицы: но и шумъ тщетно; она не хотѣла уже жениха, кошорой ей лучше нравился, и вскорѣ за онаго вышла. Между тѣмъ невѣрность его не могла утѣшиться отъ Арришы; хотя Либомо и обратился было къ прежней своей невѣстѣ, но она начала принимать его холодно. Сіе возбудило въ жесточайшей степени первую страсть его; онъ чувствовалъ вину свою, и приходилъ въ отчаяніе. Арриша хотѣла его наказати ложнымъ презрѣніемъ, хотя сердце ея давно уже его простило. Онъ впалъ въ залумчивость; Арриша радовалась, видя опытомъ, сколько много женихъ ея раскаявается, и хотѣла продолжать минимумъ къ нему холодность, чтобъ больше научить его быти постояннымъ. Но сіе навлекло об немъ имъ плачевный конецъ. Либомо лишился разума, и въ бѣшенствѣ сѣвши на лошадь, поскакаѣ невѣдомо куда. Примѣтивши шо, уведомили Арришу; она погналась за нимъ въ саѣдъ, чтобъ его успокоить, но уже поздно: послѣдоваѣ приключеніе, пресѣкшее дни ихъ въ цѣлующей молодости.

Ва

Видиѣ оправдавшись, не считалъ за полезное медлѣть въ такомъ городѣ, гдѣ имя его, извѣстное уже одному, могло каковымъ нибудь случаемъ обнародоваться и подвергнуть его опасности. Но находясь въ странѣ Римлянъ, могъ ли онъ оставить безъ разсудыванія о возлюбленной своей *Бригиславѣ*? Онъ открылся въ томъ Публию, которой увѣрялъ его, что нѣтъ ни малѣйшаго слуху, чтобъ Княжна Дакская достигла въ плѣнъ Римлянъ; что бы не могло отъ него упасть. Онъ обнадеживалъ его также, что не можно оной и подъ скрытымъ именемъ быть въ областяхъ Римскихъ; потому что незнано ни одного человѣка изъ Даковъ въ плѣнъ отъ нихъ въ прошедшую войну. Вѣдомость такая поражала сердце *Видимово*; не оставалось ему много помыслить, что она лишена жизни въ пути своемъ. Но съ другою стъ рны ободряющая его надежда подкрѣпляла его мысли, и поощряла обѣхать всю Римскую державу, чтобъ самому въ томъ удостовѣриться. Онъ заключилъ немедленно оставить Геркулану; Публий снабдилъ его всемъ нужнымъ для путешествія. Намѣреніе его клонилось, побывавъ въ Римѣ, странствовать по дворамъ Нѣмецкихъ Королей, и по томъ возвратиться къ *Декевалу*; но неожиданнѣй случай удержалъ его въ Геркуланѣ. —

Изборъ гошовъ былъ слушать продолженіе Повѣсти; но должнн ему, что приняты были изъ Поланской страны тѣ гончіе собаки, коихъ давно уже ожидалъ онъ съ нетерпѣливостію. Такое важное приключеніе остановило Повѣсть до слѣдующаго вечера.

В Е Ч Е Р Ъ III.

Вадимъ, назначивъ день ошѣзда, хотѣлъ воспользоваться оставшими часами для осмотра великолѣпныхъ зданій Геркуландскихъ, о коихъ слава носилась во всеміи свѣтѣ. Руководство Публіево облегчало всѣ затрудненія его любопытству; его впускали во всѣ храмы и дома вельможъ. Дворецъ, въ которомъ обиталъ Квіетій, могъ считаться отличнѣйшимъ художествомъ; *Вадимъ*, проходя по внутренней онаго площади, увидѣлъ смотрящаго изъ окна невѣльника съ особеннымъ на него примѣчаніемъ. Первый взоръ пронзалъ сердце Славянскаго Князя, и наполнилъ онаго радостію и изумленіемъ. Онъ, не взирая на переодѣаніе, чаялъ видѣть черты возлюбленной своей *Брячиславы*. Публій съ нимъ тогда находился; *Вадимъ* не скрылъ отъ него подозрѣнія, въ коемъ сердце его увѣряло. Безъ помощи сего Римулина восторгъ *Вадимовъ* подвергъ бы тайну

ту его опасному открытію. Публикъ остерегъ его, убѣдилъ къ терпѣнію, и обѣщаль развѣдать подробнѣе о семъ невольникѣ; онъ вывелъ Князя немедленно изъ дворца, и самъ возвратился въ оный.

Кто любилъ съ подобною жестокостію, можешь представить себѣ о состояніи души *Вадимовой*, въ тѣ минушы, когда другъ его пекся въ развѣдываніи. Восторги, уныніе, что можеть быть онъ обманутьъ пышнымъ сходствомъ; робостныя помышленія о трудностяхъ къ избавленію своей дражайшей, естли то въ самомъ дѣлѣ она: изображались на лицѣ его въ смѣси различныхъ красокъ. Едва преодолавъ онъ нестерпѣніе свое, тысячекратно обращался въ слѣдъ за Публиемъ, и столькожъ разъ останавливался. Наконецъ другъ его возвратился, но не принесъ другаго извѣстія, кромѣ того, что невольникъ сей находился въ великой нищости у *Квѣшія*, и онъ правляеть должность виночерпія; что онъ начиналъ съ нимъ говорить безъ свидѣтелей, но не могъ получить признанія; можеть быть по тому, что и самъ не смѣлъ открыться о имени того, для кого онъ выспрашивалъ. Невольникъ сказалъ ему только, что онъ родомъ *Славянинъ Полянскій*, и взятый въ плѣнъ *Нѣмцами*, кои его продали *Квѣшію*. Однако предчувствованія ободрили *Вадима*; онъ

Г 4

убѣ-

убѣждалъ своего друга, чтобъ онъ подъ какимъ нибудь видомъ испросилъ позволенія у Квіетія взять его виночерпія на нѣсколько часовъ въ домъ къ себѣ. Публій не могъ отговориться въ томъ, и обратился къ выдумкамъ приличной причины. Ему вспало на мысль объявить Квіетію, что извѣстный ему обвиняемый въ убійствѣ *Лобана* Славянинъ, ближній родственникъ его виночерпію; что оный узнялъ его, и между тѣмъ впадши въ жестокую болѣзнь, желаетъ съ нимъ видѣться. Не нашелъ онъ затрудненія у Квіетія; но не такъ легко можно было уговорить оспроужнаго невольника. Предложеніе таковое казалось ему подозрительно, и никогда бы не согласился оный слѣдовать за Публіемъ, если бы сей не шепнулъ ему на ухо объ имени *Вадимовомъ*. Перебѣна въ лицѣ виночерпія Квіетіева убѣдила Римлянина, что догадки *Вадимовы* имѣли основаніе; онъ клятвами обнадежилъ же имѣть никакого опасенія, и тогда въ послѣдованіи его возвратился въ домъ свой.

Боги! кого я вижу . . . вскричалъ виночерпій, взглянувъ на Вадима, и лишился чувствъ. Князь Славянскій повиналъ возлюбленную свою *Бряциславу*, бросился къ ней на помощь; а Публій удалилъ своихъ служителей. Лобзанія *Вадимовы* скоро привели ее въ память, и тогда вѣрные сердца
вѣж-

нѣжныхъ любовниковъ предалися полной радостію. *Вадимъ* разсказалъ *Брячиславъ* все происходившее въ ея отечествѣ по ея несчастному удаленію; какъ проѣхалъ многія страны въ проѣданіи объ ней, и какимъ случаемъ нашелся онъ въ Геркуланѣ. Онъ не забылъ описать предъ нею жестокость своего мученія, и какихъ слезъ стоило дерзостное ея предпріятіе ему, *Декевалу*, и всему ея отечеству. По томъ просилъ увѣдомить его, какимъ образомъ пропала она безвѣстно и досталась въ услуженіе *Квіетію*. *Брячислава*, увидѣвъ довѣренность своего возлюбленнаго къ *Публию*, не опасалась онаго болѣе, и разсказала слѣдующее.

Молва, разнесшаяся о храбрости и щастіи моего *Вадима*, поощрила нетерпѣливость мою увидѣть его на самомъ позорищѣ его славы. Не могла я ожидать позволенія на то моего родителя, ни прошивишься любви моею. Опасности, коимъ я подвергалась, не входили въ мои мысли, и въ мужескомъ плашѣ щипала я себя съ довольною предосторожностію. И такъ взявъ только двухъ дѣвицъ своихъ и осмерыхъ рыцарей, на вѣрность коихъ могла полагаться, уѣхала шійно въ Панонію. Безразсудство мое простиралось до того, что я не хотѣла продолжать пушъ мой шѣми мѣстами, гдѣ находились наши войска; миѣ хотѣлось,

чтобъ прїѣздъ мой воспослѣдовалъ печально; и для того слѣдовала я проселочными дорогами уклоняясь къ Дунаю. Между шѣмъ послѣдовало главное сраженіе. Разбитые Римляне бѣжали большею частію къ сей стѣнѣ, уповая спастись на судахъ, стоявшихъ у нихъ на Дунаѣ. Мы встрѣтились съ остаткомъ одного легіона, по одѣянію привняны за Даковъ, и были онымъ окружены. Тѣлохранители мои оказали при семъ случаѣ неброушный примѣръ храбрости; я и дѣвѣны мои также заключили умереть, либо избавиться. Множество Римлянъ пало отъ рукъ нашихъ, но наконецъ были мы стѣснены превосходною силою; тѣлохранители мои покрыты множествомъ ранъ, и всѣ мы взяты въ ялѣны. По щастію полъ мой остался не извѣстенъ нашимъ побѣдителямъ. Насъ привезли къ Дунаю, посадили на судно, и сочли безопаснѣе продолжать путь свой моремъ Меотическимъ до Фракіи. Римляне содержали насъ въ жесточайшей неволѣ, заперши въ чуланѣ подъ накрышкою судна, и не удостоивали своихъ разговоровъ; мы слышали разговоры начальниковъ ихъ, что они намѣрены были продать насъ въ неволю. Однако желаніе ихъ не исполнилось; возставшая буря разбила ихъ судно. Мы не извѣстно, что послѣдовало съ прочими; по тому что я, напрягая силы мои къ спасенію

жиз-

жизни жбей, лишилась чувствъ, и опомнилась
 уже на кораблѣ Фракійскихъ морскихъ раз-
 бойниковъ. Тогда лишь узнала я, каковою
 подвергалась опасности, и безразсудное пред-
 приятіе въ остановленіи родительскаго дому
 впервые обьяло мои мысли ужасомъ. Чего не
 должна была опасаться я отъ варваровъ,
 когда бы открылся имъ полъ мой? Но ща-
 стіе сохранило меня отъ сего бѣдствія. Вар-
 вары помышляли токмо о своей корысти,
 поплыли къ островамъ Греческимъ, и про-
 дали меня Кипрскому Намѣстнику Катемію.
 Осторожное мое поведеніе сводило и въ
 себѣ мѣстѣ подозрѣнія о моемъ полѣ; но съ
 другой стороны шерпѣла я жестокія нападе-
 нія отъ женщинъ. Лице мое многимъ нравилось,
 и я безъ всякаго намѣренія произвела множе-
 ство побѣдъ. Мимая суровость моя приводила
 лѣтницъ моихъ въ досаду, и наконецъ
 обратила спрасъ ихъ въ ненависть. Я
 прешерпѣла разныя отъ оныхъ гоненія; и
 сіе принудило меня стараться заслужить по-
 кровительство моего господина. Прилѣж-
 ность въ исполненіи его повелѣній приоб-
 рѣла мнѣ его милость, и я опредѣлена
 въ виночерпія. Должность моя состоятъ
 токмо подносить напитки гостямъ во вре-
 дя пиршествъ; а въ прочее время я почтѣ
 никогда не выхожу изъ моего покоя, и про-
 возж два дни мои, оплакивая съ шобою, любез-
 ный

ный Вадимъ, и съ родителемъ моимъ разлуку. Квириній примѣчалъ сокровенную печаль мою, и по милости ко мнѣ выспрашивалъ о причинѣ оныя; я всегда убѣждала его, что удаление изъ отечества, и оставленіе престарѣлаго безъ помощи родителя, наполняютъ мысли мои горестію. Квириній, считавшій меня за Славянина изъ Полянъ, обнадѣживалъ, что по возвращеніи въ Римъ дастъ мнѣ свободу и облегчитъ путь мой въ отечество мое. Съ того времени могла бы я успокоиться, ешьлибъ шолько имѣла извѣстія о возлюбленныхъ мнѣ особахъ; ибо время возвращенія моей свободы приближалось, и Квириній намѣренъ былъ по совершеніи свадьбы дочери своей, для коей промедлилъ онъ въ Геркуланъ, отбѣхавъ скоро въ Римъ. Не могу изобразить тебѣ, любезной мой Вадимъ, съ каксымъ чувствомъ увидѣла я тебя ходящаго во дворцѣ Квириніевомъ! Примѣчаніе, съ комъ шы взиралъ на меня, убѣждало меня, что я въ лицѣ своемъ не обманываюсь. Но надежда моя исчезла по швомъ удаленіи; мнимая мечта сія произвела лишь слезы. Я не вѣрила и тогда глазамъ своимъ, какъ почтенный Публий упомянулъ мнѣ о швомъ имени; не вѣрю еще и поднесъ, чтобъ шастіе мое достигло до такой степени! Но когда столь не ожидаемо соединены мы въ странѣ удаленной, упо-
ваю

зую, что несчастія иси воспріемлютъ конецъ свой; и могу ли бытъ я злочастною, когда соединена съ возлюбленнымъ моимъ *Вадимомъ*!

Окончивъ повѣсть свою, обняла она восхитеннаго своего супруга. Они никогда бы не разстались, естли бы Публій не припомнилъ, что для благопрістойности должно *Брячиславъ* немедленно возвращать: я въ домъ *Квіетіевъ*. Онъ обѣщаль употребить всѣ средства къ убѣжденію Намѣстника Кипрскаго въ здержаніи даннаго слова своему виночерпцю, и провождая *Брячиславу* въ домъ его, не пропустилъ того исполнить. Онъ увѣдсмилъ его, что Славянинъ узналъ въ виночерпцѣ роднаго своего брата, который предлагаетъ за него выкупъ, и гошовъ съ сею прозьбою повергнувшись къ ногамъ его. Онъ предлагаетъ мнѣ выкупъ, сказалъ холодно *Квіетій*; но не уповаю, чтобъ въ состояніи былъ онъ заплащивъ то, чего я пошребую. Трудно мнѣ лишиться возлюбленнаго и вѣрнаго мнѣ невольника. Но пусть предстанешъ ко мнѣ сей Славянинъ. Публій, гошовый жершвовашъ всемъ мнѣніемъ своимъ пользѣ своего благодѣтеля, спѣшилъ принести радостную вѣсть *Вадиму*. Въ тошъ же часъ предсталъ онъ съ нимъ *Квіетію*.

Вадимъ, не унижая себя, оказалъ глубочайшее почтеніе сему знаменитому Римлянину. Величественный видъ и красота Славянскаго Князя, внушила еще во время суда надъ

надѣннѣ уваженіе къ нему въ Кіевѣ. Онъ слушалъ со вниманіемъ предложеніе *Вадимо-во*, которой говорилъ ему слѣдующее: „Свѣтлѣйшій Кіевскій! благополучнымъ считаю часъ, въ который прибѣгаю къ Высочеству Твоему. Вина моего прошенія тебѣ извѣстна; братъ мой свободно рожденный Славянинъ находился въ швоей неволѣ, когда шокмо можно называть неволею услуги великодушному Римлянину. Сей братъ мой, отшоргнушій нещаснымъ приключеніемъ изъ своего отечества, нанесъ безмѣрную горестъ пресшарѣлому родителю, мужу обремененному ранами и славою въ услугахъ свѣшу извѣстнаго Словянорускаго Кнзя Буривоа. Печаль, снѣдающая остатокъ дней его, убѣдила меня предпріять съ воли его странствованіа по свѣшу, для сысканія шолнко любезнаго ему сына. По безплоднымъ и продолжншельнымъ пушешествіямъ, нахожу я омаго въ швоемъ домѣ. Когда ты Свѣтлѣйшій Кіевскій былъ родителемъ, то можешь разумѣть о цѣнѣ дара, каковый въ сосшолніи учинилъ ошцу моему. Но не желаю я, чшобъ лишнлса ты въ пользу нашу зашлоченнаго за него влаша. Я готовъ возвратнть оное, нлн сколько ты потребуешь; страннопріемникъ мой почтенный Публій Іовннннъ будетъ въ шойѣ порукою, что требованіе шасе будетъ исполнено. Но когда я сего недосшанешъ, предлагаю

дагаю я себя въ невольники на мѣсто брата моего, да узнаешь родители мой по его возвращеніи, сколь щастеленъ былъ я въ исполненіи его воли., — Квѣтій удивлялся краснорѣчію и добродѣтели Славяннча; а Брячислава, предстоющая шумъ, проливая слезы, ври шаковой опытъ вѣрности своего возлюбленнаго. Публій возобновлялъ прозбы, и предлагалъ свое поручительство. Квѣтій пришелъ въ умиленіе. Понсминъ вѣдкой примѣръ великодушія! сказалъ онъ; Славяноруссы извѣстны намъ только по имени; мы считаемихъ варварами, и присвоеми шокмо однимъ себѣ опыты добродѣтелей: однако случай сей приводишь меня къ противному заключенію. Но зри, почтенный спрачникъ, (продолжалъ онъ обратясь къ Вадиму.) что Римляне всегда могушь споришь съ Славянами! Вспыли преодолевали вы насъ иногда своею храбросцію, не побѣдите однако въ великодушія. Я возвращаю тебѣ, Замбрай (такъ называлась въ пѣвнѣ Брячислава) твою волюность! — Сказавъ сіе, подалъ онъ ей изгнанный листъ отпущенія, обнялъ съ отеческою милосцію, и подарилъ коробочку, наполненную дорогими камнями, позволилъ удалиться въ отечество. Обрадованные любовники съ радостными слезами приносили ему благодарность; Публій перевозносилъ его великодушіе, и препроводилъ ихъ въ домъ свой.

Ка-

Казалось тогда, что всѣ бѣдствія соединенныхъ супруговъ прекратились. Они готовились отправиться немедленно въ Дакію, чтобы обрадовать возвращеніемъ своимъ огорченнаго Декевала, и заключить бракъ, котораго отсрочка по утвержденной кляшвѣ казалась несносна *Вадиму*. Извѣстіе, что Римляне готовящся напасть всѣми силами на Дакію, и успѣхи оружія ихъ, возобновленные въ Паноніи, помуждали ихъ ускорить отбѣдомъ; но съ другой стороны полагали препятствіе слѣдовать по намѣренію ихъ сухимъ путемъ. Публий предварилъ *Вадима*, что всѣ дороги, которыя бы они ни избрали, навлекуть имъ опасность отъ Римскихъ войскъ, и совѣщавъ съсѣсть на корабль, доказывая, что чрезъ Меотическое море могутъ они безпрепятственно пристать къ берегамъ своего отечества. Онъ постарался облегчить сіе путешествіе, и приискалъ корабль, имѣвшій чрезъ нѣсколько дней отправиться въ Колхиду. *Вадимъ* съ возлюбленною своею *Брянкиславою* считали минушы, удерживающія ихъ въ областяхъ Римскихъ; сердца ихъ трепетали при воображеніи обь ожидающихъ ихъ радостяхъ. Но бѣдственное соавздіе, простирающее на нихъ злобное свое изліяніе, готовило имъ невоображаемую напасть.

Дни за два предъ тѣмъ, какъ надлежало имъ садиться на корабль, возпослѣдовала

на-

напріятнѣйшая погода и тишина настала послѣ продолжительныхъ вѣтровъ. *Публий* предложилъ *Вадиму* выѣхать на охоту; они оставили *Брячиславу* заниматься приутоженіями къ путешествію, и слѣдовали за городъ. Но какихъ горестей избавился бы Князь Славянской, еслибы послѣдовали за нимъ его возлюбленная! Благополучная та погода была преддверіемъ Небеснаго гнѣва, опредѣлившаго погибнуть Геркуласу отъ страшнаго землетрясенія, а *Вадиму* учиться въ цвѣтущихъ лѣсахъ вдовомъ, несчастнымъ любовникомъ, злополучнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣкомъ. Они не больше часа проводили въ вѣтровствѣ, какъ *Публий* почувствовалъ жестокою головную боль и принужденъ возвратиться въ городъ. *Вадимъ*, желая воспользо-ваться благополучнымъ временемъ, остался продолжать охоту съ служителями своего друга. Среди лучшаго своего удовольствія со ужасомъ примѣнилъ начавшееся жестокое землетрясеніе. Приведенный въ шепель, поскакалъ къ городу, но усиливяющееся колебаніе земли остановило его лошадь; онъ остановился, и въ смертельномъ страхѣ былъ ривелемъ того, какъ разсѣвшаяся въ нѣвольныхъ сажняхъ отъ него земля пожрала въ пропасти свои слѣдовавшаго за нимъ слушателя. Сколько ни великъ былъ ужасъ его, не забылъ онъ о своей возлюбленной *Брячиславѣ*; ему представлялось, что опасность

Часть I. Д въ

въ городѣ, наполненномъ высокими зданіями, еще сто кратъ больше, нежели на сткрышомъ полѣ. Акбовъ превозмогла спрахъ, и понудила его поспѣшать въ Геркулану, чтобъ спасти *Бряниславу*. Но Небо противилось его намѣренію: землетрясеніе умножилось еще больше, и дрожщая лошадь не повиновалась его понужденіямъ. Онъ готовъ былъ сбѣжать пѣшкомъ; но вся природа, какъ бы приближавшаяся къ своему паденію, принудила его помыслить о спасеніи собственной жизни. Находящаяся близъ Геркуланы высокая гора, Везувія называемая, съ преужаснымъ стукомъ, шрескомъ и громомъ развѣлась, проліяла изъ нѣдръ своихъ рѣку раскаленныхъ металловъ. Казалось, что самъ адъ разверзъ тогда смертоносную горшанъ свою. *Вадимъ* видѣлъ, что шокъ пламенный стремился прямо на Геркулану, но не достигъ еще, когда вылетѣвшая изъ вершины Везувія огненная туча, состоящая изъ раскаленныхъ камней и горящаго пеплу, покрыла сей несчастный городъ; дымъ смѣшался съ воздухомъ, и застѣнилъ въ очахъ его зрѣніе. Горящій пеплъ хотя не шкъ густо, но простирался до самого того мѣста, гдѣ находился несчастный *Вадимъ*, опалая его, и принудилъ удалиться въ густоту близъ стоящаго лѣсу. Однако и въ ономъ не былъ онъ безопасенъ; пеплъ упалъ сквозь листья, и зажигалъ самыя дре-

ва :

а: онъ принужденъ былъ скакать, куды вря-
 опчаялся уже въ своей жизни, какъ ща-
 шие привело его къ пещерѣ нѣкошорой горы,
 въ которую вѣхавъ съ конемъ своимъ, изба-
 нился онъ отъ всеобщаго пожара. Препровелъ
 въ семь мѣстѣ остатковъ дня и ночь
 между жизни и смерти; онъ приходилъ въ
 себя за тѣмъ только, чтобъ чувствовать
 свое злощастіе. Не могъ онъ и воображать,
 чтобъ *Брякислава* могла спастись, когда
 весь городъ покрытъ былъ огненнымъ моремъ;
 онъ не могъ оплакать своего нещастія, не могъ
 сожалѣть и о погибели своего друга, какъ бы на-
 очне судьбою отъ него на смерть увлеченнаго;
 бо опчаяніе лишило его чувства. Лучи восходя-
 щаго солнца, простираясь въ мрачное убѣжище
 то, извели его изъ онаго, дабы удостовѣриться
 въ благополучіи. Онъ вывелъ коня своего, видѣлъ
 о всей природѣ прежіюю тишину, равно какъ
 что не случилось никакой въ оной переиз-
 мѣны. Прошедшіе ужасы представлялись ему
 какъ бы сновидѣніе, и только сѣрный ва-
 хавъ съ мурающимися въ разныхъ мѣстахъ
 остатками зданій и лѣсовъ удостовѣряли
 его, что прошедшее нещастіе было не ме-
 гна мочная. Онъ сѣлъ на коня своего и по-
 хвралъ къ городу, имѣя еще надежду, что
 можетъ быть въ остаткахъ зданій найдеть
 онъ вольюбленныхъ особъ своихъ. Но
 спуская на бѣлужную къ городу вышину, съ

которой вся Геркулана была видна, не примѣшавъ ни малѣйшихъ слѣдовъ зданій. Изъ цвѣтущаго города учинилась черная гора, курящаяся заразительнымъ паромъ; ибо вся долина, на которой стоялъ оный, засыпанъ была изверженіемъ изъ Везувія. *Вадимъ* не повѣрилъ бы глазамъ своимъ, что былъ на томъ мѣстѣ городъ, естли бы положеніе Везувія, учинившейся съ того времени огнедышущею, не увѣряло его въ томъ (*). И такъ не осталось несчастному *Вадиму* иного, какъ оплакивать вѣчную разлуку съ возлюбленною его *Брякславою*. Онъ препровелъ нѣсколько дней, разбѣжая по окрестнымъ мѣстамъ, но не могъ сыскать никого спасшикса изъ Геркуланы; нѣкоторые земледѣльцы, видѣвшіе

(*) Въ семъ происшествіи видимо нѣкоторое несогласіе въ историческомъ лѣточисленіи. Городъ *Геркулана* засыпанъ былъ при началѣ возгоренія горы Везувія, изверженіемъ изъ нея горящимъ пепломъ, обще съ другимъ городомъ, называвшимся *Урвель Помпей*, при владѣніи Тита Веспасіана, въ лѣтѣ 80 по Рождествѣ Спасителя; а война у Римлянъ съ *Декеваломъ* началась при Императорѣ Троянѣ, лѣтъ съ лятцатъ послѣ того. Но хотя не вѣстѣ о *Вадимѣ* и доказываетъ начало войны, сей прежде гибели Геркуланы, но Сочинитель охотно уступаетъ Господамъ Хронологамъ, и даетъ имъ чешское слово *ошкандъ* въ томъ не спорить.

идѣшше издали погибель сего города, увѣ-
рили его, что ни одна душа изъ онаго не
спѣла выбѣжать, но всѣ жилище обще съ-
нми насыпаны были горящими пепломъ.

Описывать горестное состояніе, въ ка-
ковомъ находилса опчальный *Вадимъ*, не-
решительно всѣ выраженія слова. Не одно-
кратно покушался онъ лишиться себя жизни,
и послѣдовать въ вѣчность за своего супру-
гомъ; но нѣкоторый лучъ, хотя весьма сла-
бой надежды, останавливалъ возносимую имъ
за себя руку. Ему представлялось всемо-
ущество боговъ, которому нѣтъ невозмож-
наго, и что изъ средины пламеннаго ада
огни они спасли его возлюбленную. Онъ
находилъ болѣзненное утѣшеніе обманывавш
себя таковою мечтою, и нечувствительно
одкрѣплявш себя къ спасенію нещастія.
Съ другой стороны представалса ему пре-
зрѣлый *Декевалъ* учинившимся родите-
лемъ безчаднымъ, считающій въ немъ своего
сына, и полагающій въ немъ единую опра-
ву и защиту онъ угрожающихъ престолу
его враговъ. Благодарность убѣждала его
обратиться къ нему на помощь; онъ возло-
жилъ судьбу свою на промыслъ боговъ, и
когда оплакивая погибель *Враниславы*, не-
слезы его текли уже безъ опчаанія. По
нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ но-
чехъ, но равномернѣ ищешныхъ поискахъ,

Предпріалъ онъ путь въ Дакію, не нѣсши при себѣ ничего, oprичъ оружія и коня, на коемъ достигло его бывшее злополучіе.

Шестивуа прѣзъ немалое разстояніе всюду встрѣчалъ онъ плачевныя ошатки бывшаго бѣдствія: онъ видѣлъ разрушенныя зданія, неизмѣримыя провалы, сожженныя селенія подземнымъ пожаромъ, и всю всюду въ печальномъ видѣ, обезображенну голицамъ пепломъ; но сердце его еще было печальнѣе. Кромѣ ушрамы его онъ нахондиль себя въ жестокой необходимости слѣдовать пѣшкомъ; ибо не имѣя денегъ, при нужденъ былъ, продавая коня своего. На послѣдокъ наступившая ночь принудила его искать убѣжища въ пошоломъ домѣ, и сверхъ всякаго ожиданія увидѣлъ въ ономъ шоглаупаго желшоудѣяннаго невольника, которо былъ причиною, что онъ сочтенъ за убійцу *Либона* съ его невѣсткою. *Простай* (сказано уже, что шакъ назывался сей невольникъ) узнавши *Вадима* обомгнѣлъ; онъ заключилъ, что шогчасъ получитъ ошщеніе за ложной доносъ свой. Ошамшовавшисъ хотѣлъ онъ бѣжать, но видя невозможность итшому, упалъ въ ноги Славянскому Князю, и лежавъ говорилъ: Многомилосшивый господинъ, родившійся подъ дубовымъ кустомъ помилуй и не опруби мнѣ головы за шог что я шеебъ много досадилъ. Чшоужъ дѣлалъ

вѣд

и въ это случилось печально, и поворошину уже не лая. — *Вадимъ* при всей своей печали не могъ удержаться отъ смѣху, видя смятеніе и робость простосердечнаго сего челоуѣка; онъ поднялъ его, и обнадеживая прощениемъ, спрашивалъ, какимъ случаемъ избавился онъ изъ Геркуланы. — Постыжъ, господинъ доброй, отвѣчалъ *Простой*, вскоча радостно, не о томъ напередъ говорить надобно! Когда ужъ мы съ шобюю помирились и спали друзья, шъ я желаю быть твоимъ вѣрнымъ слугою. Господина моего уже нѣтъ на свѣтѣ, а я . . . по тебѣ слово (продолжалъ онъ шепшашъ *Вадиму* на ухо) безъ господина быть не могу. Самъ ты разсуди, что я челоуѣкъ смирной, и когда не кому будешь меня оборонять, шакъ всякъ будешь меня бить и рубить мнѣ голову, какъ угодно. — *Вадимъ* охотно желалъ принять его въ услуженіе, уповавъ, что шаковой шалоумной челоуѣкъ никогда съ умыслу ему не измѣнитъ. Онъ обнадеживалъ его своимъ покровительствомъ, и обѣщалъ награждать по возвращеніи въ отечество свое. Обрадованный, шѣмъ *Простой* прыгалъ отъ удовольствія, и продолжалъ свое приключеніе: Тогда, какъ примѣшилъ я, (говорилъ онъ) что эта земля, гдѣ мы были, и весь этотъ городъ, домъ и башни, спали обшипела, шакъ я очень испугался. . . . потому

что я ничто бѣшеное не люблю. Я вскочилъ въ конюшню моего бывшего господина, взялъ лучшую мерена, взялъ много денегъ, и ускакалъ. Я уже очень издалека оглянулся, и видѣлъ, что весь городъ покрывалъ презелевою огненною шубою. . . какъ надобно думать за шѣмъ, чтобъ усмирить бѣшеной городъ. Однако я не осмѣлился назадъ верошиться, и прѣхалъ сюда. Ну, мой мой господинъ! теперь возни обѣ сумы съ деньгами себѣ; я съ деньгами обхожусь не умѣю, по мнѣ хоть бы и во вѣки ихъ не было, лишь былъ бы я сытъ.

Вадимъ, развеселенный простотою нового слуги своего, чувствовалъ припомъ и покровительствію на себѣ Небесное, что нечаянно доставлено ему средство къ продолженію дальняго пуши и вѣрной мовариндѣ для услугъ. Печаль его облегчилась и шѣмъ, когда видѣлъ онъ, что боги могли спасти слабоумнаго невольника; для чегожь (попыщавъ онъ) сомнѣваться мнѣ, что не могла спастись припомъ и моя возлюбленная *Брячислава*! Онъ выпрашивая у *Простая*, могъ понять изъ словъ его, что нѣсколько людей обжгали къ морю и садилась на корабли. Надежда его шѣмъ подкрѣплась; но-видѣлъ онъ, что не на чемъ уже больше медлить ему въ областяхъ Римскихъ. Когда по щастію его *Брячислава* и-спаслась на мораб-

риблѣ, безъ сомнѣнія возвратишься въ свое отече-
 чество, и въ ономъ шокмо надлежишь ему
 удостоиврись о ея участи. Онъ заключилъ
 свидовашъ въ Дакію, чрезъ области Нѣмец-
 кихъ Королей и Полянню. Ошатакъ вечера
 провелъ онъ въ разговорахъ съ своимъ *Про-
 стасемъ*. Между прочимъ спрашивалъ онъ
 у него, какъ заключаешь онъ о природѣ и
 имени новаго своего господина? — *Простай*
 расмѣлявшись отвѣчалъ, что шаковой вопросъ
 очень смѣшонъ и всему свѣшу извѣстенъ. *Ва-
 дякъ* сочтя, что можешь быть и въ самомъ дѣ-
 лѣ свидуць онъ объ настолицемъ его имени,
 запрещалъ ему говорить громко, и подшвер-
 ждалъ хранишь сію шайну. — Это не воз-
 можно! вскричалъ *Простай*; когда мы при-
 ѣдемъ въ чужую землю, и спанушь у меня
 объ тебѣ спрашивашъ, кто ты шаковъ; какъ
 же мнѣ не сказать, что ты мой господинъ?
 хоть тебѣ этого и не хочется, а я при-
 нужденъ теба называть моимъ господиномъ.
 А когда спросашъ, гдѣ ты родилась? и этого
 умолять не лзя; я принужденъ буду ска-
 зать, что ты родилась подъ дубовымъ ку-
 стомъ. Вѣдь извѣстное дѣло, что гдѣ ка-
 кую вещь найдешь, тамъ она и родилась;
 напр. гдѣ найдешь грибокъ, такъ вѣдь онъ
 тамъ родился и выросъ; я нашелъ тебя подъ
 дубовымъ кустомъ, и нигдѣ прежде не
 видывалъ; такъ извѣстное дѣло, что ты

родился и выросъ подъ дубовымъ кустомъ — *Вадимъ* веселился простотою сауги своего, и утверждалъ его въ шаковыхъ о себѣ помышлѣхъ. Приказалъ ему ниѣшь смонрѣнїе за лошадьми и кормить оныхъ; подтверждалъ беречь деньги и безъ дозволенїя его ни кому оныхъ не давать; обнадѣживалъ ансѣвъ своею защитною, и приказалъ оченъ рано, отѣдлавъ лошадей, бышь въ готовностѣ къ отѣѣду. *Простай* рачительно исполнялъ его повелѣнїя, бывъ всегда усерденъ къ его услугамъ. Въ слѣдующій день отправились они въ путь свой. —

Остатокъ вечера предопредѣленъ; былъ *Изборомъ* для другаго не меньше нужнаго упражненїя: дожидался его великій ловчїй, надеяло съ онымъ сдѣлать разположенїе къ наступающей осенней войнѣ съ зайцами. Онъ оставилъ любезнаго своего *Голована*, уже разинувшаго ротъ для описанїя приключенїй *Вадимовыхъ* въ его путешествїи: но вѣствователь принужденъ былъ оный зажать, но въ слѣдующій вечеръ, распорилъ еще ширѣ обыкновеннаго, и вылетѣло изъ оного нижесписанное.

В Е Ч Е Р Ъ ІV.

Они проѣхали уже Римскія области ,
 страну Алемановъ , Герштур въ , Квадъ , и
 вступили въ королевство Вастарновъ (*),
 безъ всякаго противнаго приключенія. Слухъ
 носился , что тамошніе лѣса наполнены раз-
 бойниками , и *Вадимъ* для предосторожно-
 сти хотѣлъ вооружить слугу своего , не въ-
 дая того , что онъ былъ превеликой шугъ.
 Онъ купилъ для него хорошую саблю и лукъ
 съ стрѣлами ; но *Простай* только опасался
 всякаго оружія , что и на себя надѣлъ оное
 съ немалымъ ужасомъ. Они приближались
 къ узкому проѣзду , между горъ находяще-
 муся , и увидѣли выступившихъ изъ сторо-
 ны шесть человекъ вооруженныхъ. *Ва-*
димъ заключилъ , что они были разбойники ,
 и пригосовался къ оборонѣ. Въшь люди ,
 говорилъ онъ своему слугѣ , которыхъ гошо-
 вялся требовашъ съ насъ подорожной пош-
 лины ; но я не намѣренъ имъ отсчитатъ
 оную , какъ только ударами моей сабли. —
 Какъ ! вы драгься хотите ? вскричалъ *Про-*
стай , начавъ блѣднѣть и дрожатъ. *Вадимъ* ,
 примѣшивъ робость его , разсмѣялся и сказалъ :
 что

(*) Въ древности Алеманы обитали въ Швабіи ,
 Герштуръ въ части Флоренціи , Квады въ вер-
 хнемъ Пфальцѣ , а Вастарны отъ верховьевъ
 Вьеды до Чернаго моря.

что значить это, друг мой? Конечно нѣтъ на нихъ очень рассердился? — Это видно, говорилъ онъ; какъ же не сердиться на шаковыхъ грубѣяновъ? Однако вы увидите, какъ я ихъ отправлю къ черту! позвольте лишь мнѣ ѣхать напередъ; я знаю съ ними перегово-
рять! — *Вадимъ*, не зѣдая еще коротко своего служителя, считалъ, что онъ него можеть бысть и выдетъ опытъ храбрости; и для того позволялъ ему ѣхать. *Простой* по-скакалъ къ нимъ прямо, и приближась за-кричалъ: милостивые государи! я знаю, за-чемъ вы вышли на дорогу: вы хотите взять съ насъ подорожную пошлину вотъ вамъ все, что у насъ есть; но не мѣшайте намъ ѣхать дорогою. Сказавъ сіе, вынулъ изъ шорковъ сумы съ деньгами, высыпалъ имъ все, сколько въ оныхъ было. Разбойники нашедъ шаковое знатное и добровольное по-дающе, исполнили его требованіе и удалились въ горы. Вотъ! сказалъ *Простой*, возвращаясь къ своему господину, я отогналъ ихъ скорѣе, нежели бы могъ ты съ своею саблею. О! ты поступилъ чрезвычайно храбро! отвѣчалъ *Ва-димъ*; можно на себя надѣяться; но скажи мнѣ, гдѣ возьмемъ мы денегъ, когда опять съ насъ будутъ требовать подорожной пошлины въ другомъ мѣстѣ? — Я этого не знаю, от-вѣчалъ *Простой*; ты мой господинъ, а я слуга: но тебѣ и надобно знать, откуда брать деньги.

Вадимъ

Вадимъ не вырвал на убытокъ, не могъ удержаться отъ смѣху, и считалъ, что такое Небо послало ему такого слугу для разогнанія его грусти. По счастью осталось у него въ карманахъ нѣсколько денегъ, кои вынулъ онъ для дорожныхъ расходовъ на кумъ **Простаеыхъ**. Въ продолженіи пушки ихъ чрезъ Вастарнію, въ одинъ день сбившись съ дороги, заѣхали они въ густой лѣсъ, гдѣ никакова жилища не было. Они ѣздили во всю ночь, и въ слѣдующій день до самого вечера не могли сыскать ни пушки къ селенію, ни одного человѣка, который могъ бы показать оной. Небо покрылось облаками и учинило ночь еще мрачнѣйшею. На послѣдокъ блеснулъ къ нимъ издали лучъ огня, однако шествовали они на оный съ великою опасностію, и приближась усмотрѣли огромной дворянской довольно укрѣпленной замкъ. **Вадимъ** наслышавшись, что въ Вастарнію всюду шатались разбойничьи шолпы, опасаясь приѣздомъ своимъ потревожить хозяевъ. Насъ сочтумъ за разбойниковъ, естли мы начнемъ стучаться у воротъ, сказалъ онъ **Простаю**. Не ѣхали ли намъ мимо? — Вотъ хорошо! отвѣчалъ сей; я увиру съ городу, естли чрезъ четверть часа не дамъ намъ бѣды! лошади наши также для насъ не выдадутъ корды. Когда мы не смѣемъ постучаться у воротъ, мы въ это сѣдемъ

Ска-

Сказавъ то, произвелъ громкой стукъ объ
воронную скобу, которымъ бы и мертвыхъ
пробудить можно было. На стукъ его вы-
бѣжала женщина, и не спросивъ, кто при-
ѣхалъ, впустила *Вадима* съ слугою. Онъ
удивлялся ея оплошности, и счелъ за нужное
предварить ее о причинѣ, понудившей ихъ
просить ночлега въ семь взякъ. Женщина
изумилась, познавъ свою ошибку; разсматри-
вала ихъ съ примѣчаніемъ, и по позолоченной
бронѣ *Вадимовой* заключила, что надлежитъ
ему быть человѣку знаменитому. Она не
осмѣлилась вступитъ съ нимъ въ разговоръ,
но обратясь къ *Простаяю*, спросила у него
объ имени его господина. — О чемъ ты
спрашиваешь? отвѣчалъ сердито голодной
Простай, ты видишь, что это мой госпо-
динъ. Но женщина не удовольствовавшись,
просила его объявить объ имени его, чшобъ
могла донести госпожѣ своей. *Простай* еще
сердитѣе закричалъ ей: онъ изъ дубоваго ку-
ста! Но поди скорѣе, дай намъ кушать, или
тебѣ худо будетъ. Услышавъ то женщина,
испугалась; она заключила, что это разбойники,
и опасаясь худыхъ слѣдствій отъ своей
неосторожности, не сказала никому,
что она ихъ впустила, и скрылась. *Вадимъ*,
примѣтивъ робость ея, приключенную безрав-
судными словами слуги его, приказалъ ему
съ жидками банка обходиться ласковѣе, и
онъ

отдавъ ему лошадь свою, велѣвъ дожидаться на дворѣ, пока освѣдомишься, въ какомъ находились они мѣстѣ. Онъ вошелъ въ палаты до великолѣпной дѣстницы, и проходя комнаты, всюду видѣлъ богатое украшеніе. Наконецъ вошелъ онъ въ залъ, въ которомъ находилась накрытой столы, съ поставленными въ серебряныхъ сосудахъ кушаньемъ. Залъ освѣщенъ былъ восковыми свѣчами; близь того стола находилось еще два, на одномъ изъ нихъ стояли напитки, а на другомъ золотой рукомойникъ съ розовою водою. *Вадимъ*, не вида во всемъ домѣ ни одного человѣка, заключилъ, что какая нибудь благодѣющая ему волшебница печется объ утоленіи голоду его и жажды; онъ мысленно благодарилъ ее, и готовъ уже былъ взять одно изъ двухъ приставленныхъ къ столу креселъ, обитыхъ чернымъ бархатомъ. Мысли его объ очарованномъ замкѣ подтверждалось и тѣмъ, что въ одной стѣнѣ прилѣпился онъ занавѣсъ также изъ чернаго бархату; онъ мыслилъ, что за онымъ находится постель, приготовленная ему отъ проворливой благодѣтельницы его къ отдохновенію. Желая удостовѣриться въ томъ, подошелъ; но отдернувъ занавѣсъ, усмотрѣлъ съ удивленіемъ, что оный закрывалъ двери въ комнату, обитую чернымъ. Изумленіе его еще болѣе увеличилось, когда увидѣвъ онъ спѣшащую къ

кѣ нему дѣвцу чрезмѣрной красоты, въ
 одноиѣ только спальномѣ одѣяннѣ. Понявше
 о волшебницѣ утвердилось въ его воображе-
 ннѣ, однако хозяйка скоро вызвала его изъ
 заблужденнѣ. Она съ ласковостнѣ прибѣжавъ
 къ нему, поцаловала его, взяла за руку, вела
 къ столу, и между шѣмъ гсворила: я обра-
 дована прѣздомъ вашимъ, любезной мой *Ва-
 билетъ*. Вижу съ удовольствнѣемъ, что свой-
 ство ваше по желаннѣ моему перемѣнилось.
 Но оставнѣмъ это! вы съ дороги устали,
 укрѣпнтесь пищею. Вы виднше, что я пред-
 чувствовала ваше прнбытнѣ, и прнготовнла
 для васъ ужннѣ. Не опасайтесь несогласнѣ
 съ стороны моего брата; оное уже кончи-
 лось. — *Вадимъ*, прнвѣстнѣ ея ошибку,
 хотѣлъ увѣдомнше ее о томъ, но понужда-
 ющнѣ его голодъ убѣднѣ прѣжде сѣсть за
 столъ; по ея прсзвѣ онъ началъ ѣсть, не
 говоря ни слова.

Между шѣмъ хозяйка, не ожидающа
 таковогo молчаннѣ съ стороны гостя своего,
 начала его съ прнблнжаннѣмъ разсматрнвать,
 сколько позволялн глаза ея, омягченныя пред-
 шедшнми слезамн. Она съ ужасомъ позна-
 ла, что это не томъ, когото ждала; прн-
 шла въ прѣпетъ, и хотѣла бѣжать. Но
Вадимъ, жадющнѣ о своей неосторожнстнѣ
 удержавъ ее, увѣрнѣ клншвами, чтобъ она
 ннчего не опасалась, и увѣдомнѣ ее по
 ка-

той причинѣ попался онъ въ ея замокъ. Онъ не скрылъ отъ нее нѣкоторую часть своихъ приключеній и причинъ, понудившихъ его къ странствованію; чрезъ что совершенно ее успокоилъ. Радуюсь, сказала ему дѣвица сія, выслушавъ его, что нечаянной случай познакомилъ мнѣ оказавъ страннопріимство особѣ, какъ я примѣчаю, не беззначнаго происхожденія. Сочтя васъ за моего любовника, довольно имѣю я причинъ подумать, что показалась вамъ сумасшедшею; но я выведу васъ изъ сего сомнѣнія повѣствованіемъ моего приключенія.

— — Я называюсь *Озаною*, и остаюсь владѣтельницею замка сего по смерти родителя моего, происходящаго отъ знатной крови между Бастарновъ. Родитель мой, служившій съ особливою вѣрностію Королю своему, награжденъ при оставкѣ великими отъ него помѣстьями. Онъ женатъ былъ на дворянкѣ, и оставилъ отъ нее осмерыхъ дѣтей, изъ коихъ пятеро скончалось во младенчествѣ, а шестой сынъ погибъ насильною смерщю. Я упоминаю вамъ о ненужныхъ для васъ подробностяхъ вразсужденіи того, что обстоятельство сіе относится до меня и любовника моего *Рабилета*. Покойный братъ мой, *Ніонъ* по имени, былъ отчасти самъ причиною нещастія своего чрезъ любовь. Хотя родство полагало въ томъ

Часть I.

В

пре-

препятствіе, но красота ея, усугубляющая его пламень, понуждала его преодолевать всѣ затрудненія въ совершеніи съ нею брака. Родители сей сестры нашей слышатъ объ этомъ не хотѣли; согласны же въ томъ съ ними были и чешыре ея брата: но не знаю, для чего приговорствовали его страсти. Можетъ быть изъ любви къ сестрѣ своей, которая одна у нихъ была; ибо привычали они взаимную ея къ *Ніону* склонность. Однако напосядокъ частыя посѣщенія *Ніонова*, и свободное обращеніе его съ ихъ сестрою, начали приводить ихъ въ досаду. При первомъ случаѣ объявили они ему наотрѣзъ, чтобы онъ оставилъ частыя посѣщенія свои, наослѣдствіе непріятныя въ сосѣдствѣ на счетъ сестры ихъ переговоры. Грубость, съ какою они произносили слова свои, и поведеніе, весьма неумѣльной видѣ, привели *Ніона* въ досаду; онъ началъ имъ грозить тою саблею, которая въ войнахъ *Бастыарскихъ* многихъ непріятелей лишила жизни. Словомъ сказать, ошѣпты его были равномерно грубы, разговоры превратились въ брань, и дошло до сабель. Нежная любовница *Ніонова* доказала ему вѣрность свою, не щадя собственной жизни въ его защитѣ; но получа многія раны, была несчастною свидѣтельницею кончины его; посядовавшей по храброй битвѣ отъ широчайшихъ полученныхъ имъ ранъ. Годъ спустя по-

слѣ

събъдственнаго приключенія сего, оставшій
 братъ мой *Квидо* возвратился отъ двора Ко-
 ролевскаго; при коемъ продолжалъ службу.
 Узнавъ о томъ *Рабилетъ*; меньшей братъ;
 изъ числа убійцъ *Ніоновыхъ*; прѣхалъ и изви-
 нялся предъ нимъ въ происшедшемъ убійствѣ;
 увѣряя при томъ, что не токмо не участво-
 валь въ шаковомъ злодѣянн; но преплещствуя
 въ ономъ своимъ братьямъ, едва самъ отъ
 нихъ не умерщвленъ: Истинны ли, или при-
 шворны слова его были; но онъ умѣлъ
 насъ примирить съ собою, такъ что мы со-
 вершенно вражду къ нему оставили. Онъ
 предлагалъ сестру свою въ супружество бра-
 ту моему *Квиду*, обладаживая своимъ спа-
 раніемъ; и что онъ щастливѣе будешь въ
 томъ *Ніона*. Однако *Квидо*; удален-
 ный склонностію отъ брака; отговорился раз-
 ными удерживающими его отъ того причинами.
 Напрощивъ *Рабилетъ* умѣлъ сыскашь во
 инѣ; я почувствовала къ нему любовь; и
 начала жалѣть о томъ, что былъ онъ братъ
 тѣмъ убійцамъ и дому нашего злодѣямъ.
 Больше братья его находились въ оплучкѣ,
 когда сія страсть наша началась и умножи-
 лась. По возвращеніи своемъ узнали они съ
 негодованіемъ о намѣреніи его вступитъ со
 мною въ бракъ; и клялись умертвить его;
 естли совершитъ оный; презря ихъ запре-
 щеніе. Таковое обстоятельство принудило
 его

его прекратить посѣщенія свои; онъ прѣзжаетъ ко мнѣ въ ночное время, тамъ отъ нихъ, и въ тѣ часы, которые я ему назначу. Братъ мой нынѣшняго утра по склонности своей поѣхалъ на охоту, и разположивъ ночевать въ полѣ; онъ согласенъ уже на бракъ мой съ *Раблетомъ*, и да сообщенія ему сей радостной вѣсти пригласила я его къ себѣ въ нынѣшній вечеръ. Онъ его ожидала, и отъ безпокойства мыслей не могла примѣшить, что сочла васъ за моего любовника. Не скрою отъ васъ и причины сего безпокойства, продолжала *Олимпия* *Вадиму*; любовникъ мой приключаетъ оное своими поведеніями. Онъ всегда съ усмѣшкою отводишь предложенія мои о совершеніи нашего брака, и только увѣряетъ, что любовь его ко мнѣ стоить для него пріятна, что онъ хочетъ продолжить названіе любовника, и не желаетъ прекратить оное учинясь супругомъ. Между тѣмъ тысяча разныхъ обстоятельствъ открываютъ мнѣ притворное его чистосердечіе, и принуждаютъ опасаться злаго намѣренія. Оставляя удовольствіи себя въ томъ времени, провождаю я дни въ слезахъ, приключаемыхъ мнѣ подозрѣніемъ таковымъ, и радуюсь, что печаль мою прикрываетъ истекающій сроднѣннѣйшаго по моей родительницѣ. — —

Она не успѣла еще докончить словъ
 хъ, какъ *Рабилетъ* растворивъ двери на
 шечь, вбѣжалъ съ обнаженною саблею, и
 остино вскричалъ: *Озана!* такой ли доводъ
 рности, кою ты мнѣ обязана? . . . а ты зло-
 я! — продолжалъ онъ обращаясь къ *Вадиму* —
 оешь кровію дерзостной приходъ твой юда въ
 чное время! — Государь мой! отвѣчалъ
 у *Вадимъ* съ вѣжливостію: я извиняю
 ова, къ которымъ приводитъ васъ и жетъ
 шь страсть; но неправы вы въ неосно-
 тельномъ подозрѣніи. Сами бы вы не ош-
 зали въ ночлегъ чужестранцу, приведен-
 му нечаяннымъ случаемъ въ домъ вашъ.
 гда вы одумаетесь, сами жалѣть будете,
 о почтенную *Озану* обижаете за одно
 ько оказанное ею страннопріимство. —
 раздраженный *Рабилетъ*, не слушая словъ
 о, и приводящей его въ себя *Озаны*, на-
 алъ въ бѣшенствѣ на Славянскаго Князя,
 торой принужденъ былъ отскочивъ на
 едню зала приготовившись къ защищенію.
 чалось между ними жестокое сраженіе. *Ра-*
илетъ наносилъ *Вадиму* множество хло-
 ь своимъ искусствомъ въ битвѣ и отваж-
 сти.

Между тѣмъ *Простая* приняла такой
 одъ, что онъ не взирая ни на какія опасно-
 , вскочилъ въ шпѣ залъ, схватилъ блю-
 съ кушаньемъ и бушылку съ виномъ, и
 В 3 ушелъ.

ушелъ. — *Вадимъ*, нѣтъ на себѣ латы, легко бы могъ преодоѣть своего ничемъ и прикрытаго противника, когда бы *Рабилетъ* не имѣлъ за собою двухъ вооруженныхъ служителей. Оныя, услышавъ сабельной звукъ, узнали о производящемъ сраженіи, прибѣжали и приумножили сторуко господина своего превосходною силою. Дѣлѣхъ поръ *Вадимъ* щадилъ еще своего противника; но по приходѣ слугъ, напалъ на него, и немногими ударами лишилъ правую руку. Однако *Рабилетъ* не потерялъ чрезъ то своей неустрашимости; онъ подхватилъ саблю лѣвою рукою, при помощи слугъ своихъ продолжалъ жестокое сраженіе. Все это время *Оэана* крича и упрашивая добровольника своего оставить нападеніе на виновнаго чужестранца, выбилась изъ силъ. Наконецъ не зная, чѣмъ удержатъ бешенство его, сказала, что *Вадимъ* ей ближній родственникъ, и прибѣжалъ изъ дальняго мѣста впервые въ домъ къ ней. Но *Рабилетъ* вмѣсто отвѣту открылъ истинныя свои къ ней чувства; онъ ни мало не любилъ ея, а искалъ только обезчестить; ибо бросившись къ ней съ саблею, произвелъ такой жестокой ударъ, что если бы она не ухватилась за креслы, рузрубилъ бы ей надглову. Креслы отъ онаго разколелись; *Оэана* не дожидаясь втораго удара, ушла

другую комнату, и заперла на собою двери. Злой *Рабилетъ* не хотѣлъ оставишь ее безъ опмщенія; онъ гнался за нею и началъ ломиться въ двери. Примѣтивъ то *Вадимъ*, оставилъ сраженіе съ служителями, подскочилъ къ нему, и однимъ ударомъ по спинѣ перерубилъ его надвое. Но между шѣмъ служитель убишаго ранилъ его по ногѣ. Текущая кровь привела *Вадима* въ гѣвъ; онъ опмстилъ за оную шакимъ ударомъ, которой отправилъ и слугу въ слѣдъ за господиномъ. Оставшій служитель, не смѣлъ сражаться далѣе, и спасался бѣгствомъ. *Вадимъ* удерживалъ его прозьбами оставишь страхъ и увѣдомилъ, за что господинъ его нападаалъ на него безъ всякой причины; но служитель не слушая ничего, удалился.

Вадимъ, избавясь непріятелей, пошелъ къ столу, обмылъ свою рану и завязалъ оную приложивъ пластырь, которой всегда возилъ съ собою. Онъ сѣлъ доканчивать свой ужинъ, размышляя о приключеніи своемъ. Одно только безпокойство его, чтобъ убитой имъ не былъ *Кендо*, братъ *Озанинъ*, возвратившійся нечаянно съ охоты своей. Въ шаковомъ нещасномъ случаѣ ушѣшало его то, что самая сестра его была свидѣтельницею принужденной его обороны. Но вскорѣ избавленъ былъ онъ отъ шаковой заботы. Убѣжавшій служитель, меньше нежели чрезъ часъ, возвратился съ двумя дру-

гими, которыхъ по одѣянiю надлежало считатьъ за господъ. Они вбѣжали въ бѣшенствѣ съ великимъ крикомъ, и произнося непрличную брань; что принудило *Вадима* схватить лежавшую близъ его на стулѣ саблю. Злодѣи и разбойникъ! кричалъ одинъ изъ новоприбывшихъ: какую имѣлъ ты причину умертвить нашего брата? — Вы называете меня приличнымъ вамъ именемъ, отаѣчалъ *Вадимъ*; естлибъ убишой мною и вы были честныя люди, не нападали бы вы на невинныхъ — Слова его остановлены были спремящимися на него ударами; но неустрашимость его однимъ замахомъ учинила ровный бой: одинъ изъ братьевъ *Рабилетовыхъ* упалъ съ расколонною головою къ ногамъ его. Оставшiй повелѣвалъ своему слугѣ зайтить съ другой стороны, и вмѣстѣ напасть на *Вадима*. Между тѣмъ онъ поносилъ *Озану* скареднѣйшею бранью: распущеная дѣвка! кричалъ онъ; естли бы ты была здѣсь, увидѣла бы, какое мы обще съ *Рабилетомъ* имѣли противъ тебя и брата твоего *Кенда* намѣренiе! Въ продолженiи словъ сихъ нападалъ онъ отчаянно на *Вадима*, который принужденъ былъ отступить къ стѣнѣ, имѣвъ съ двухъ сторонъ непрiятелей. Въ самое то мгновение выскочила изъ боковаго покоя *Озана*, вооруженная копьемъ. — Я докажу, что ты должно

безъ

безчестить невинную дѣвицу! вскричала она, произнавъ на вылетъ брата *Рабилетова*, и остановила тѣмъ движеніе хулятельнаго языка его. Онъ упалъ мертвъ на шомъ же ябствѣ. Служитель, приведшій новыхъ злодѣевъ на Славянского Князя, хотѣлъ опять спастись бѣгствомъ; но раздраженная *Озана*, выдернувъ копье изъ груди умерщвленнаго ею, погналась за нимъ, и умертвила онаго равномерно. Одержавъ сію побѣду, остановилась она въ безмолвіи, взирая на бездушныя тѣла. По шомъ приближившись къ шрупу *Рабилетову*, ударила оное по лицу, сказавъ: естли любовь твоя ко мнѣ была притворна, прими сіе воздаяніе; но когда любилъ ты меня нелицемѣрно, заключаю я вѣрность мою къ тебѣ симъ поцалуемъ! — Она въ самомъ дѣлѣ поцаловала его, и бросившись въ креслы проливала слезы. *Вадимъ*, видя огорченіе нанесенное имъ чрезъ убійство ея любовника, извинялъ себя предъ нею необходимостію. *Озана* оправдала оное, бывъ свидѣтельницею его невинности; но со всемъ тѣмъ оказывала, сколько поразила ее кончина *Рабилетова*.

Вадимъ не считалъ за пристойное медлить въ шаковомъ домѣ, которому приключилъ онъ огорченіе; но истощенныя силы его принуждали просить о позволеніи препроводить ночь въ замкѣ. *Озана* при

всей своей печали не могла бытъ несправедливою; она сама препроводила его въ особую комнату на богатоубранную постель, ибо всѣ служители отъ страху разбѣжались. Огорченная дѣвица удалилась въ свою спальню, размышляя о происшедшемъ; а *Вадимъ*, коего совѣсть не укоряла, укрѣпилъ силы свои спокойнымъ сномъ. По возхожденіи солнца онъ готовъ уже былъ къ продолженію пуши своего. *Озана*, разсудивъ на свободѣ, усмѣрѣла изъ обстоятельствъ, что любовникъ ея былъ злодѣй, и съ умысла съ братьями своими искалъ ея благосклонности, преобратила страсть свою въ омерзение; благодарила Небо за избавленіе свое отъ умысловъ враговъ ея, и встрѣшила *Вадима*, готовящагося къ новымъ извиненіямъ, такъ какъ избавителя своего. Она оказывала сожалѣніе свое о томъ, что *Вадимъ* вмѣсто страннопріимственнаго угощенія нашелъ въ домѣ ея рану; называла его защитникомъ чести и жизни ея, и просила открыть имя его, дабы знашь, кому должна она благодарностию. — *Вадимъ* не счелъ за нужное паяшь отъ нее истинное свое названіе, но только скрылъ природу: онъ назвался Полководцемъ *Декевала* Князя Дакскаго, и помышая, что можеть быть *Бряцислава*, естли сверхъ чаяніа боги сохранили жизнь ея, случаемъ приведена будетъ

дешъ въ сіе мѣсто, просилъ ее сказать вопрошающимъ о *Вадимѣ*, что онъ поѣхалъ чрезъ области Полянъ и Горянъ въ Дакію. —
 — *Вадимъ!* сказала *Оэна*, задумавшись; . . .
 . . . имя ваше мнѣ пришло на память. За нѣсколько дней слышала я отъ брата моего, что во время его звѣроловства встрѣтившійся съ нимъ молодой иностранецъ спрашивалъ о *Вадимѣ*; онъ описывалъ, что сей герой чрезмѣрно бы обрадованъ былъ, когда бы увидѣлъ его. — Не могу знать, государыня моя, ошвѣчалъ Князь Славянской, воздохнувъ; можетъ быть по и знакомой мнѣ человекъ, хотя я геройства на счесть мой и не снимаю. Между тѣмъ сердце его вострепетало; ибо не постигалъ онъ, чтообъ ишо нибудь могъ искать его, oprичъ возлюбленной его *Брянц-славы*. Какая восхищительная надежда! онъ выпрашивалъ у *Оэны* о видѣ того чужестранца, и не слышала ли, куда оный продолжалъ путь свой? Но она не могла удовлетворить его желанію, сказывая, что въ равномъ любопытствѣ спрашивала она о томъ у брата своего, который не старался узнать объ ономъ, бывъ ошведенъ страстью своею на гоньбу звѣрей. Не за чемъ оставалось медлить болѣе въ семъ домѣ; *Вадимъ* прощался съ *Оэною*. Дѣвица сія, узнавъ изъ прежнихъ словъ его, что отправляется онъ въ Полянню, просила его: ештли случай доведетъ
 ему

ему познакомиться шамъ съ однимъ Рыцаремъ *Бурновемъ* по имени, чтобъ увѣришь его съ стороны ея, что она намѣрена сохранишь шѣ клятвы, отъ коихъ онъ, разлучаясь съ нею, разрѣшилъ ее. — Кто таковъ сей *Бурновей*? спрашивалъ *Вадимъ*. Любимъ достойнѣйшій человекъ на свѣтѣ, отвѣчала она; онъ изъ первѣйшихъ вельможъ въ нашемъ королевствѣ, и удалился изъ общества можетъ быть отъ жестокой своей ко мнѣ спраси. Прославясь въ послѣднюю войну съ Римлянами, ожидалъ онъ вилчайшихъ милостей отъ нашего Государя; но несчастный случай привелъ его въ домъ моего родителя. Онъ не вѣдал, что покойный отецъ его, бывъ ближнимъ бояриномъ при дворѣ, оказалъ многія гоненія родителю моему. Влюбился въ меня; спрась его въ непродолжительномъ времени открылась мнѣ, и была соотвѣтствована чистѣйшею склонностию; я позволила ему за меня свататься. Однако родитель мой отказалъ въ томъ; онъ и слышать не могъ, чтобъ дочь его была за сыномъ его непріятеля. Огорченный любовникъ мой принужденъ былъ прекратить свои посѣщенія; но разставаясь, клялся мнѣ, что вѣчно ни на комъ женатъ не будетъ. Я клялась ему въ томъ же взаимно; но онъ удерживалъ меня, и позволялъ вступить въ бракъ, еслии найду я человека достойнаго. По смерти

ши

ни родителей моихъ старалась я чрезъ равныя средства увѣдомить его, что уже нѣшъ препящэй къ увѣчанію любви нашей; но съ шѣхъ почти поръ, какъ поѣхалъ онъ спрассивовашъ, не могла я получить ни малѣйшаго объ немъ извѣстія. Хотя счишала я его погибшимъ; но не могу извинить непостоянства моего въ новой любви къ *Рабилету*, и вижу, что боги хотѣли наказашъ меня за то, подвергнуши честь и жизнь мою опасности. Я просила васъ провѣдашъ объ немъ въ Полянѣ по той причинѣ, что сначала отъѣзду своего былъ онъ при дворѣ Полянскаго Князя, и оказалъ оному важныя услуги.

Вадимъ обнадеживалъ ее, что не пропуститъ оказашъ ей столь пріятную для него услугу, и простясь съ нею, началъ искать своего служителя, объ которомъ не вѣдали, куда онъ скрылся, хотя всѣ жители замка уже собрались. — —

На этомъ словѣ *Изборъ* началъ дремать. Вотъ что называется идушашъ человеческое шерпѣніе! сказалъ онъ любимцу своему *Уклону*. Уже съ недѣлю не слышу я ничего больше отъ *Голована*, кромѣ повторенія одинакихъ словъ: буря, молнія, землетрясеніе, морское сраженіе . . . Онъ отрубилъ руку, голову --- дѣвка съ коньемъ! . . . Однако клянусь бородою покойнаго моего дѣдушки, что *Голованъ* будешъ на хлѣбѣ и на

на водѣ, ежели хоть одинъ разѣ отрубивъ кому нибудь руку, въ продолженіи его повѣсти. ---- Ваше Величество, сказалъ *Голованъ*: вы осуждаете меня вмѣсто Сочинише. да этой Сказки. Не отъ однихъ васъ уже слышу я, что писатель сего богатырската приключенія взялся за перо, не посовѣтовавъ съ добрымъ вкусомъ: всѣ говорятъ, что вмѣсто объясненій разныхъ древностей, до нашей Славянской исторіи надлежащихъ, могъ бы онъ поставитъ побольше волшебницъ, духовъ, самыхъ лучшихъ привидѣній, лѣшихъ, превращеній красавицъ въ попугаевъ, и прочихъ весьма нужныхъ вещей. Я довольно уже Вашему Величеству рассказалъ такихъ басенъ, и кажется, что изъ обвороженныхъ замковъ составила земля не меньше Вашего государства. Потѣришите выслушать сію повѣсть; она послужитъ вмѣсто прохлады изчерпанной моей памяти, а окончивъ, мы пошчасъ сядемъ въ колесницу, запряженную гриффамъ, и помчимся въ царство волшебниковъ *Изборъ*, которому впрочемъ не чего было дѣлать, благоволилъ дать свободу языку *Головану*; и въ наставшій вечеръ онъ прѣдложалъ

В Е Ч Е Р Ъ V.

Вадимъ нашелъ лошадей своихъ разсѣданныхъ; но служители его при нихъ не было, и всѣ посланные нигдѣ сыскать оного не могли. *Озана*, провожавшая *Вадима*, заключила, что сей слуга, унесши вчерась съ себя серебряное блюдо, обѣжалъ; однако Славянской Князь обнадеживалъ ее, что слуга его по простотѣ своей не разумѣетъ цѣны вещей; что онъ человекъ вѣрной, но нѣсколько шустриной; и безъ сомнѣнiя гдѣ нибудь сидитъ, спрятавшись отъ вчерашняго страху. Во время сего разговору услышалъ онъ голосъ его съ четвертаго жилья палатъ, и усмотрѣлъ, что выглядываетъ онъ въ маленькое окошечко находящейся тамъ голубашни. *Вадимъ* приказывалъ ему сойти скорѣе, и сѣдлать лошадей; но *Простая* требовалъ, чтобъ приставили ему лѣстницу, по которой бы ему слѣзть можно было. Увѣряли его, что такой длинной лѣстницы сыскать не можно; тогда просилъ онъ, чтобъ подали ему руку. . . . Словомъ сказавъ, онъ забылъ дорогу, по которой забрался подъ самую кровлю, и принуждены были свести его отсюда. Онъ вынесъ блюдо и бушлыку въ цѣлости, но потерялъ свою саблю и шапку, объ которыхъ объявлялъ, что увезли вчерашнiе непрiатели; однако посланные на-

нашли оное по дорогѣ на голубяшиѣ. *Простаѣ* оставилъ замокъ съ неудовольствіемъ; ему понравился вкусъ вчерашняго блюда и вина; онъ шепталъ на ухо господину своему, что онъ безумно поступаетъ, оставяя такъ наскоро столь сытное мѣсто. Между тѣмъ оставилъ онъ съ умыслу въ конюшнѣ свой лукъ и стрѣлы, и когда они отбѣхали нѣсколько сажень отъ замка, доложилъ о томъ *Вадиму* и воротился назадъ. Онъ нашелъ *Озану* еще на дворѣ стоящую, и приказавъ конюху подать свой лукъ, которой онъ забылъ, самъ подшедь къ ней, говорилъ: Послушай хорошенькая барышня! ешьли ты любишь моего господина, такъ пошли къ нему на дорогу денегъ. У насъ ихъ много было, но шрешьева дни разбойники все опняли. Мой господинъ и самъ бы вамъ объ этомъ сказалъ, да онъ не таковъ смѣлъ, какъ я. *Озана* повзврьвъ словамъ его, вручила ему цѣлой мѣшокъ червонныхъ, кои онъ, припрятавъ въ свою перемешную суму, возвратился къ *Вадиму*, и не сказалъ о томъ ни слова.

Путь ихъ продолжался безпрепятственно до самыхъ границъ Полянскихъ, но вступая въ сіе государство, попались они встрѣчу шришцаши челобѣкамъ *Васпарнскихъ* разбойниковъ, кои везли шесть павниковъ и одну молодую госпожу. Они окружили *Вадима* съ его слугою, сочтя ихъ по одѣянію

за Римлянъ непріятелей своего отечества. Начальникъ сей шайки спрашивалъ у Князя Славянскаго о имени, и куда онъ ѣдетъ. *Вадимъ* называлъ себя Дакскимъ дворяниномъ, посланнымъ отъ *Декевала* къ Гешрурскому Королю. Разбойникъ, не удовольствовавшись словами его, требовалъ отъ него письменнаго свидѣтельства; и получа въ отвѣтъ, что онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ ограбленъ отъ *Вастарновъ*, требовалъ съ него за свободу его денегъ. *Вадимъ* увѣрялъ его, что оныхъ не имѣетъ; но разбойники приступили къ обыску, и нашамъ въ сумахъ *Простыхъ* множество червонныхъ. *Вадимъ* съ досадою подумалъ, что слуга его укралъ оныя въ замкѣ у *Озаны*; а начальникъ разбойничій, примѣшивъ несправедливость словъ его, ожидалъ, что отъ слуги узнаетъ истинну, и съ угрозами спросилъ у *Простая*: кто шаковъ твой господинъ? — Вошь мой господинъ (отвѣчалъ сей), которой близъ себя стоитъ. — Я знаю это, сказалъ *Вастарнъ*; но скажи настоящую правду, откуда онъ? — О! что надлежитъ до того, я не скрою, подхватилъ *Простай*; онъ на дубоваго куста; а этошь кустъ въ такой землѣ, которая такъ отсюда далеко, что воронъ костей твоихъ туда не занесетъ. Услышавъ сіе отважный *Вадимъ*, не могъ удержаться отъ смѣху; а *Вастарнъ* разсердился, ударилъ

о́днаго *Простая* въ щеку, и грозилъ умер-
 швишь, естли не скажешь ему правды. —
 Умершвишь! Вскричалъ *Простай*; я на это
 не согласенъ; ты лучше скажи, что
 ты мнѣ дашь, естли я правду скажу?
 — *Вастарнъ* обѣщаль ему возвратишь суму съ
 деньгами и отпустишь на свободу. Ну! шеперь
 прощай, мой господинъ! сказаль онъ *Вадимъ*,
 я побѣду одинъ; а ежели бы и ты шо же сдѣ-
 лаль, что я, шакъ и себя отпустили бы. Слу-
 шайшежь господа воры! продолжалъ онъ,
 обращай къ *Вастарнамъ*; я скажу сухую
 правду: это подлинно шакъ, что господинъ
 мой родился подъ дубовымъ кустомъ, и вы-
 росъ шакъ, какъ вы его видите; однако я
 не вѣдаю, кто его родиль, волкъ, или чело-
 вѣкъ. Нѣсколько уже недѣль прѣшло, какъ
 мы побѣхали изъ той земли, гдѣ онъ родился,
 ва шѣмъ, что эта земля взбѣсилася; а куда
 мы ѣдемъ, я у барина моего не спрашиваль.
 На дорогѣ мы забѣжали въ богатой замкъ,
 гдѣ нють и ѣдять съ серебра. Тамъ баринъ
 мой съ пригожей хозяйкою веселился; но по-
 ка сіе происходило, много дѣла было; онъ
 не знаю съ какими людьми рубился на саб-
 ляхъ. Эта хозяйка насыпала мнѣ въ сумки
 денегъ безъ вѣдома моего господина, и онъ
 не зналъ объ нихъ. Вотъ вамъ и сказъ! а я по на-
 шему договору съ вами квишъ, и вамъ никакого
 домена дѣла нѣшъ. Однако я радъ ошдашь вамъ
 всѣ

всѣ деньги, когда отпустише со мною моего господина. -- Васшарнѣ понялъ о глупости слуги своего, но не хотѣлъ отпустить изрядную добычу изъ рукъ своихъ; но Васшарны по подобію многихъ варваровъ продавали похищенныхъ людей въ плѣнъ въ Таврикіи Грекамъ. -- Я вѣрю своему повѣствованію, сказалъ онъ *Простая*; но объявленное шобю объ отечествѣ господина своего ложно, и за это долженъ ты съ нимъ остаться моимъ плѣнникомъ, -- Пожалуй вѣрь, или не вѣрь, отвѣчалъ *Простая* съ досадою, но это самая правда; а вы не думайте, шобъ я остался съ вами; эшова во вѣки не будешѣ. Прощай баринъ, сказалъ онъ *Вадиму*; я долженъ ѣхать по силѣ уговору моему съ эшимъ воровскимъ господиномъ. -- Онъ былъ остановленъ, и по приказанію начальника Васшарнами связанъ; при чемъ бранилъ онъ разбойниковъ, и угрожалъ бить челомъ на нихъ прикащику, какъ-то разувѣлъ онъ *Квітія*, Намѣстника въ Геркуланѣ. Что надлежитъ до *Вадима*, Васшарны удовольствовались только отобравъ у него оружіе, и со всѣми своими плѣнниками поверотивъ въ сторону, пріѣхали ночевать въ небольшую Васшарнскую деревеньку.

Разбойники, пріобрѣвши богатую добычу, въ наличныхъ деньгахъ отнятыхъ у *Простая* и помянутой госпожи, а сверхъ

Ж 2 шо-

шого счиная *Вадима* за знаменитаго вельможу, уповали получить не малой выкупъ; и для того съ радости перепились всѣ пьемы. По сей причинѣ *Вадимъ* имѣлъ свободу узнавъ отъ плѣненной госпожи, что она дочь Полянскаго богатаго дворянина, створенная за *Свеналда* знатнаго господина, живущаго верстахъ въ пятидесяти отъ дому ихъ; что она слѣдовала въ препровожденіи двухъ брашовъ своихъ со всемія приданными для заключенія брака, и взята была въ плѣнъ по жестокомъ сраженіи, на которомъ нѣсколько служителей ихъ побито. Государыня моя! говорилъ утѣшавшій ее *Вадимъ*: не безъизвѣстно мнѣ, сколь тяжко сносить влюбленному сердцу препяніе, случающееся въ самый часъ окончанія ожидаемаго благополучія. Я самъ испыталъ по надѣ собою, и еще несравненно больше вашего! Сколько щастливымъ считалъ бы я себя, когдабъ возлюбленная моя, подобно вамъ, находилась въ полону! Но я и надежды не имѣю, чтобъ была она на свѣтѣ; а вамъ можно еще ожидать свободы и щастія. Я имѣю намѣреніе, еслии вы одобрите оное, избавить себя и всѣхъ васъ. Вастарны веселятся на наши деньги, и вскорѣ охмѣлявъ послушь, такъ что не великаго будешь стоить труда избавишься отъ нихъ отъсвоимъ. Обрадованная шѣмъ

дѣвѣ

дѣвица не только соглашалась подѣргнуться съ нимъ всякой опасности, но и употребить оружіе къ защищенію, еслии оное получить ей будетъ можно. *Вадимъ* не сомнѣвался въ истиннѣ словъ ея, вѣдая, что у всѣхъ Славянскихъ народовъ женщины обучаются владѣть оружіемъ, и не уступаютъ мужчинамъ въ храбрости; онъ открылъ по шомъ братьямъ ея о своемъ намѣреніи, и всѣ уговорились, какимъ образомъ произвести оное въ дѣйствіе. Когда Вастарны перепавшись поснули, и осталось только двое на часахъ равномерно пьяныхъ и дремлющихъ: лѣнныя подкравшись унесли ихъ оружіе, часовымъ отрубилъ головы, и забравъ лошадей, поскакали. Ёхавъ чрезъ всю ночь, на разсвѣтѣ примѣтили спутники *Вадимовы*, что они однако не болѣе десяти верстъ находятся отъ той деревеньки. Вскорѣ увидѣли они погоню за собою отъ оставшихся разбойниковъ: и для того начали понуждать лошадей своихъ. Приближась къ горамъ, встрѣчены они были множествомъ вооруженныхъ, о коихъ не зная, кто они таковы, считали равномерно разбойниками, и *Вадимъ* началъ поощрять своихъ товарищей къ храброй оборонѣ. Однако въ приближеніи къ великой радости невѣсты *Свеналдовой*, узнавъ, что былъ то самъ женихъ ея, услышавшій о ея нещастіи и справившійся въ поискъ за Ва-

старшами. Радость свидѣвшихся любовниковъ и благодарность къ избавишель, вскорѣ была пресѣчена нападеніемъ отъ гнавшихъ Вастарновъ; но оныя заплатили жизнью за дерзостную отважность свою. По одержаніи побѣды упрости *Свеналдъ* Славянскаго Князя посѣтити домъ его и присутствовалъ при совершеніи брака. *Вадимъ* охотно согласился на оное, по той причинѣ, что уповалъ получить освѣдомленіе о молодомъ чужестранцѣ, спрашивавшемъ объ немъ у брата *Озанина*, и котораго по чувствованію слабой надежды считалъ за свою возлюбленную *Бряниславу*; равноѣрно уповалъ онъ сыскать слугу своего *Простая*, ослушавшагося въ темнотѣ ночнаго ихъ бѣгства. Нѣ сколько служителей разослано сыскивать оного, однако пропалъ оный безвѣстно къ крайнему сожалѣнію *Вадимову*; ибо сей слуга простиною своею и смѣшными разговорами почасту разгонялъ грусть его. Слѣдуя въ домъ *Свеналдовъ*, ниѣли они щастіе встрѣшиться съ оставшимися Вастарнами, у коихъ отбили все приданое невѣсты *Свеналдовой*, и деньги, отнятыя у *Простая*. Благодарный *Свеналдъ* старался угощеніемъ оказать *Вадиму* признаніе свое; между тѣмъ совершился бракъ его. Однако сердце *Вадимово* неспособно было ни къ каковымъ веселіямъ; не получивши свѣденія о молодомъ

домѣ

донѣ чужестранцѣ, уповалъ онѣ при дворѣ Поляискаго Государя получить лучшее извѣстiе; сiе побуждало его ускорить отбѣздомъ въ *Вандалѣ* (*), столичный городъ государства сего. Въ семѣ намѣренiи подзиривъ онѣ коня своего *Свеналду*, и взявъ судно, отправился въ пушь рѣкою Вислою,

Уже показывались ему издалека глаповерхiя зданiя Вандальскiя, и чрезъ полчаса бѣзды уповалъ онѣ вступить въ стѣны сего столичнаго города, какъ преужасный вихрь едва не лишилъ его жизни. Сей порывистый вѣтрѣ оказалъ сначала дѣйствiе свое надъ стоящими на берегу рѣки деревьями: оныя вырвалъ изъ кореня, и бросилъ далеко въ рѣку; по томѣ приближась къ судну, завершѣлъ оное, намчалъ на великой камень, и раздробилъ въ щепы. *Вадимѣ* не могъ спастись по подобiю прочихъ: волнующаяся Висла несла его внизъ, и съ проводникомъ

Ж 4

тру-

(*) Вандалѣ городѣ, по обстоятельствамъ нѣкоторыхъ извѣстiй, находился близъ того мѣста въ Польшѣ, гдѣ нынѣ Краковѣ. Названiе свое получилъ безъ сомнѣнiя отъ Вендовъ, или Вандаловъ, народа Славянскаго, обитавшаго въ странѣ сей прежде Авановъ, кои пришедъ съ востока, вытѣснили Вандаловъ, Принудили оныхъ слѣдовать чрезъ Италiю до Испанiи; а сами соединясь съ Полянами и Горянами, составили праотцовъ нынѣшнихъ Поляковъ.

прудомъ могъ онъ схватить остатокъ дос-
 ки разбишаго судна, которой его обреме-
 женнаго броней едва держать могъ. Дер-
 жась за оную ныль онъ; но уже лишился
 силъ, и погибъ бы, естълибъ по щастію
 стремленіе волнъ не принесло его къ само-
 му тому мѣсту, гдѣ Монархъ Полянскій за-
 бавлялся звѣриною ловлею. Онъ съ придвор-
 ными своими гнался за досемъ, коего соба-
 ки вогнали въ воду. Изнеможенный и без-
 чувственный *Вадимъ* машинальнымъ побуж-
 деніемъ схватилъ за ногу приближившагося
 звѣря, принудилъ онаго чрезъ то возвратиться
 на берегъ, и вытащенъ былъ изъ воды.
 Князь Полянскій, недавно сочетавшійся бра-
 комъ съ Воряжскою Княжною, учреждалъ для
 оной разныя забавы; высокія особы сіи пре-
 слѣдуя лося, приблизились къ берегу, и
 увидѣвъ безчувственнаго *Вадима*, приказали
 подать ему всевозможную помощь. По одѣ-
 нію его и великой цѣнѣ персяня, на рукѣ
 его находившагося, заключили они, что онъ
 долженъ быть человекъ внашней. *Вадимъ*
 ошнесенъ былъ въ Княжескій шатеръ, и по
 приведеніи въ чувство узналъ, кому обя-
 занъ онъ за сіе стараніе; онъ благодарилъ
 Государа Полянскаго за таковую милость;
 но по совѣту и дружественному союзу съ
 братомъ своимъ не счелъ за полезное от-
 крыться ему о своей природѣ, и назвался.

Пол-

Полководцемъ Декеваловымъ, служившимъ въ послѣднюю войну съ Римлянами подъ начальствомъ *Вадимовымъ*. Сте подало случай ко многимъ вопросамъ съ стороны Полянскаго Государя, на которые *Вадимъ* умѣлъ такъ хорошо отвѣтствовать, что Князь почувствовалъ къ нему особливую благосклонность, и былъ освѣденъ отъ всякихъ подозрѣній вразсужденіи его особы. Князь Полянскій приказалъ ему жить во своемъ дворцѣ, и присутствовать за столомъ его во все время, пока онъ въ столицѣ его пребылъ вознамѣрился.

По возвращеніи въ Вандалъ первое стараніе *Вадимово* состояло въ развѣданіи о своей возлюбленной *Брягиславѣ*, по исмѣ о *Бурноевѣ* и обстоятельствахъ войны Дакковъ съ Римлянами. Но о первыхъ двухъ не получилъ онъ ни малѣйшаго извѣстія, а о послѣднемъ узналъ, что Римляне вновь овладѣли Панонією; что Декевалъ имѣетъ надъ ними нѣкоторыя выгоды, но что ожидаютъ главнаго сраженія, къ которому съ обѣихъ сторонъ приутопляютъ. Таковая вѣдомость понудила было его не мѣшкая оставить дворъ Полянскій и слѣдовать въ Дакію; но любовь, или можетъ быть судьба, готовящая погибель престолу *Декевалову*, удержала руку его, которая могла бы спорить прошиву ея предопредѣленія. Она

Ж 5

вну-

внушала ему мысли, что *Брянслава* спаслась отъ смерти при разрушеніи Геркуланы, ищетъ его всюду, и необходимо должна побывашъ въ Вандаляхъ. Но когда поиски его остались бесплодны, и тогда уповалъ онъ еще получить объ ней извѣстіе. Князь *Полянскій* въ честь и забаву молодой супруги свей учредилъ богатырскія потѣхи; по всѣмъ смежнымъ государствамъ разослалъ призывныя листы, и определенное къ тому время чрезъ два дни наступишь имѣло. При семъ случаѣ городъ наполнялся со дня на день чужестранными витязями и странствующими богатырями, отъ коихъ *Вадимъ* лучшее успевалъ получить извѣстіе, какъ отъ людей путешествующихъ по всему свѣту. Онъ самъ чувствовалъ въ себѣ склонность оказать храбрость свою на оныхъ потѣхахъ; и шакъ ошложивъ отъѣздъ свой, началъ приуговляться къ подвигамъ.

Между тѣмъ придворные, примѣшивъ отъмѣнную милость Государя своего къ сему чужестранцу, старались сыскивать его пріязнь; *Вадимъ* получалъ отъ многихъ приглашенія, и въ особливости подружился съ *Соланомъ*, Воеводою войскъ *Полянскихъ*. Приуговленія его къ богатырскимъ потѣхамъ шребовали нѣкошораго уединенія: почему изпрося дозволенія у Государя, переѣхалъ онъ въ домъ *Солановъ*. Хозяинъ старался, угощая

щая его, дѣлать пиры и совывать знатныхъ особъ обоого пола; при чемъ *Вадимъ* по красотѣ лица своего прешерпѣлъ многимъ мападенія отъ господъ Поляскихъ, кои однако не могли поколебать сердца, занятаго *Брячиславою*. Въ одинъ изъ сихъ пировъ доложили *Солану*, что незнакомой желшоодѣянной челоуѣкъ требуетъ неосступно видѣть своего господина *Арпада*. Какъ *Вадимъ* назвался симъ имянемъ, отпрауясь въ пушешествія, и подѣ онымъ зналъ его и *Простай*, не сомнѣвался по тому, чтооу быль шо пропадшій его служилецъ. Приказано впуштить сего желшоодѣяннаго, и въ самомъ дѣлѣ быль шо *Простай*. *Вадимъ* чрезмѣрно обрадовался сей находкѣ; а *Простай*, вступя въ залъ и увидѣвъ множество гѣшей, началъ хохотать и закричалъ: А! ты здѣсь, мой господинъ, посиживаешь съ такими пригоженькими дѣвками; а я думалъ, что разбойники - ша давно тебѣ сломили шею! Я право адова не зналъ, а теперь вижу, что я еще же самъ господинъ... Но прежде всего надбно спросишь, гдѣ швоа добрая синая лошадь? — Видѣ и слова *Простаевы* все собраніе развеселили; а собливо когда *Вадимъ* вкращѣ рассказалъ имъ, какого роду быль онъ челоуѣкъ. Для чегожь ты (сказалъ по шомъ *Вадимъ* слугѣ своему) не дробопышствуешь уанать прежде обѣ моухъ

прие

приключеніяхъ, а хочешь узнать объ моей лошади? — Это смѣшной вопросъ! отвѣчалъ *Простой*; ты сидишь за столомъ, слышишь по уши: вѣдь эти ласковыя дѣвки тебя не кормящъ, хошь бы ты и не хотѣлъ; а лошадь безъ меня гдѣ возьметъ корму? — Это справедливо, сказалъ хозяинъ дому; можно видѣть, что ты человѣкъ разумной. Но прежде всего не можешь ли разказать намъ о своихъ приключеніяхъ? — Да! подхватилъ *Вадимъ*, что случилось съ тобою съ тѣхъ поръ, какъ ты въ темную ночь отъ насъ отсталъ. — Разказать! отвѣчалъ *Простой*, покачивая головою; это дѣло такое хитрое, такое похождение, которое никакому человѣку и въ умъ не войдетъ. Естълибъ вы знали, какъ я храбро поступалъ! . . . Жаль, что не было при томъ тѣхъ воровъ, которые связали мнѣ руки назадъ, не отважились бы они плушты отнимать нашихъ денегъ! — Всѣ знали уже о приключеніи *Вадимовомъ* съ *Вастарнами*; почему *Солачъ* убѣждалъ *Простая* разказать о его храбрыхъ подвигахъ. — Хорошо вамъ сидя за столомъ (отвѣчалъ сей) спрашивать, что и какъ со мною было. Ежелибъ я побѣждалъ, то и самъ бы могъ у васъ также спрашивать. Однако въ угодность не себѣ, а господину моему разкажу, чтобъ вы ротъ разинули отъ удивленія.

Повѣ.

Повѣствованіе *Простаево* отложено было до слѣдующаго вечера за тѣмъ, что *Славомиръ* приходомъ своимъ пресѣкъ оное. *Изборъ* съ досадою принужденъ былъ итти подписывать принесенныя имъ бумаги.

В Е Ч Е Р Ъ VI.

Первое приключеніе Простаево.

Въ эту темную ночь, какъ мы бѣжали отъ разбойниксвъ, вошло мнѣ въ голову, что они за нами погонюшся. . . . Признаюсь вамъ, господа, что съ малолѣтства еще не люблю я этихъ людей, которыя у пробѣжикъ отнимають деньги; а особливо не понравилось мнѣ лице того небольшого вора, которой ударилъ меня по щекѣ. Насъ много бѣдешъ, думалъ я, отъ этого шуку, которой дѣлають лошади, ушантсья не лъзя, они насъ услышатъ и догонятъ. Въ такомъ размышленіи рука моя безъ моего согласія поворошила за поводъ лошадь мою въ сторону; я молчкомъ отбѣжалъ съ версту; но боясь, чтобъ проклятая скошнина ржаніемъ своимъ не открыла моего убѣжища, бросилъ ее, и крадучись шелъ очень далеко. Первое высокое дерево показалось мнѣ добрымъ ночлегомъ: я
взлѣзъ

взлѣзъ на оное, и просидѣвъ до утренняя зори. По шомъ отправился я въ путь мой, и шель, самъ не вѣдал куда. Хоша и попадалось миѣ много мужиковъ, но ни одинъ не зналъ про моего барина; а я кажеться имъ сказывалъ очень ясно, что онъ родился подъ дубовымъ кустомъ. Къ половинѣ дня пришелъ я къ большой рѣкѣ; шуть попался миѣ мужикъ въ лодкѣ. Я просилъ у него, чшобъ онъ перевезъ меня на другую сторону; но эшомъ грубилнѣ просилъ съ меня за это денегъ. У меня въ карманѣ осталось еще съ горсть шѣхъ желшенькихъ копѣекъ, которыя дала миѣ пригожая барышня, у которой мы ночь прогуляли; разбойники не искали ихъ у меня въ нижнемъ плашь; я вынулъ всѣ мои копѣйки, и далъ переводчику изъ нихъ двѣ; но эшомъ плаунъ посмотрѣвъ миѣ въ глаза, узналъ, что я бѣглой. Онъ сказалъ объ эшомъ, и просилъ всѣхъ денегъ, грозя пришомъ, ежели я не ошдамъ, связать меня. Принужденъ былъ я отдашь ему всѣ мои копѣйки, и признался ему, что я точно ушелъ ошъ разбойниковъ; онъ обыскалъ меня всего, и не нашедши больше копѣекъ, позволилъ сѣсть въ свою лодку. Въ оной насъ сидѣло человекъ съ шесть; мы ошѣхали на половину рѣки, какъ ошкуда ни взялся такой сердншой вѣшрѣ, что вода его испугалась, начала болташься и лодку на-
шу

шу вертѣть кругомъ. Долго это было; перевозчикъ кричалъ на всѣхъ, чтобъ сидѣли смирно, грозилъ убить до смерти шго, кто будешь шашаться. Я не хотѣлъ было съ нимъ спорить, и сидѣлъ какъ бы врытой, но лодка наша такъ качнулась, что я принужденъ былъ схватиться за край. Перевозчикъ разсердился, и хотѣлъ ударить меня весломъ; но ошъ размаху ево лодка качнулась еще больше и захлебнулась. Мы начали барахтаться въ водѣ; я увидѣлъ, что перевозчикъ поплылъ къ каменной стѣнѣ, кошорая изъ воды торчала, и самъ поплылъ за нимъ. Вылѣзали мы на эту стѣну, и смотрѣли долго, какъ наши шоварищи очень забавно въ водѣ болтались и ныряли. Напоследокъ они такъ глубоко нырнули, что ужъ больше не показались, и лишили насъ такой потѣхи. Мы ночевали на этой стѣнѣ; а какъ уже захошѣлось намъ очень пообѣдать, и взялъ было не гдѣ, то перевозчикъ, нашедши на стѣнѣ превеликое бревно, началъ тащить оное въ воду. Я спросилъ у него, что хочешь ошъ съ бревномъ тѣмъ дѣлать; онъ отвѣчалъ, что поплывешь на немъ на другую сторону рѣки. Мудрено мнѣ то казалось; потому что на этомъ бревнѣ не видалъ я ни весель ни парусовъ, чемъ плыть можно. Я объявилъ ему свое о томъ сомнѣнiе; но онъ увѣрялъ меня, что бревно это довольно мнѣшь въ

себѣ

себѣ тяжести, чтобѣ поднять одного человѣка. А! подумалъ я, когда тяжелое поднимается на водѣ человѣка, то и я найду себѣ корабль. На стѣнѣ шой лежалъ большой камень гораздо тяжелѣ бревна; я привалилъ его съ предельнымъ трудомъ къ краю стѣны. Перевозчикъ легъ на свое бревно брюхомъ, началъ грести руками и поплылъ; я также легъ на свой камень, спехнулъ его въ воду, но поплылъ съ нимъ черезъ голову: корабль мой пошелъ какъ ключъ на дно, а меня несло внизъ. Перевозчикъ въ шо примѣтивъ, догналъ меня на бревнѣ, схватилъ, приволокъ опять къ стѣнѣ, и поплылъ прочь. Сколько ни просилъ я его, чтобѣ онъ взялъ меня съ собою, и хотя обѣщалъ ему, ставъ на бревнѣ свой кафшанъ расшанушь оной вѣсто паруса, но онъ не слушая ничего плывъ, и только сказаалъ, что бревно его двухъ человѣкъ не поднимешъ. Я догадался, что онъ меня обманываетъ, поплылъ самъ за нимъ, догналъ и схватилъ за другой конецъ бревно; оное потчасъ стало нырять въ воду. Перевозчикъ грозилъ убить меня до смерти, ежели я не покину; принужденъ былъ я бросить, но вмѣсто бревна схватилъ его за ногу и держался крѣпко. Сколько онъ ни толкаалъ меня другою ногою, но не вырвался; я не робѣалъ, вѣдая, что въ водѣ онъ драхъся со мною не шанешъ.

Дол-

того мы съ нимъ ныряли, и наконецъ онъ сорвался отъ бревна; я схватился за оное, и оттолкнувъ его прочь, поплылъ такъ, какъ онъ плылъ. Я поймалъ его шапку, и присталъ къ берегу. Вышедъ изъ воды, того я кричалъ ему, чтобы онъ пришелъ завать свое бревно; но видимо, что онъ рассердясь на меня не откликнулся, и куда-то спрятался.

Хотя не спалъ я двѣ ночи сряду, но голодъ мучилъ меня столько, что я пошелъ искать деревни, гдѣ бы пообѣдать. Уже надъ вечеръ, въ великой усталости добралъ до постоялаго двора, гдѣ накормили меня досыта. Въ этомъ дворѣ пришла какая-то дѣвка, и узнала на мнѣ шапку отца своего; она спрашивала, гдѣ я оную взялъ. Тогда вспало мнѣ на умъ выдумать шушку: я ошибчалъ ей, что эта шапка точно отца, и что я за шѣмъ и пришелъ, чтобы сыскать ее. Послушай, красная дѣвица, продолжалъ я: отецъ твой, въ ближнемъ городѣ напившись пьянъ, выбранилъ Воеводу, и за это посадили его въ тюрьму. Онъ послалъ меня къ тебѣ съ этою шапкою, чтобы ты повернула и прислала къ нему со мною мѣшечекъ денегъ на искупленіе. Ему опредѣлена смертная казнь, ежели чрезъ десять дней не успѣешь онъ заплашиться за безчестье Воеводѣ.

— Услышавъ то дѣвка, начала плакать и

Часть I. 3 про-

просишь меня, чтобъ я пошелъ съ нею въ домъ къ ея матери. Я не поупрямился, пришелъ туда, и жилъ нѣсколько дней, пока они къ намъ собрали мѣшечикъ денегъ. Мнѣ было весело у нихъ; потому что они кормили меня досыта, и мнѣ спалъ на мягкой постелѣ. Послѣ того отдали они мнѣ деньги, и просили постараться объ избавленіи сидящаго въ тюрьмѣ; въ чемъ я обнадежилъ ихъ, пошелъ проворно и самъ куда не вѣдал. Пришедши въ первую попавшуюся мнѣ корчму; гулялъ я цѣлую недѣлю на чужія деньги. Хозяинъ угощалъ меня со всевозможнымъ стараніемъ; хотя и примѣчалъ я, что онъ много лишняго на меня начиналъ, однако я думалъ, что это такъ водится. Въ послѣднюю ночь пришелъ къ моей постелѣ два человека, нахлучивъ шапки. Они взнуздали мнѣ ротъ палкою, такъ какъ клздушѣ лошадамъ въ ротъ удила, привязали веревкою къ постелѣ, и обыскавъ по карманамъ, забрали всѣ деньги и пошли прочь. Я лежалъ до утра, и не могъ закричать, потому что палка мнѣ вѣшала. Пришли мои, съ которыми я въ прошедшую недѣлю веселился, собрались уже поздравить меня съ добрымъ утромъ и опять начать попойку на мои деньги. Они удивились, что я такъ долго вѣшался, пришли навѣстить меня, и увидѣвъ меня взнузданнаго и привязаннаго, освободили.

Я

Я разсказалъ имъ объ своемъ несчастіи. Пришли
 ли мои совѣщовали мнѣ не сказывать ни сло-
 ва хозяину, что у меня денегъ уже нѣтъ, и
 сдѣлали мнѣ наставленіе, которое произвелъ
 я въ точности въ дѣйствіе. Я приказалъ из-
 готовить больше кушанья и подать всякихъ
 напѣшковъ. Мы пили и ѣли цѣлой день; а
 надъ вечеръ товарищи мои начали одинъ по
 одному шайкомъ уходить. Оставшись одинъ,
 и я вышелъ съ ними. Хозяинъ, примѣшивъ шо,
 побѣжалъ за мною въ слѣдъ, а я бѣжалъ отъ
 него вонъ изъ деревни. Я зналъ отъ чего бѣ-
 гу, мнѣ не чѣмъ было заплашить ему; но онъ
 не вѣдалъ, для чего за мною гонится. До-
 гнавши меня, спрашивалъ онъ, для чего я
 бѣгу? Для того, отвѣчалъ я, что ты за
 мной гонишься; а сверхъ того у меня отъ си-
 дѣнья ноги заржавѣли, я хочу оныя повы-
 править. Хозяинъ разсѣялся: ну! сказалъ
 онъ; когда только всего, можно мнѣ себя
 отъ такого шуда забавить. Я и не прину-
 ждалъ его къ тому; приказалъ ему возвра-
 щаясь приготовить доброй ужинъ, за кото-
 рымъ бы мнѣ пробѣжавшись прохладиться, и
 шѣмъ ошпочивавъ его, съ вѣрною надеж-
 дою къ дальнимъ барышамъ ошправилъ до-
 мой. Я бѣжалъ не оглядкою, размышляя до-
 рогаю о плуцахъ, меня ограбившихъ; подо-
 врѣніе мое упало на двухъ хозяйскихъ ра-
 бошниковъ, кои жадно поглядывали на мои

деньги, когда я ихъ высматрѣлъ. По наступленіи ночи прибѣжалъ я въ большой лѣсъ.

Вродя по одному, увидѣлъ я въ гусиниѣ разкладенной огонь, и при ономъ нѣсколько человекъ. Не зналъ я, какъ заключить, какія бы-то были люди, и на чемъ далеко отъ дороги оспановились ночевать. Однако осмѣлившись подшелъ я къ нимъ, и къ великой радости увидалъ въ числѣ ихъ шѣхъ шронхъ пришелей можкъ, которые въ корчмѣ цѣлую недѣлю пиливали на мои денежки. Съ ними были и шѣ два корчмаревы работники, коихъ подозревалъ я въ похищеніи моихъ денегъ. Вблизи ихъ стояла большая бочка. Я подравилъ ихъ съ добрымъ вечеромъ, и спрашивалъ у нихъ, съ чемъ эта бочка? Они отвѣчали мнѣ, что эта бочка съ добрымъ пивцомъ, посланнымъ отъ корчмара въ подарокъ лѣсовому надзирателю. Между шѣми они, наливая свои шляпы, пошатилали пиво, и привѣщивуя меня, говорили: мы приходу своему, почтенной *Простай*, чрезмѣрно радуемся. Садись къ намъ и покушай пивца. Я отъ многого бѣжанья великую имѣлъ жажду, и обрадовавшись ихъ предложенію, снялъ свою вязаную шапку, за шѣми что у нихъ ни ковшъ, ни стакановъ не было, и нацѣдилъ по примѣру ихъ въ оную пива. Но прежде нежели принесъ я коршу, оное все вышекло. Они смѣялись моею неудачъ: что

что меня приводило въ досаду; однако на-
последокъ снабдили шапкою, нѣ въ которой я
напился. Таковыми образомъ попивали мы до
полуночи. Я притворился, что на работни-
ковъ корчмаревыхъ никакого подозрѣнiя не
имѣю, опасаясь, чтобы они меня опять не
взнуздали. Ужинъ нашъ состоялъ въ жидкой
кашѣ; они пощивали меня съ ведникомъ въ-
жливостiю, называли меня высокопечен-
нымъ господиномъ *Простаемъ*, и живо под-
носили съ низкими поклонами. По шаковому
ихъ обращенiю началъ я сомнѣваться въ
прежнее мое подозрѣнiе на ихъ въ по-
кражѣ денегъ, и ожидалъ бы съ радостiю
имѣ добровольно по всегдашней моей щедро-
сти, ежелибъ, что случилось въ моихъ
карманахъ. Къ полуночи бочка опорожни-
лась; для того что мы не сколько пили,
сколько лили на землю. Мы перешли всѣ
до пьяна: но я превозмелъ всѣхъ въ шомъ;
ибо ничего не помню, что они со мною
дѣлали. Проспавшись повялъ я, какъ мудро-
мо они со мною поступили. Они вынули дно
изъ опорожненной бочки, и посадивъ меня,
опять оное вставили. По шомъ, положивъ на
бывшую съ ними шелѣгу, взвели на крушую
гору и составили бочку на вемлю. Я еще
не совсѣмъ проспался тогда; и для того не
могъ разумѣть словъ ихъ, однако понималъ,
что они надо мною смѣлись. Когда весь

3 3

лилъ

хвѣль изъ головы моей вышелъ, тогда услы-
 шавъ я, что какую узку оплели они мнѣ посто-
 лъ. Мнѣ не льзя было ни пролянухъся, ни встать,
 ни принуждеиъ я лежать весь настаавшій денъ.
 По наступленіи ночи, слышалъ я нѣчто
 живое, ходящее около бочки; я счелъ, что
 это былъ человекъ, и для того замричалъ
 другъ мой! сдѣлай милость, высвободи меня
 изъ этой неволи. Прокричавъ, приклонилъ
 я ухо, ожидая отвѣту, но слышалъ, что
 приближившійся отбѣжалъ прочь. Я уга-
 далъ робость его, ободряяъ онаго и кланя-
 ему, чтобы онъ никакого зла не опасался.
 Однако другъ этотъ молчалъ. Я изогнулъ
 кой какъ, и выставилъ глазъ въ широкую
 бочечную втулку; увидѣлъ я тогда, что было
 это превеликой волкъ, опять подшедшій
 обнюхивающій бочку. Я выставилъ мою ру-
 ку, ни слова не говоря, схватилъ звѣря за
 хвостъ, втащилъ онаго въ бочку, и держа-
 ся за него крѣпко обѣими руками. Сильно
 волкъ началъ прыгать; и легко поверотилъ
 бочку, сползшую на самой крушизѣ той го-
 ры. Мы съ нимъ покашились подъ гору;
 не выпускалъ хвоста изъ рукъ, и думалъ,
 что мы разъ съ пятьдесятъ другъ черезъ
 друга перекувырнулись. На послѣдкѣ бочка
 съ раскату ударилась объ дерево, такъ что
 вся рассыпалась. Освободясь изъ моей темни-
 цы, готовился я принести благодарность

мою избавишело; но онъ не дожидаясь
поклоновъ, ушелъ въ лѣсъ. Я хотѣлъ встать
на ноги, но не могъ. Небо и земля завер-
телись кругомъ, деревья падали, а горы
сверху поднимались. Тогда - то я очень
испугался, и подумалъ, что вѣдущая земля
наконецъ взбѣсилась, какъ и ша, изъ которой
мы уѣхали. Сколько разъ ни поднимался я,
столькожъ опять падалъ, и началъ тогда
приготовляться къ смерти. Однако чрезъ ма-
лое время все это прошло: горы, лѣсъ
небо и земля стали по прежнему смирнохо-
ны. Тушъ - то я очень обрадовался! осмолѣ-
лъ, что нахожусь въ большомъ лѣсу, и сѣлъ
подъ деревомъ дожидаться свѣту.

Не зналъ я куда обращаться. Тебя, мой го-
сподинъ, считалъ я за сидящаго подъ карау-
ломъ у разбойниковъ: и для того хотѣлъ
идти назадъ, и приняться въ услуги къ той
пригожей барышнѣ, гдѣ шакъ хорошо кор-
машъ. Между размышлениями моими солнце
уже взошло. Вдругъ слышалъ я раздающій-
ся по лѣсу великой шумъ и крикъ отъ мно-
гихъ голосовъ. Испугавшись того, вскочилъ я;
ибо опасался прежнихъ моихъ невѣрныхъ
пріятелей, чтобъ они вновь чего не сдѣлали
со мною еще хуже; и для того полѣзъ на де-
рево. Я хотѣлъ спрястаться въ густыхъ вѣт-
вахъ того большого дерева, и въ страхъ не
примѣшивъ, что оно сверху до корня

въ срединѣ было дуплевашо. Желая присѣсть, опустился я безъ задержанія внутрь его къ самому кореню, и сталъ на ноги безъ всякаго вреда, кромѣ того, что очень испугался. Вскорѣ слышалъ я бреханье многихъ собакъ, пристающихъ къ дереву, въ котсромъ изволилъ я находиться; а по шумъ и слова подѣхавшихъ охотниковъ. Все это умножало страхъ мой. Господинъ, веселившійся шюю охотою, прибылъ сзидъ къ дереву, и удивился причинѣ, для которой собаки его къ дереву приступаютъ. Онъ приказалъ одному псарю взлѣсть на дерево, которой учиня шю, осмотрѣлъ большое находящееся въ ономъ дупло. По шаковому изслѣдованію заключено, что въ дуплѣ находится рысь, и по общему приговору присуждено дерево срубить. Какъ же было мнѣ не испугаться? Прорубая дерево, могли они и меня шопоромъ захватить. Не чего мнѣ осталось дожидаться; я закричалъ: государи мои! не извольте шрудиться, я добровольно отдаюсь вамъ въ руки! — Охотники взлѣзли на дерево, опустили въ дупло веревку, за которую я ухватился, былъ вышаченъ. Я рассказалъ господину объ моемъ походе въ бѣчкѣ, сколько возможно жалобнѣе, и думалъ, что онъ пустишь меня на волю; однако онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за собою и бышь въ-

услу-

служеніи его, шакъ какъ бы онъ на войнѣ взялъ меня въ полонъ. Досадно мнѣ это было; но чтожь оспалось дѣлать? Я довольно бы имѣлъ храбрости противиться ему въ томъ; но проклятое мое сердце не соглашалось: оно какъ бы на зло мнѣ и самыя малости представляеть всегда опасными. Однако чрезъ два дня нашель я случай дасть онъ него плгу.

Новой мой господинъ примѣшилъ, что я за лошадами умѣю ходить лучше слугъ его: и для того поручилъ онъ мнѣ обѣзжать лучшева коня своего. Со мною поѣхали еще два конюха. Долго мы ѣздили, и лошадь меня слушалась. Тогда вошла мнѣ въ голову мысль: для чегожь мнѣ служить этому господину? вѣдь я не давалъ ему въ томъ своего слова. Иное дѣло, когда служилъ я *Арпаду*, по сдѣлано было по согласію. Лошадь моя резвѣе, и я безъ труда уѣду отъ конюховъ. Подумавъ это, стегнулъ я коня, и вскорѣ улетѣлъ, какъ птица, изъ глазъ моихъ поварищей. Я ѣхалъ весь день, и уже надъ вечеръ прибылъ къ нѣкоторому дворянскому замку. Не сомнѣвался я, что бышь худу, когда меня догоняшь: и для того просилъ сторожа воротъ этого замка, чтобъ онъ доложилъ обо мнѣ господину своему какъ о такомъ человѣкѣ, у котораго смерть на носу. — Другъ мой! отвѣчааь

слуга; господниѣ мой уже съ полгода тому, какъ умеръ: слѣдственно помощи тебѣ никакой оказати не можеть. — Ктожь владѣеть этимъ замкомъ? спросилъ я. Наша молодая госпожа, жена умершаго, отвѣчала онъ. Такъ доложи ей, сказалъ я. — Госпожа, сидѣвшая подъ окномъ, услышала слова мои, и приказала меня предъ себя впустить. Я донесъ ей, какииъ образомъ сосѣдъ ея взялъ меня къ себѣ насильно въ услуженіе; почему и ушелъ я отъ онаго на лучшемъ конѣ его. Я обѣщалъ ей подарить того коня, естли она меня приметъ въ свое защищеніе. — Никто тебѣ лучше моего въ шемъ помочь не въ состояни, отвѣчала она. Этомъ сосѣдъ мой влѣйшій миѣ непріятель. Я беру тебя въ мое защищеніе съ тѣмъ, чшобъ лошадь твоа была моя; а ты въ числѣ моихъ слугъ. — Въ смертельномъ тогдашнемъ моемъ страхѣ не было миѣ времени размышлять; я согласился на ея требованіе.

Послѣ того свѣдалъ я отъ другихъ служителей о причинѣ вражды того дворянина съ новою моею госпожею; онаа произошла отъ слѣдующаго: по смерти мужа ея началъ онъ за нее свашаться, и хотя она нѣсколько разъ ему отказывала, но онъ безпрестанно ей скучалъ и не давалъ покою; а напоследокъ похвалялся жениться на ней силою, естли несклонится она добровольно.

На

На другой день прїѣхалъ къ ворошамъ
 замка шотъ дворянинъ съ шриццатью воору-
 женными служителями, и прѣбывалъ выдачи
 бѣглаго своего раба съ уведенною лошадейю.
 Хотѣли только вѣдающе, каково у меня пог-
 да было на сердцѣ! Въ замкѣ нашемъ всѣ
 перепугались отъ такового многолюдства;
 у насъ и со мною находилось только пять
 мушкетеръ, да столькожъ женщинъ, то какъ
 было обороняться? Я заклиналъ всѣхъ со
 слезами, чтобъ меня не выдали, обѣщая
 каждому человѣку дань по сту золотыхъ
 копѣекъ, хотя карманы мои и очень были
 пусты. Между шотъ дворянинъ оной ло-
 манся въ вороша. Молодая госпожа взбѣ-
 жала съ своими служительницами на крѣп-
 кую башню, у которой дверь была желѣз-
 ная, и столько мѣсто оное было безопасно,
 что и одному можно бы ваццѣшиться отъ
 сша непріятелей. Она взяла для охраненія
 своего и меня, въ той надеждѣ, что я ко-
 нечно живъ въ руки ему ошдаваться не со-
 глашусь. Между шотъ приказала она воро-
 шы замка своего отворить, но несказывашъ
 объ мѣстѣ, гдѣ она спрятаалась, и какъ мож-
 но скорѣе сѣвши на лошадь скакать къ ош-
 цу ея и увѣдомить о происходящемъ. По-
 ка шотъ бѣшенной дворянинъ взбѣжалъ на
 дворъ и обыскивалъ въ покояхъ: лѣшницы
 и входы на башню всѣ были ошломаны
 храб-

храброю моею рукою. Дворянину тому не я и не лошадь его были нужны; госпожа замка больше всего стрекочала его сердце. Онъ не нашедши ее нигдѣ, обгналъ какъ сумасшедшій по двору, послалъ догонять людей, поскакавшихъ съ вѣдомостью къ олицу его любовницы. Одинъ изъ нихъ пониманъ былъ и приведенъ предъ него. Онъ угрожалъ ему смертью, естли не откроешь объ убѣжищѣ госпожи своей. Сколько сей бѣдной человекъ ни оптеваривался, но увидѣвъ обнаженную надъ головою своею саблю, принужденъ былъ сказать истинну. Узнавъ о томъ, приказалъ онъ сыскать лѣстницы, и люди его полѣзли выламывать желѣзную дверь.

Я безъ очковъ увидѣлъ, что дѣло плохо, и не захошѣлъ больше сердить того дворянина. Я выставилъ голову мою въ окно сквозь желѣзную рѣшетку, и шелько лишь хошѣлъ вступити въ договоры, какъ онъ увидѣвъ меня, кричалъ мнѣ, чшобъ я отперъ двери; за что обѣщаль дать мнѣ свободу и оппустить, куда я желаю на уведенной мною лошади. Я просилъ его, чшобъ далъ онъ мнѣ въ томъ честное свое слово; и какъ скоро обнадежилъ онъ меня, отперъ я двери, не взирая на крикъ и слезы молодой госпожи. Таковымъ образомъ достиглась она въ руки своему любовнику; а я
не

не дожидаясь свадьбы въ томъ же часъ сѣлъ на подаренную лошадь, въ чемъ дворянинъ томъ не только не препятствовалъ, но еще подарилъ мнѣ горсть денегъ.

Вороша замка стояли на полночь, и какъ я выѣхавъ отправился прямо въ эту сторону. Черезъ полчаса времени всмѣрилось со мною человекъ съ шестидесятъ вооруженныхъ, ведомыхъ служителями молодой вдовы отъ отца ея. Я сказалъ имъ, что замокъ уже взятъ, и что госпожа ихъ попалась въ руки тому сердитому господину. Нѣтъ ничего! опѣчали они; мы уповаемъ немедленно избавить ее отъ такого насильника. Послѣ чего поехали они еще развѣе, а я слѣдовалъ своей дорогой, и надъ вечеръ остановился въ постояломъ дворѣ отдохнуть, и виномъ прогнать остатки претерпѣннаго страха. Веселье мое скоро кончилось: два меньшихъ брата того дворянина, которой подарилъ мнѣ лошадь, стоворились сдѣлать за мною погоню, и отнять оную обще съ деньгами. Они настигли меня въ томъ постояломъ домѣ, и обошлись столь ласково, что я не подозревалъ ихъ въ непріятельскомъ ихъ намѣреніи. Сказывали они мнѣ, что пріѣхавшіе на помощь люди не только освободили молодую госпожу, но и брата ихъ, поймавъ со всеми служителями, содержавъ подъ карауломъ,

и

и что только двое они спаслись бѣгствомъ. Я словамъ ихъ повѣрилъ, и согласился съ ними на другой день ѣхать вмѣстѣ. Однако на дорогѣ опяли они у меня лошадь и деньги, угрозивъ заколошь меня, ежели я кричащъ стану. Я ошдался имъ безъ сопротивленія; хотя самъ себѣ дивился, гдѣ дѣлась моя храбрость, что я ошъ такихъ рабляшишекъ не могъ оборониться: и спаршежу изъ нихъ не было еще осмнадцати лѣтъ; а сверхъ того у нихъ не находилось и никакого оружія, которое обобрали приспѣвшія на помощь къ молодой вдовѣ люди. Я очень разсердился, пошелъ назадъ, и ночевалъ въ шалашѣ у пастуха. На другой день побрелъ я впередъ, самъ не вѣдая, куда иду. Пришедши въ большой лѣсъ, увидѣлъ я близъ дороги въ сторонѣ монхъ обонхъ непріятелей, просыпающихъ хмѣль, кшорой всадили они въ лобъ себѣ за мои денежки. Я подкрался къ нимъ очень тихо, вывязалъ ошъ сѣделъ длинныя ременные шорка, и оными скрушилъ имъ руки и ноги такъ крѣпко, что имъ шронуться было не можно. Когда приступилъ я обыскивать ихъ карманы, проснулись они, но не чего имъ было дѣлать; ремни были крѣпки, и принуждены они только смотрѣть, какъ я побрелъ у нихъ всѣ деньги, и сѣвши на свою лошадь, взялъ обонхъ ихъ коней и отправился въ путь мой. На

На первомъ ночлегѣ подарилъ я одну изъ своихъ лошадей хозяину, другую продалъ ему не за пашь большихъ бѣлыхъ копѣекъ, а за своей прѣхалъ въ этотъ городъ. Не успѣлъ еще я отдохнуть, какъ услышалъ шепотъ и ала до велика повторяемаго слова *Арпадъ*, чужестранномъ господинѣ, послераго Князь изъ воды вытащилъ. Я подумалъ, что не кому шо бытъ, кромѣ моего господина. Я размышлялъ, когда онъ родился подъ дубовымъ кустомъ, шо можно ему и въ водѣ жить, и шепчасъ съвѣтъ на лошадь, поѣхалъ искать. — Ну! вошь господинѣ мой! я нашелъ себя здѣсь, и готовъ служить тебѣ по прежнему, но съ уговоромъ, чтошобъ въ воду намъ не бѣдишь; для шого что я привыкъ жить на землѣ. — *Простай* кончилъ шаковымъ образомъ свое приключеніе, которымъ не мало развеселилъ собраніе. — — —

Конечно! вскричалъ *Изборъ*, желашиій кончить въ шомъ вечерѣ слушаніе сказокъ; конечно повѣсть его и меня развеселила. Въ ней шо крайней мѣрѣ не шакой вздорѣ, какъ въ началѣ швоей сказки. Тамъ шолько земля горитъ, да рубятъ и колютъ; а здѣсь много кой чего забавнаго. На примѣрѣ: дуракъ шопишь перевозчика. . . . плушы сажашъ дурака въ бочку . . . волкъ съ оною кашитса педъ гору . . . безразсудной человѣкъ бы-

бываетъ причиною , что молодая вдова попалась въ объятія дворянину , коего терпѣть не можешь — и прочее тому подобное. *Уклонъ* примолвилъ: есть чему посмѣяться! а *Голованъ* сказалъ пословицу : судишь всякой молодецъ на свой образецъ — и *Засѣданіе* отсрочено до слѣдующаго вечера.

В Е Ч Е Р Ъ VII.

Продолженіе Вадимовыхъ приключеній.

Простай окончивъ свою повѣсть , просилъ *Вадима* принять его въ защищеніе отъ многихъ непріятелей , которыхъ онъ себѣ сдѣлалъ , и дарилъ ему приведеннаго имъ коня. *Вадимъ* не снабдилъ еще себя лошадей для наступающихъ богатырскихъ пошѣхъ: и для того спросилъ у слуги своего, какая шерстью приведенная имъ? — О! милосливой государь, отвѣчалъ *Простай*, шерсть эта очень мудрена , и достойна примѣчанія ; потому что у моего дѣда точно такая борода была: впрочемъ нѣтъ ей имени , она ни блѣдая , ни черная. *Вадимъ* любопытствуя посмотреть , нашелъ въ сей лошади прекраснѣйшаго богатырскаго коня , и столь хороше

об-

объявленного, что лучшего желать не могъ. Онъ согласился съ другомъ своимъ *Солономъ* выехать вмѣстѣ, снабдилъ себя бронею; а на щиту своемъ приказалъ написать младаго агнца, за коимъ гнался левъ съ надписью: *хотя я гонимъ; но еще не догнанъ*.

Въ слѣдующее утро гласъ трубъ и бубновъ воввѣстилъ наставшее время къ подвигамъ. Кромѣ множества придворныхъ Князя Полянскаго, съѣхалось на опредѣленную къ тому площадь до пятидесяти иностранныхъ богатырей. Они объявили имяна свои шокмо одному начальнику; а впрочемъ имѣли право скрывать другъ отъ друга не шокмо оныя, но и лица свои подъ личниками шелоновъ. Уставъ обрядовъ, при шаковыхъ потѣхахъ наблюдаемыхъ, написанъ былъ на большихъ доскахъ крупными буквами; доски оныя повѣшены были на двухъ столпахъ предъ вратами площади, чшобъ всякъ читалъ и невѣденіемъ отговариваться не могъ. Во внутренности площади находилось возвышенное мѣсто, на кошоромъ сидѣлъ начальникъ съ прочими судіями, для вѣчанія отличающихся въ подвигахъ и достойныхъ награжденія. Какъ площадь сія избрана была предъ окнами дворца, то Государь Полянскій съ своею Супругою смотрѣли изъ своихъ покоевъ; а для прочихъ зрителей по обѣимъ сторонамъ сдѣланы нахо-

Часть I.

И

длинсь

дѣлись возвышенныя примости съ уступами, подобно какъ въ Греческихъ позорищахъ бываешь. По данному знаку въ трубы богатыри раздѣлились на двѣ половины, и разбѣхались въ противныя стороны; а судьи сѣли на своей скамьѣ. Съ новымъ звукомъ трубъ, яко знакомъ къ началу подвиговъ, выѣхалъ съ правой стороны богатырь въ серебряныхъ лапахъ съ голубыми звѣздочками, на бодромъ ворономъ конѣ, имѣя на шишакѣ своемъ синія перья. Онъ вызвалъ крайняго человѣка съ лѣвой стороны, который не мѣшкая выѣхалъ. Они долго разбѣжали по площади, шурмуя своими шупоконечными копьями, и отдавъ честь Государямъ, а по шомъ госпожамъ, разбѣхались; они сразились такъ жестоко, что копья ихъ разламались, предомившись на мѣлкія части. Никто изъ нихъ не получилъ преимущества надъ своимъ противникомъ, oprчъ того, что оба они въ сѣдлахъ своихъ немного пошатнулись. Въ честь имъ присѣдали на трубахъ, и они уклоня обломки копьевъ своихъ, разбѣхались на прежнія мѣста.

По шомъ выѣхалъ вызыватель уже съ лѣвой стороны въ золотыхъ лапахъ и съ желтыми перьями на шишакѣ; на бромъ его написаны были черныя розы. Противникъ его, выступившій съ правой стороны на бѣломъ конѣ, имѣя на своей лашы черная

иля съ пылающими пламенемъ, и съ надписью на щитѣ: *я горю повсюду*. Онъ показывалъ благонадежный видъ, что съ перваго разбѣду вышибетъ своего противника изъ сѣла; однако отъ удара его чуть не до хребта лошадинаго нагнулся. Впрочемъ и онъ переломилъ копье объ грудь своего противника. Вызыватель его не оказалъ ему при сѣздѣ обыкновенной копьемъ чести, за что охотно желалъ онъ въ другой разъ съ нимъ сѣхаться; но было то противно обряду, и принужденъ онъ отложилъ мщеніе до другаго случая.

По устязкамъ вызовъ оставался опять на правой сторонѣ: съ оной выѣхалъ дородной богатырь на темнобуромъ конѣ, въ зеленой бронѣ. На щитѣ его написанъ былъ всадникъ съ надписью: *мнѣ вольность драгоцѣнна*. Противникъ его выѣхалъ на шаковомъ же конѣ въ темной бронѣ; на щитѣ у него видима была печальная дѣвица, прощающаяся съ своимъ любовникомъ и съ надписью: *щастливъ смѣющийся среди нещастія*. Когда они сразились, противникъ его получилъ такой ударъ, что принужденъ схватиться рукою за сѣло; но и самъ онъ отъ крѣпкаго упору оторвалъ стремяно свое. Впрочемъ оба они копья свои съ желаемымъ успѣхомъ другъ другу объ грудь переломили.

По окончаніи сего слѣдовалъ на среднѣу площади четвершой вызыватель въ уныломъ видѣ. Всякъ легко могъ примѣшшь, что мысли его не сходствовали съ наружностію. Онъ имѣлъ на себѣ броню волоную съ красивыми явліями; на щитѣ его изображенъ былъ цѣлующій лугъ съ гулающею по оному дѣвцѣю въ легкой плашѣ, съ надписью: *одѣяніе не доказываетъ о внутреннемъ состояніи*. Заключали, что уныніе его происходить отъ робости; въ чемъ однако весьма обманулись. Противникъ его, Испомискаго роста, выступилъ съ великою отважностію. Имѣлъ онъ броню вишневаго цвѣту; а на щитѣ сіяющее солнце съ надписью: *предъ всемъ отлжко*. Но при сѣздѣ сей великорослый гордецъ выбитъ былъ изъ сѣдла, какъ легкое перо. Онъ лежалъ на землѣ расплывшись, можетъ бышь больше отъ стыда, пока щитносецъ его приближась не помогъ ему встать; онъ, сѣвъ на коня, удалился изъ ограды. Побѣдителю по уставамъ оставалось право къ вторичному вызову; онъ и не пропустилъ воспользоваться сею выгодною. Вызванный имъ появился въ черныхъ латахъ, имѣя на щитѣ изображенного ястреба, гонящагося за малою птичкою, съ надписью: *наконце ты устанешь*. Успѣхъ сего новаго противника мало различествовалъ отъ прежде побѣжденнаго; онъ упалъ и съ своею

де-

дошадью отъ удара. Оправдало онаго лишь то, что онъ могъ слагать вину на коня своего, и что онъ равномерно съ побѣдителемъ передошилъ копье свое. Самъ побѣдитель оказалъ ему честь низкими уклоненіемъ копейнаго обломка; они отъѣхали на мѣста свои.

Выступилъ въ шѣмъ съ лѣвой стороны вызыватель съ открытою печалію; пошому что сверхъ волошой его брони чрезъ плечо повязанъ былъ черной военной поясъ, и на шишакъ его алыя перья сдернушы были черною леншою. На щитѣ его видниъ былъ молодой воинъ, стоящій на колѣнахъ предъ дѣвицею, отворачивающею отъ него лице свое, съ надписью: *надежда моя, пока живъ*, онъ вызвалъ съ правой стороны Всадника, нѣбующаго на себѣ черную броню, алую перевязь, и на шишакъ черныя перья, соединенныя алою же леншою. Казалось по виду ихъ, что они были другъ другу знакомы, и желали охотиѣ сразиться на остромъ оружїи, нежели на шуцоконечныхъ копьяхъ; ибо прошивникъ сей выѣхалъ не въ свою очередь, упредя въ шомъ двухъ человекъ. Они напали другъ на друга съ жестокостію; но вызваннѣ упалъ отъ удара и съ лошадыю, кошорая передошила заднюю ногу, да и самъ Всадникъ вывихнулъ руку, и ранилъ себя на обломокъ копья своего прошив-

И 3

шавника. Очь свесенъ былъ на рукахъ щитомощами; равно и лошадь его спашена прочь. Побѣдитель въ задешой бронѣ остался доволенъ и не вызвавъ по своему праву другого, отѣхалъ на свое мѣсто.

Послѣ сего сражались многіе иностранныя богатыри, о коихъ по виду ихъ щитковъ, имѣющихъ подобіе головъ разныхъ лютыхъ звѣрей, заключали, что были по разцыхъ королевствъ Нѣмецкіе рыцари. Успѣхи ихъ были не совсѣмъ отличныя; однако заслужили они похвалу за свое искусство и храбрость.

Между тѣмъ очередь дошла бысть вызвателю опять съ лѣвой стороны. Выѣхалъ оншуда широкоплечистый богатырь съ высокобѣрнымъ видомъ. Онъ не вызывая никого разѣзжалъ на пѣгомъ жеребцѣ своемъ шакъ долго, что судьи принуждены были напоминать ему объ ономъ. Онъ скрылъ свою о томъ досаду, и вызвалъ противу себя противника изъ правой стороны въ синей бронѣ. Вызванный не допущенъ былъ имъ къ обыкновенному проѣзду, шурмованію и оказанію почестей высокоимѣ осбамъ и госпожамъ; чемъ нарушенъ былъ обрядъ. Обиженный намѣрился отмстить ему за то, но щастіе не сооществовало его сердцу; онъ выбитъ былъ изъ сѣдла, и принужденъ со стыдомъ

Уда-

удалвшись. Возгордившійся шѣмъ побѣдитель не пропустилъ воспользоваться своимъ цѣпствомъ, и вызвалъ другаго,

Вызовъ сей палъ на *Вадима*, которой обрадовался случаю, что можешь копье свое предломишь объ грудь такова богатыря, которой оказалъ уже свою силу и искусство. Чубарый приведенный *Простаемъ* конь, совершенно соотвѣтствовалъ желаніямъ своего всадника, который съ своей стороны доказалъ, что онъ былъ искуснѣйшій вѣдокъ. *Вадимъ*, разбѣжая вкругъ, разнovidнымъ шурмованіемъ копья своего опанчался предъ прочими, и приобрѣлъ еще не сражаясь рукоплесканіе оцъ зрителей. Между шѣмъ и вызывателемъ старался не уступить ему; но испоща все знаніе, принужденъ остановиться, когда еще *Вадимъ* и половины ухватокъ своимъ не сбѣялъ. Онъ досадовалъ на себя и на прошиваника своего, однако гибель его прекращенъ былъ при сбѣдѣ. Омъ перваго удару вылетѣлъ онъ, какъ бы легкое перо, изъ сѣдла своего, уронивъ копье на руки и вырвавши горсть волосовъ изъ гривы лошадиной, за кою ухватился быде для удержанія. Паденіе его было столь жестоко, что онъ дышался чувствъ, и былъ поднятъ служителями своимъ. Онъ хотѣлъ опаматовавшись съестъ опять на коня своего, но скончина, какъ бы сердясь за утрату пер-

вой славы, начала брыкаться, и сбила его долой. Нещастной богатырь, повредив ногу, опнесенъ былъ съ пассадомъ. *Простай*, одѣтый щитноосцемъ, стоялъ на ряду съ своею братьею до шѣхъ поръ, какъ служители не побѣждали на помощь къ упавшему богатырю; онъ заключилъ, что бѣгушъ они напасть на его господина, и обнажа саблю свою, прискакалъ къ *Вадиму*. Не бойся ничего, вскричалъ онъ, пока я съ тобою! Досадно было *Вадиму*, что щитноосецъ его оказалъ всенародно простому свою; онъ давалъ ему внакъ копьемъ своимъ, чтобъ онъ прочь отѣхалъ; ибо не хотѣлъ говорить, чтобъ его не узнали. Хитрой *Простай* счелъ, что господинъ отдастъ ему копье свое для вызванія кого нибудь на поединокъ; онъ видѣлъ уже, каковой можно приномъ подвергнуться опасности. Нѣтъ, баринъ! вскричалъ онъ; мнѣ не лзя здѣсь мѣшаться въ такую опасную драку, которую вы пошѣхой называете, и къ коей я ни малой охоты не имѣю. *Вадимъ*, чтобъ забавиться скорѣе отъ дурачества слуги своего, подѣхавъ шепнулъ ему на ухо: убирайся скорѣе отсюда; на шѣмъ что на этомъ мѣстѣ шопчасъ вывоушъ себя на поединокъ, и ты принужденъ будешь драться и не хочя. Услышавъ сіе *Простай*, поскакалъ въ великой робости на свое мѣсто, и далъ господину сво-

своему свободу вызвать новаго ратоборца. Сей выѣхалъ къ нему въ бѣлой на подобіе чешуи сдѣланной бронѣ, съ краснымъ всеннымъ поясомъ, имѣя на щитѣ изображенное сраженіе младенца со львомъ, безъ надписи. Участь сего новаго противника не лучше была предшедшаго; онъ слетѣлъ съ коня вмѣстѣ съ сѣдломъ, у коего оборвались отъ удару подпруги; но *Вадимъ* неподвижно сидѣлъ на конѣ своемъ. *Вадимъ*, не гордящійся и сею побѣдою, извинялъ побѣжденнаго, и относилъ паденіе его къ оплошности оруженосца. Побѣжденный отѣхалъ до всленъ умеренностію своего непріятеля; а *Вадимъ*, сражаясь послѣ того еще съ десятію другими, всѣхъ помыблалъ изъ сѣделъ. Онъ не хощалъ больше пріобрѣтати славы, и оставя мѣсто для другихъ, отѣхалъ въ свою сторону.

Продолжалось послѣ того сраженіе между многими безъ важной отличности; первое награжденіе оставалось на сторонѣ *Вадимовой*, и всакъ съ нетерпѣливостію желалъ узнать объ его имени. Въ послѣднюю же очередь выѣзжалъ воинъ на бѣломъ конѣ въ волошыхъ лапахъ, съ бѣлыми Африканскихъ пшницъ перьями въ шишакѣ, и съ изображеніемъ по всей бронѣ синихъ шкующихъ рѣкъ. Онъ пріобрѣталъ славу въ сраженіи и шурмованіи; хотя не уступилъ ему въ шовѣ и противникъ его, но по шорнич-

номъ сбѣздѣ выбитѣ былъ ииѣ изъ сбѣда. Сей побѣдитель опровергъ на замлю и еще двоихъ, съ нимъ сражавшихся. Настающій ветеръ ошановилъ его побѣды. Присланный отъ Государя чиновначальникъ выѣхалъ на средину площади въ предшествои двухъ трубачей; онъ громогласно объявилъ тремъ вишляемъ: первому на чубаромъ конѣ, да бышему въ волошыхъ ляхахъ съ чернымъ военнымъ поясомъ, и послѣ сражавшемуся на бѣломъ конѣ, что по волѣ Его Величества подвиги имѣють продолжиться на утренній день; что они, какъ побѣдители нынѣшняго дня, имѣють право завтра одни спать на правой сторонѣ, между тѣмъ какъ прочіе рыцари всѣ займутъ лѣвую сторону; и что остается имъ на волю, вызывать ли другихъ, или между собою сразясь, приобрѣсти честь перваго побѣдителя. — Военная музыка возгремѣла, по томъ данъ знакъ къ разѣду, и рыцари мало помалу удалились.

Князь Полянскій, желавшій узнать обимянахъ побѣдителей, приказалъ своимъ оруженосцамъ ѣхать въ сбѣдъ за ними и узнать, кто оные шаковы. Онъ съ радостію узналъ отъ посланныхъ, что первой на чубаромъ конѣ былъ чужестранецъ, избавившійся отъ пощопленія; второй на бѣломъ конѣ былъ его полковой Воевода *Соланъ*; а третій не знакомый чужестранецъ, ошановившійся въ

наемъ:

наемномъ домѣ, *Вадимъ* съ *Соланомъ* съ своей стороны не меньше желали узнать объ внянн своего товарища, но проѣздыванія ихъ остались безъ успѣху. Наутро снаряжая въ доспѣхи, выѣхали они вмѣстѣ, и замали свою правую сторону. Всѣ рыцари находились уже стоящіе на лѣвой сторонѣ, одного недоставало только шрестьяго ихъ товарища; оный вскорѣ прибылъ. *Простаѣ*, увидѣвъ господина своего только въпроемъ на сторонѣ стоящаго, пришелъ въ великой страхъ; *Вадимъ* спрашивалъ у него о причинѣ шого. Вотъ какой вопросъ! чего боишься? отвѣчалъ *Простаѣ*. Когда васъ хочашъ за вину казнить, шо я въ томъ не участникъ, и прошу меня уволить. О какой казни ты думаешь? спросилъ у шего. Развѣ вы не видите, сказалъ онъ, какая гурьба богатырей на васъ троихъ напашъ готова? они вамъ потчасъ дадушъ карачунъ. *Вадимъ* разсѣбавшись, принужденъ былъ увѣрять слугу своего, что всѣ рыцари ему пріятели, и что опасаться отъ нихъ не чего. *Простаѣ* оказавъ видъ, что онъ успокоился; но послѣ признавался, что онъ готовъ бжль скакати не оглядкою, когда бы подсарвіе его исполнилось въ дѣйствіи.

Уже ожидали знака къ начатию сѣздовъ, и *Вадимъ* съ незнакомымъ богатыремъ уступили честь перваго рывова *Солану*;
какъ

какъ вдругъ народъ началъ раздвѣзаться на
 обѣ стороны, и вскорѣ оказался незнако-
 мый богатырь въ заржавѣлыхъ латкахъ безъ
 щитовъ. Шпшакъ на головѣ его шакже
 былъ ржавой, перья въ ономъ обломаны; а
 на щитѣ хотя и видимо иѣкое изображеніе,
 но большею частію шакъ стертое, что разо-
 браться ничего было не можно. На плечъ
 своемъ везъ онъ два копья; а чрезъ плечо
 имѣлъ вмѣсто ратнаго пояса повязанную ве-
 ревку. По сей веревкѣ заключали, что былъ
 онъ невольникъ; но удивлялись тому, откуда
 онъ зашелъ: для того что во всѣхъ стра-
 нахъ Славянскихъ оныхъ не бывало. Онъ
 ѣхалъ очень тихо на своемъ пѣнующемъ
 горячностикѣ, и приближась къ судьямъ, гово-
 рилъ громко: состояніе природы моей позво-
 ляетъ мнѣ вѣздѣ въ сію ограду; но я не могу
 для иѣкошорыхъ причинъ объявить объ мо-
 емъ имени, и прошу, чтобъ до окончанія
 подвиговъ ошалося оное не извѣстно. Меж-
 ду тѣмъ уповаю я, что Его Величество поз-
 волишь мнѣ быть участникомъ въ сихъ бо-
 гатырскихъ пошѣхахъ. — Судьи выслушавъ
 то, послали доложить о томъ Государю, и
 ржавый кавалеръ былъ предъ онаго позванъ.
 Приближась предъ перилы, на коихъ нахо-
 дился Монархъ Полянскій, сшелъ онъ съ ко-
 ня, и опусти личникъ своего шелома, учиня
 шрокращное поклоненіе, и говорилъ

слѣ-

свѣдующее: „ По сей веревкѣ, Ваше Величество, изволише видѣть, что гонящая меня судьбина учинила невольникомъ. Пѣвнищели предоставили на честное мое слово заплашу выкупа, цѣна коего такъ велика, что я оную въ скоромъ времени заплашить не въ состояннн. Между тѣмъ сердце мое стараетъ отъ нещербннн участвовашъ въ сихъ подвигахъ; природа моя предоставляетъ сіе право, но отъ воли Вашего Величества зависить дозволить милость сію невольнику. — Князь убѣжденъ былъ краешою и величественнымъ видомъ сего младаго нещасливца сколько, что повелѣвъ ему ввойшнн на верхъ помоста, своимн руками снявъ съ него веревку, объявилъ вольнымъ, обѣщавъ заплашнть за него выкупъ, и, возложя военнй поясъ, позволилъ вступнть въ сраженне на ряду съ прочнми. Онъ сверхъ сихъ выгодъ получилъ волю сташъ на той сторонѣ, кошорая ему полюбншя. Онъ, сѣвъ на коня своего, поѣхалъ на правую сторону, гдѣ стоялъ *Вадимъ* съ своимн товарищамн.

Соланъ по согласію другихъ выступилъ первый для вызова. Противникъ его былъ новопрѣзжій и не бывшій во вчерашнхъ подвигахъ рыцарь, въ стальной вылощеннй бронѣ. На щнтѣ его изображена была рука, держащая вѣнецъ съ надписью: *побѣдителю*. Они напустили другъ на друга съ жесто-

стою ; копыя ихъ отъ удару разлетѣлись въ части ; но съ такою разностію , что *Соланъ* только пошатнулся , а противникъ его былъ выбитъ изъ сѣдла , и оправясь отъ *Бхалъ* на свое мѣсто . Другой вышелъ , вызванный *Соланомъ* , выѣхалъ на буромъ конѣ , въ зеленой бронѣ и вишневомъ ратиномъ полѣ . Сей второй противникъ имѣлъ лучшее щастіе , и оказалъ , что онъ можетъ равняться съ побѣдителемъ ; они оба удчно передсмани копыя свои , и отдавъ обыкновенную честь ; разѣхались . *Соланъ* уступилъ мѣсто свое незнакомому богатырю въ золотыхъ лапахъ , съ чернымъ военнымъ посомъ ; *Вадимъ* понудилъ его выступить прежде себя , хотя онъ и уступалъ ему честь сію . Онъ вызвалъ противу себя рыцаря въ чешуйчатой бронѣ съ синимъ поясомъ , изображеннымъ на щитѣ мѣсяцомъ , взявшю щимъ свѣтъ отъ солнца , съ надписью : *твою помщію блистаю* . Вызыватель сразясь , выбилъ его изъ сѣдла какъ легкую птицу , и передсмилъ копые свое . Побѣжденный отѣхалъ , а побѣдитель , перемѣнивъ копые , вызвалъ другаго . Выступилъ противу его отважный рыцарь и въ испещренной бронѣ . На щитѣ его изображена была мертвая голова , съ надписью : *предѣль общій* . Символа сія была какъ бы предчувствованіе послѣдовавшей несчастной кончины сего рыц

рыцаря. Въ сраженіи копье противника его уличило пониже кирасы съ такимъ жестокимъ ударомъ, что пронзило его навывшъ, и повергло мертвого на землю. Всѣ зрители пришли въ замѣшательство; судьи подумали, что побѣдитель съ умыслу произвелъ такое убійство остроконечнымъ копьемъ; но по осмотрѣ нашли приключеніе сіе нечаяннымъ, и объявили побѣдителя свободнымъ отъ всякаго отвѣта. Онъ, огорчась неумышленнымъ убійствомъ, оставилъ право свое въ вызовѣ претяго противника, отвѣхалъ, и уступилъ мѣсто свое храбруму *Вадиму*.

Славянскій Князь не пропустилъ и въ сей день отличить себя шурмованіемъ, которымъ вчерась приобрѣлъ себѣ похвалу. Противу его выхалъ вишязъ въ позолоченной, испещренной синими лиліями бронѣ, имѣя на себѣ военной поясъ, унизанный корольками; а на щитѣ изображенную лилію посреди прочихъ цвѣтовъ, съ надписью: *какъ лилія между цвѣтовъ*. Сей вишязъ былъ новопріѣзжій; по тому что на вчерашнихъ подвигахъ не являлся. Въ сраженіи копья своимъ переломилъ онъ съ желаемымъ успѣхомъ, кромѣ того, что отъ сильнаго *Вадимова* удара конь подъ вызваннымъ упалъ и переломилъ ногу. Вишязъ принужденъ былъ сѣсть на другаго коня и отвѣхалъ на свое мѣсто.

Имо.

Второй на мѣсто его вызванный былъ въ
 синихъ латахъ, но не заслуживаетъ даль-
 нѣйшаго описанія; потому что при первомъ
 сѣздѣ вытѣтъ былъ изъ сѣдла. *Вадимъ*, пе-
 реломилъ вторично копье свое, перемѣнилъ
 сное и вызвалъ прешьяго. Сей имѣлъ на се-
 бѣ броню шемную, и военной полкъ съ зо-
 лотыми кистьями. На щитѣ его изображенъ
 былъ кнѣзь, показывающій изъ рубицы сво-
 ихъ книгу съ надписью: *Злато видимо въ
 грядкѣ*. Онъ имѣлъ крѣпкую надежду умень-
 шить славы своего вызывателя; но при сѣз-
 дѣ лишился своего копья, которое *Вадимъ*
 вынулъ изъ рукъ его, и въ сѣдлѣ за оныхъ
 самого его изъ сѣдла вонъ. Побѣдитель
 ошаманялся равно и въ сей день предъ всѣми;
 онъ не хотѣлъ терять случая къ приумно-
 женію заслугъ своихъ, и опредѣлялъ вы-
 звать четвертаго, однако онъ не побѣжалъ на
 свою сторону, а произвелъ вызовъ, ставъ къ
 лѣвой сторонѣ, и обращая оный на освобо-
 жденнаго изъ неволи богатыря. Онъ не
 сомнѣвался объ особенной его храбрости: и
 потому желалъ случая оказать искусство
 надъ равнымъ себѣ. Ржавый богатырь, какъ
 наименовали его по цвѣту брони, обрадовав-
 ся сему вызову, и выѣхавъ, оказалъ въ шур-
 мованіи, что онъ столькоже искусный ви-
 шязь, какъ и всадникъ. Развѣхавшись срази-
 лись они съ шаковою жестокостію, что ко-
 пья

пья ихъ въ мѣстіа части раздробились, и сами они отъ ударовъ пошатнулись; но побѣда, не преклонясь ни на чью сторону, оказалась двухъ равныхъ выпязей. *Вадимъ* наѣхалъ было оставить мѣсто ржавому богатырю для произведенія опытовъ надъ другими, и удовольствовавшись своими побѣдами, хотѣлъ отѣхать; но провозглашавшій объявилъ имъ отъ имени Государя дозволеніе къ вторичному сѣзду. Выязи, перемѣнивъ копы свои, разѣхались вторично, и сразились съ равномерною силою; копы ихъ разлетѣлись въ щепы, но оба усидѣли неподвижно, кромѣ того, что подъ ржавымъ богатыремъ конь нѣсколько присѣлъ на заднія ноги. *Вадимъ*, соверша таковой удивленія достойный опытъ силы и искусства, отѣхалъ при рукоплесканіяхъ на свое мѣсто; а ржавый богатырь вызвалъ новаго себѣ противника. Выѣхавшій противу его шествовалъ съ пренебреженіемъ къ своему вызывателю; но при сѣздѣ доказалъ, что онаго лишь самъ былъ достоинъ: потому что отъ легкаго удару перекувырнулся черезъ голову, такъ что и лошадь подъ нимъ не пронудась. Ржавый богатырь, досадуя, что сражался съ таковымъ слабымъ всадникомъ, вызвалъ другаго. Выѣхавъ противу его дородной богатырь въ блестящей спальной бронѣ, съ черными перьями на шлемѣ;

Часть I.

I

поясъ

полкъ его вынужденъ былъ жемчугомъ, а на щитѣ изображенъ былъ быкъ, ударяющій рогами въ дубовое дерево, съ надписью: *хотя силы недостатъ, но желаніе есть.* Ржавый богатырь упошребилъ все возможное искусство, но выбить изъ сѣдла противника своего не могъ; оба они съ равномернымъ успѣхомъ перелазили свои копья, и усидѣли на коняхъ неподвижно.

Послѣднимъ онымъ сѣдомъ богатырскія пошѣхи кончались. На мѣсто сраженія выѣхало двѣнашадать человекъ играющихъ шрубачей. За оными слѣдовала торжественная колесница; она приближилась къ тому мѣсту, гдѣ вѣздали судьи. Начальствующій изъ оныхъ повелѣлъ чрезъ бирюча (*) объявить всенародно о удостоенныхъ награжденіяхъ чрезъ отличные подвиги. Изъ торжественной колесницы вышли четыре великолѣпно одѣянные изъ ближнихъ дѣвицъ Государыни Полянской. Первая изъ оныхъ, подступивъ къ *Вадиму*, подала ему въ подарокъ отъ имени Государей своихъ великой цѣны конской уборъ, сдѣланной изъ золота съ драгоценными камнями; и въ самое то время верховный конюшій подвелъ ему обла-

го

(*) Бирючь значитъ провозглашателя, копорой на площади, или ѣздивъ по улицамъ, громогласно объявляетъ повелѣнія во всенародное извѣстіе.

По красиваго коня, покрышаго аksamитною и жемчугомъ вышиванною попоною, По принесеніи обыкновенной, благодарности, *Вадимъ* ошдалъ онаго своему оруженосцу. Второй подарокъ получилъ ржавой богатырь; онимъ состоялъ изъ влашаго вѣнца, съ серебрянымъ кованымъ щитомъ. Третье награжденіе, состоявшее въ липомъ серебряномъ шоломѣ, въ коемъ перья Африканскихъ пшиць воткнуны были въ изумрудное влагалитцѣ, получилъ *Соланъ*. Четвертое воздаііе за ошанчностіе досталось рыцарю, бывшему въ волошыхъ латахъ съ чернымъ военнымъ поясомъ, и состояло въ волошыхъ осажденныхъ самоцвѣтными камнями острогахъ, и копье. После того всѣ какъ побѣдители, такъ и бывшіе на подвигѣ рыцари и богатыри приглашены были отъ оныхъ дѣвиць на ужинъ къ Княжескому столу.

Какъ по обыкновенной учтивости во время раздаііа подарковъ богатыри должны были опустить личники своихъ шоломовъ: *Вадимъ* съ удивленіемъ взиралъ на красивыя лица ржаваго богатыря, и бывшаго въ волошыхъ латахъ съ чернымъ поясомъ. Перваго чершы являли ему нѣкое сходство съ знакомымъ ему лицомъ; а втораго имѣли привлекательное дѣйствіе на его чувства. Ни мѣсто, ни время не позволяло ему осѣдомиться объ нихъ, кто они таковы. Всѣ

между шѣми удивились; и *Вадимъ*, возвратясь къ *Солану*, приготовалася съ нимъ поѣхать въ дворець въ торжественномъ одѣяніи.

Я еще не слыхивалъ о богатырскихъ поѣздахъ, сказалъ *Изборъ*; ниѣ онѣ нравятся, и я со временемъ думаю учредить оныя въ моей столицѣ. — Да, Ваше Величество, примолвилъ пришедшій тогда нечаянно *Славомиръ*: упражненіе сіе для Монарха весьма приличье псовой охоты. Подвиги сіи изобрѣшены не для одной забавы: предки ваши всегда въ мирное время учреждали оныя для навычки и побужденія юношества въ трудахъ и подвигахъ ратныхъ. Оплачье на оныхъ и слава, ~~приобрѣсть~~ предъ прочими награжденіе, возбуждаютъ благородное соревнованіе. Юношество привыкаетъ необходимо въ воинскихъ упражненіяхъ, чтобы быть способнымъ участвовать въ таковыхъ поѣздахъ, и щипиться приобрести надъ прочими верьхъ; а изъ сего выходятъ искусныя выпязи. Начертаніе шаковыхъ уставовъ есть еще у меня въ старинныхъ бумагахъ; потому что дѣдъ мой бывалъ нѣкогда при жившихъ предкахъ учредителемъ таковыхъ поѣздъ; родители же ваши не имѣли времени для оныхъ за безпрестанными войнами и попеченіями о приведеніи въ порядокъ разстроеннаго государства. — *Славомиру* очень

хо-

хотѣлось опознать хотя сею воинскою заба-
вою юнаго своего Государя отъ бесѣды съ
его любимцами; но *Изборъ* не имѣлъ време-
ни даѣе его слушать: онъ пошелъ во вну-
тренняя чертоги для препровожденія вечера
въ шахматной игрѣ, кою опмѣнно жало-
валъ, и *Голованъ* молчалъ до сѣдующаго
вечера.

В Е Ч Е Р Ъ VIII.

Собраніе въ сей день во Дворцѣ было
торжественнѣйшее: всѣ рыцари старались
отличиться щегольствомъ, не меньше какъ
и въ храбрости; а особливо *Горяне* и *Поляне*,
коиѣ весь свѣтъ въ случаѣ семъ уступитъ
былъ долженъ. *Вадимъ*, бывъ занимаемъ
во весь вечеръ разговорами какъ отъ Госу-
дарей, такъ и отъ прочихъ знаменитыхъ Вель-
можъ, не могъ войти въ откровенные
вопросы съ ржавымъ богатыремъ; хотя по
сходству его къ возлюбленной своей *Брани-
славъ* считалъ, что онъ самой шотъ, съ
коиѣ заключилъ онъ дружбу во время мо-
рскаго сраженія. Равнобрно не удалось
ему переговорить и съ шѣмъ рыцаремъ, ко-
торой былъ въ златой бронѣ, и къ кошо-
рему почувствовалъ онъ опмѣнную скло-
ность

нось. Пиршество кончилось, и *Вадимъ* ошѣхалъ въ домъ къ *Солану*, заключа поутру поѣшнить обонхъ сихъ ризязей. Онъ проводилъ самую безпокойную ночь, беспреснанно помышляя обѣ оныхъ двухъ ваявахѣ, и желая, чшобѣ они почувствовали взаимную къ нему склонность. День заспалъ его въ шаковыхъ размышленіяхъ; между шѣмъ рыцарь въ золотой броне, горя подобнымъ ему нетерпѣнтемъ, пришелъ поѣшнить его. Онъ спрашивалъ у *Простая*, вспалъ ли господинъ его. *Простай* отвѣрилъ двери въ его спальню и всунувъ голову, кричалъ: Господинъ! спишь ли ты? *Вадимъ* въ замышленіи своемъ отвѣчалъ ему, чшд самъ не знаешѣ. Таковой отвѣтъ принудилъ пришедшаго рыцаря разсмѣяться, и чрезъ шо усерднаго *Простая* разгнѣвать. Чему ты смѣешься? спросалъ онъ у него грубо. Отвѣшу твоего господина, отвѣчалъ сей. Исчемужь оной показался тебѣ смѣшонъ? подхватилъ *Простай*; вѣдь ты не вѣдаешь, чшо онъ во смѣ видѣлъ? Ты его и меня ставишь за дураковъ; однако я ему скажу, шо тебѣ ошѣ него достанется! развѣ ты не знаешь, чшо мой Господинъ сердитъ и силенъ? — *Вадимъ*, вслушавшись въ слова слуги своего, узналъ, чшо кто нибудь поѣшнилъ его, и встрѣчая грубо ошѣ безразсуднаго *Простая*. Онъ вскочилъ, надѣлъ

плащѣ

плащъ свой и вышедъ, увидѣвъ любовнаго своего рыцаря. Онъ извинялся предъ нимъ въ грубости слуги своего, ввелъ въ свою спальню, и по перахъ привѣществіяхъ объявилъ ему о возчувствованной къ нему склонности, и о нешерпѣливомъ желаніи узнать его настоящее имя. Онъ увѣрилъ его притомъ, что можешь онъ положиться на дружеское къ нему сердце, хотя бы какія нибудь обстоятельство и принуждали его скрывать подлинную его природу. — Ахъ, государь мой! отвѣчалъ рыцарь; я не имѣю ни малаго препятствія исполнить вашу волю. Если бы я и хотѣлъ что нибудь скрывать, ошнеслось бы оное до тайнаго изображенія, на щипѣ моемъ бывшаго; но какъ равная склонность влечетъ меня къ вамъ, извольте вѣдать, что я прихожу отъ знатнаго рода въ королевствѣ Васшарискомъ, и называюсь *Бурноей* — *Бурноей!* подхватилъ *Вадимъ*; ахъ! неожиданная встрѣча, я давно уже безуспѣшно провѣдывалъ объ васъ въ сей странѣ; но прошу продолжать вашу повѣсть. — Щастіе мое, говорилъ *Бурноей*, прославило меня въ послѣднюю войну съ Римлянами, и я имѣлъ право ожидать знатнаго чина при Дворѣ моего Государя; но любовь опровергла мои надежды и изгнала меня изъ отечества. Отвѣхавъ въ мою деревню, случай привелъ меня въ

домъ моего сосѣда; я увидѣлъ дочь его *Озану*, и почувствовалъ жестокою къ ней страсть, Любовь моя, основанная на чистѣйшихъ на- ивреніяхъ, непрощивна была моей дражайшей, а природа и имѣніе мое позволяли мнѣ льститься, что я безпрепятственно получу ее въ супружество. Однако надежда моя меня обманула: я не зналъ, что родителъ мой въ жизни своей учинилъ нѣкому- рья озлобленія отцу моей влюбленной, за которыхъ онъ возненавидѣлъ весь родъ нашъ, и отказалъ мнѣ въ всемъ предложеніи. Тщешно старался я доказывать ему о моей невинности и почтительной къ нему прива- ванности; онъ былъ неумолимъ, и съ того времени *Озана*, какъ видимо, въ угодность ему спала убѣгать меня. Благопристойность принудила меня оставить домъ; но я ожидалъ, что любезная моя позволитъ мнѣ хо- дя переписку съ собою, или надежду счи- тать ея сердце своимъ, и дожидаться овла- дѣть онымъ по смерти ея родителей: но она оставила меня въ неизвѣстности. Сие удалило меня изъ отечества; я уповалъ въ странствіяхъ позабыть ея суровость, и оста- вая отечество со всѣми моими въ ономъ надеждами, удалился. Долго жилъ я здѣсь при Дворѣ покойнаго Князя, и приобрѣлъ услугами моими его милость. Между тѣмъ узналъ я о кончинѣ отца *Озанина*, и что братель

братъ ея *Ксидо* вознамѣрился отдать ее за нѣкотораго Славянскаго Вельможу, въ нее влюбившагося. Таковая вѣдомость повергла меня въ отчаяніе; ибо страсть моя отъ времени не уменьшилась. Я оставилъ Полянню, и для разогнанія грусти моей странствовалъ въ Варяги, и по дворамъ разныхъ Славянскихъ Государей. Слухъ о учрежденныхъ здѣсь богатырскихъ потѣхахъ призвалъ меня обратно въ сію столицу, и я возвратился съ прежнею горестію и ежечасно возрастающею любовію къ несравненной *Озанѣ*. Чтожь случилось съ того времени съ нею, не вибю я ни малаго извѣстія. — Вы получите отъ меня радостнѣйшее, подхватилъ *Вадимъ*; любезная ваша по сихъ поръ въ дѣвицахъ, и желаетъ сохранить къ вамъ вѣрность. Послѣ того рассказалъ онъ ему приключеніе свое въ ея домѣ, и слова, которыми она приказала ему обѣзвѣсть; и что по сей причинѣ прилагалъ онъ стараніе сыскать его въ странѣ Полянской.

Бурное столько обрадованъ былъ словами Славянскаго Князя, что съсѣмъ вышелъ изъ себя; онъ наговорилъ множество беспорядочныхъ словъ, стократно обнималъ его, и называлъ своимъ другомъ. Восхищеніе его и дальнѣйшія объясненія удержаны были приходомъ ржаваго богатыря. *Вадимъ* при первомъ взглядѣ на него увидѣлъ на

рукъ его свой перстень; онъ бросился къ нему съ объятіями, и съ восхищеніемъ говорилъ: И такъ чувства мои не обманули меня! это вы, любезной другъ мой, позволявшій мнѣ помнить себя подъ названіемъ *Готфа*? Пришедшій устремилъ взоры, и разсматривая, нѣсколько позналъ *Вадима*; онъ взаимно заключивъ его въ свои объятія, сказалъ: такъ подлинно, любезной другъ! точно я ношу на рукъ моей залогъ вашего дружества и памятникъ вашей безпримѣрной храбрости. Но какими чудными образомъ, пришедши видѣть *Арпада* Князя Дакскаго, нахожу я въ немъ *Вадима*? — Это не собственное мое имя, ошвѣчалъ *Вадимъ*; я, скрывая мое настоящее, принялъ оное въ странствованіяхъ по свѣту на память любезнѣйшей мнѣ особы. — Не имѣете ли вы причины скрывать имя сей возлюбленной вамъ особы, когда бы я пожелалъ узнать о томъ? сказалъ *Готфъ*. Я не скрылъ отъ васъ и моего собственного (ошвѣчалъ *Вадимъ*), которое по многимъ основаніямъ долженъ былъ знать отъ всего свѣта. Любезная особа сія есть самой *Арпадъ*, сынъ *Декеваловъ*, братъ возлюбленной моей супруги, несчастной *Врляниславы*. — Вы супругъ ея? и по чему она несчастлива? подхватилъ *Готфъ* съ жаромъ. — Предъ другомъ моимъ, ошвѣчалъ *Вадимъ*, и въ прѣ-

сущ-

существомъ влюбленнаго *Бурноея*, на котораго честь я полагаюсь, открою вамъ всѣ мои приключенія. Послѣ сего повѣствовалъ онъ, по какой причинѣ оставилъ свое отечество и прибѣгъ ко Двору *Декевалову*; какъ тамъ принятъ былъ; какъ вступилъ въ бракъ съ *Брячиславою*, и по какой причинѣ торжество онаго основано; и какъ послѣ побѣды надъ Римлянами, не нашедъ ее въ *Врасовѣ*, отправился искать ее по свѣту, нашелъ въ *Геркуланѣ*, и утрашилъ во время страшнаго восторженія горы *Везувіи*. Онъ повѣствовалъ сіе съ чувствованіемъ возобновляющейся печали; *Готфъ* внималъ оное съ состраданіемъ, слезы текли по лицу его, и *Вадимъ* относилъ оныя къ проштому дружескому участіюванію въ его заключеніяхъ. Но въ какое радостное изумленіе приведенъ онъ былъ, когда *Готфъ*, возобновля сближенія открылся ему, что онъ есть самый *Ариадъ*, братъ его возлюбленной. Послѣ первыхъ привѣтствій, разныхъ вопросовъ, дружескихъ увѣреній, и оплаканія нещастной участи *Брячиславной*, просилъ *Вадимъ* Княжича *Дакскаго* рассказать ему свое приключеніе, *Ариадъ* согласился на оное, и повѣствовалъ слѣдующее:

Приключеніе Арпада, сына Дехе- валова.

Причина ошлучки моей изъ отечества мало извѣстна и самому моему родителю; онъ считалъ, что непреодолимая охота къ странствованію понудила меня къ тому, но въ самомъ дѣлѣ была то любовь, начавшаяся страннымъ образомъ. При Дворѣ нашемъ находился въ услуженіи Варагъ, именемъ *Скболь*. Прилѣпленіе его ко мнѣ учинило его моимъ наперстникомъ; я не могъ бытъ ни часа безъ него, и онъ участвовалъ во всѣхъ моихъ упражненіяхъ.

Варагъ сей почасту увеселялъ меня разсказываніемъ своихъ приключеній; ибо онъ провелъ большую часть жизни своей въ странствованіяхъ, и бывалъ при всѣхъ Дворахъ не токмо Славянскихъ Государей, но и во всѣхъ къ Полудню и Востоку лежащихъ областей. Онъ описывалъ мнѣ красому *Предслави*, дочери Вулгарскаго Короля *Батбая* въ такихъ живѣйшихъ начертаніяхъ, что я почувствовалъ сначала склонность почасту объ ней разговаривать, привыкъ по томъ объ ней помышлять, и нечувствительно влюбился въ нее заочно. Спрасть, столь странно начавшаяся, была однако жестока, и принудила меня ѣхать въ Вулгарію. Я скрылъ наѣзреніе мое подъ видомъ склонности къ путешествію

шестидцати, и по нѣкошорымъ затрудненіямъ получилъ позволеніе отъ моего родителя. Я желалъ ѣхать съ однимъ только *Сиволомъ*, но отецъ мой не позволялъ сего, и отправилъ со мною пристойное число бояръ и тѣлохранителей, на вѣрность коихъ могъ онъ полагаться. Однако я по молодости моей не хотѣлъ имѣть съ собою свидѣтелей моихъ поступковъ, и подъ благопристойнымъ видомъ возвратилъ ихъ съ грамошою къ моему родителю; а самъ только съ *Сиволомъ* сѣдуя чрезъ области *Гардорка* Государя Славянорусскаго, и чрезъ страну Мерей, переправился наконецъ чрезъ великую рѣку Ашель (*), и безъ всякихъ прошивныхъ приключеній вступилъ въ столичный Булгарскій городъ Вряхимовъ.

Въ то время находился при дворѣ *Батбаевомъ* Князь *Раславъ* изъ страны Квадовъ (**). Онъ состоялъ въ великомъ почтеніи у Государя Булгарскаго въ разсужденіи союза съ родителемъ его, и потому что *Раславъ* искалъ благосклонности въ *Предславъ*, его дочери. *Батбай* съ удовольствіемъ взиралъ на любовь сію; снѣ имѣлъ намѣренія распространить державу свою чрезъ союзъ сей: владѣніе его простиралось по рѣкѣ Ашелу до моря Хвалынскаго,

(*) Древнее названіе рѣки Волги.

(**) Квады былъ народъ древнихъ Нѣмцовъ, извѣстный подъ названіемъ Свевовъ. Обишадъ онъ въ чынѣшней Моравіи.

скаго, а оиѣ великаго города Астара (*) до Унгарда (**) по берегу моря Меотискаго за Дунай. Предки *Батбаевы* начали посылать уже поселенцовъ къ Дунаю; а чрезъ союзъ съ Квадами могъ оиѣ учиниться спрашенъ Славянскимъ Государямъ и всѣмъ обитателямъ Сармаціи. однако намѣренію сему находилось великое препятствіе съ стороны супруги *Батбаевой Асамры*, которая была дочь *Марободуна* Короля Маркоманскаго (***). Сосѣдство Маркомановъ и требованіе ихъ на земли, занимаемыя Квадами, составляли издавна уже вражду между сими двумя, хотя единоплеменными, народами. *Асамра* слышавъ не хотѣла, чтобъ чрезъ союзъ таковой возросла сила враговъ ея отечества. *Предслава* дочь ея чувствовала съ своей стороны великое отвращеніе къ *Раславу*, которое совершенно соответствовало желаніямъ ея родительницы, и внушеніа оной учинили Князя Квадскаго совершенно ей ненавистнымъ. Однако *Раславъ*, уповавъ на

бла-

(*) *Астара* назывался въ послѣдствѣ Астарханъ, а нынѣ Аспраханъ.

(**) Унгардъ стоиалъ на мѣстѣ нынѣшняго Кіева.

(***) *Маркоманы* были одного отродія съ Квадами. Обитали прежде, гдѣ нынѣ Виршембергъ; а по томъ въ Моравіи.

Благосклонность *Батбаеву*, не престававъ смущать своими исканіями его дочери.

Появсь при Дворѣ Бугарскомъ, хотя скрылъ я настоящее мое имя, но несчелъ за нужное утаить оное отъ *Батбая*, и принявъ былъ онымъ со всевозможною ласкою. Не могла надолго утаиться причина прибытія моего въ *Врахимовъ* отъ очей подозрѣвающаго *Раслава*; онъ скоро узналъ любовь мою къ *Предславу*, и началъ выдумывать средства, чрезъ кои бы могъ удалить меня отъ Двора *Батбаева*. Между тѣмъ свободное обращеніе доставило мнѣ способъ возпламениться еще больше красотою Княжны Бугарской, и открылся ей въ оной. Казалось тогда, что самое Небо покровительствовало спрасъ мою, и предуготовляло двумъ сердцамъ воспылать взаимно чистѣйшимъ и жесточайшимъ пламенемъ. *Предслава* выслушала меня, по времени открылась во взаимной любви ко мнѣ, и мы прежде разположенія способовъ, какимъ бы образомъ привести къ концу наши желанія, клялись другъ другу въ томъ, чтообъ вѣчно быть вѣрными и не вступать ни въ какія другія обязательства. *Асакра* примѣчала спрасъ нашу, и съ удовольствіемъ одобряла оную, какъ сильнѣйшее прошивуположеніе намѣреніямъ *Раславовимъ*. Смежность Дакскаго государства съ владѣніями ея супруга, и древняя вражда *Даковъ* съ *Квадами* со-

ошвѣщ-

отвѣтствовала желаніямъ ея обезсиливъ сторону непріятелей ея отечества. Она повсегда доставляла мнѣ случаи къ свободному обращенію съ возлюбленною моею *Предлавою*. Я съ моей стороны не предвидѣлъ никакихъ препонъ къ достиженію моего счастья; родители мой былъ Государь сильный, и находящійся въ дружествѣ съ Вулгарами. Не входило мнѣ и въ мысль, чтобъ *Батбай* возпривился моему требованію, или бы родители мой не одобрилъ спрасъ сію; но судьба готовила неожиданную мнѣ напасть, и опредѣляла подвергнушь сердце мое горестной участи. Упоенный моею спрасію, жертвовалъ я оной всѣми моими часами, и не помышлялъ о томъ, чтобъ начать мои требованія у *Батбая*, или бы посредствомъ моего родителя. Между тѣмъ хищный *Раславъ*, питая на меня злобу, когда не смѣлъ учиться открытымъ врагомъ моимъ, потому что извѣдалъ уже храбрость мою въ богатырскихъ упражненіяхъ, выдумалъ средство возпрепятствовать намѣренію моему инымъ образомъ. Онъ безпрестанно внушалъ властолюбивому *Батбаю* завладѣть частью *Дакін*, находившеюся по сю сторону Дуная (.), и представлялъ ему, что *Дакі* завла-

дѣли

(*) Нынѣшняя Молдавія и Валахія въ древности составляла часть *Дакін*, и населена была Славянскимъ народомъ, *Асы* именуемымъ.

плодныхъ поискахъ объ моемъ братѣ, и не давая знать о такомъ несчастіи престарѣлому моему родителю, наъ опасенія, чшобъ вѣсть шаквая не пресѣкла дни его, и наконецъ прибылъ ко двору швоему. Время перемѣнило нѣсколько чершы лица моего неприятеля, и по шому до сего времени не могъ я узнать его прибывшаго въ Брахимовъ. А нынѣ увѣдавъ заподлинно, прибегаю къ швоему правосудію. Повели, Государь, задержашъ его до шѣхъ поръ, какъ онъ представитъ моего брата. — *Батбай* съ удовольствіемъ выслушалъ прозбу *Раславоу*, и общалъ ему, что я буду задержанъ. Онъ хотя видѣлъ несправедливость словъ *Раславыхъ*, пошому что братъ онаго былъ еще младенецъ, неспособный находиться съ нимъ въ путешествіяхъ: но онъ задержанія моего ожидалъ, что родитель мой начнетъ съ нимъ войну, и шѣмъ подастъ случай по законной причинѣ производить въ дѣйство его намѣренія. Я призванъ былъ въ Думу, и выслушалъ возложенную на меня клевету. Тщешно старался я доказать мою невинность, и представлялъ, что я не шокмо за шри года, но никогда въ жизни не видывалъ ни *Раслава*, ни брата его. *Батбай* объявилъ меня военнопленнымъ до шѣхъ поръ, какъ представляю я брата *Раславоу*, и приказалъ отдашь меня подъ шражу. Онъ позволялъ мнѣ

по

послать съ извѣстіемъ о семъ приключеніи къ оцѣ моему. Не возможно описать радости, каковую почувствовалъ отъ того *Раславъ*, и огорченія, въ которое приведены были возлюбленная моя *Предслава* и ея родительница. Первой считалъ, что сбылъ съ рукъ опаснѣйшаго непріятеля; ибо полагалъ, что неминуемое объявленіе отъ *Декевала* войны, за оскорбленіе, учиненное его сыну, удалитъ меня отъ Двора Булгарскаго, хотя бы я и освобожденъ былъ. Однако я удаленъ былъ отъ того: любовь къ *Предславъ* удерживала меня въ томъ мѣстѣ, гдѣ она обитала; а любовь къ моему ошечеству принуждала сносить великодушно оказанную мнѣ обиду, дабы не запушашъ народъ мой за личное мое оскорбленіе въ опаснѣйшую войну. Между тѣмъ сколько ни сносенъ былъ плѣнъ мой (ибо я обиталъ въ покояхъ Дворца *Батбаева*, и имѣлъ только за собою двухъ присланныхъ), но не могъ я сносить оной безъ досады. Я требовалъ чрезъ покровительство *Асамри*, чтобъ позволено мнѣ было по обычаю Булгарскому доказать невинность мою оружіемъ противу моего доносителя; но благосклонный къ *Раславу Батбай*, отказалъ въ томъ, объявляя, что законы его государства не относятся до иностранныхъ. Однако стараніемъ супруги своей, убѣжденъ былъ отрѣшиться отъ меня присланныхъ; а

Някътъже обѣзаясь, обидѣя на свободу при Дворѣ его, до шѣхъ поръ онъ онаго не ощущалъ, пока братъ *Раславовъ* будещъ сканѣ. Неприятель мой не могъ въ себѣ случаѣ превозмочь стараній *Асамринихъ*, и разумѣя, что я не пропущу случая отмстить ему моея обиды, весьма меня остерегался, и находилъ причины убѣгать со мною свиданія.

Таковымъ образомъ провождалъ я цѣлой годъ подъ названіемъ пѣннаго при Дворѣ *Ватбасовъ*. Сей Государь не рѣдко понуждалъ меня, чтобъ я далъ знать моему опцу объ моемъ заключеніи, подъ шѣмъ видомъ, что онъ стараніемъ своимъ возвращающъ изъ пѣна брата *Раславова*, и шѣмъ доставитъ мнѣ свободу; но я всегда отговаривался, представляя ему, что время докажетъ ему мою невинность, и принудитъ его къ другимъ обо мнѣ заключеніямъ; что между шѣмъ нахожу я за удовольствіе служить при Дворѣ его; и что наконецъ не хочу таковымъ извѣстіемъ огорчить престарѣлаго моего родителя, или понудить принявъ въ немъ видѣ оказанное мнѣ къ прозьбѣ *Раславова* правосудіе.

По сей причинѣ осталось пребываніе мое при Дворѣ Българскомъ не извѣстно моему родителю. Между шѣмъ любовь моя съ *Предслагою*, не могла сокрыться и отъ *Батбалы*. Супруга его старалась склонить его къ заключенію сего союза; но онъ удаленъ былъ отъ

ошъ соглася, и не хота огорчить совершеннымъ ошквомъ свою супругу, ошговаривался шбмъ, что непристойно ему выдать дочь свою за человека, обвиняемаго въ постыдномъ преступленіи. Впрочемъ не ошрекался подуматъ о семъ, когда я оправдаюсь. Когда разнесся о семъ стараніи *Асамрикомъ* и ошвѣстѣ на оный ея супруга слухъ при дворѣ, всѣ Вельможи считали бракъ сей достохвѣрнымъ. Истинные рачители къ славіи ошчества своего онаго желали; да и впрочемъ не было никого при дворѣ *Ватбаеомъ*, которій бы не хотѣлъ мнѣ сего щастія. Я ошвѣнно былъ любимъ всѣми столько, какъ *Раславъ* за гордость свою былъ у асѣхъ въ ненависти. Молва таковая возникла ножъ въ сердцѣ яонравнаго *Раслава*; онъ премѣнилъ любовь свою къ *Предславу* во мщенте; гордость ево не могла снести предпочтенія, оказываемаго ею его сопернику. Онъ заключилъ, покинувъ ее, увезши въ свое ошчество, и швѣсно супруги учинилъ своею наложницею. Случай ишжесѣдующій благопріятшествовалъ ему въ семъ предпріятіи. По наштуленіи вельмы *Ватбай* вздумалъ препроводить нѣсколькo времени въ Жукошинѣ городѣ, находящемся верстахъ въ пятидесяти ошъ Вряхинова близъ рѣки Амела, на луговой сторолѣ; Княгиня *Асамра* послѣдовала съ нимъ, и въ удовольствіе ея принужденъ былъ и я

Брать за нею, хотя мнѣ весьма того не хотѣлось по причинѣ той, что возлюбленная моя *Предслава* за слабостию вдорсвѣй осталась въ *Бряхимовѣ*. Злой *Раславъ*, почитая случай сей удобнымъ къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія, притворился больнымъ; я не подозрѣвалъ его умысла, и не вабспился, оставляя неопаснаго соперника въ одномъ мѣстѣ съ моею любовницею, но еще радовался, что презрѣніе ея къ нему ошмиститъ за его учиненную на меня клевету.

Мы препроводили около двухъ недѣль въ *Жукошинѣ*, забавляясь псовою охотою и рыбными ловлями, и наконецъ возвращаясь, не въ дальности отъ *Бряхимова* остановились въ большомъ лѣсу; множество находящихся тамъ вѣтрей понудило *Батбая* прсвести тотъ день въ звѣрловствѣ. Когда всѣ удалились въ разныя стороны, я гнался за лосемъ, заскакавъ далеко въ лѣсъ, и за прошедшимъ шуманомъ потерявъ дорогу. Пробѣгая во всѣ стороны, не могъ я сыскать ни малой свежки, лѣсъ отчасу становился густѣе, и наступившая ночь принудила меня избрать ночлегъ подъ однимъ великимъ деревомъ. Утомленіе отъ вчерашнихъ трудовъ было причиною, что я пробудился уже по возхожденіи солнца. Вставши, началъ я опять искать выбаду изъ густаго лѣсу; какъ вдругъ слышалъ я из-

дѣ-

далека женской жалостной крикъ, которой ошчасу ко мнѣ приближался. —

Сей вечеръ кончился безъ особливыхъ приключеній; *Избору* угодно было, чтобъ сказывальщикъ оставилъ продолженіе Сказани до слѣдующаго вечера.

В Е Ч Е Р Ъ IX.

Продолженіе Арпадовыхъ приключеній.

Я остановился въ изумленіи (продолжалъ сынъ *Декеволовъ*) и разсуждалъ, какая бы причина завела сію женщину въ такое дикое мѣсто. Но съ приближеніемъ уможающійся крикъ принудилъ меня подумать, что она терпитъ нападеніе отъ какова нибудь лютаго звѣря: и для того поскакалъ я къ тому мѣсту, откуда крикъ происходилъ. Представъше себѣ мой ужасъ, когда я приближась, усмѣтрѣлъ скачущаго на лошади *Раслава*, и везущаго предъ собою на сѣдлѣ мою волюбленную *Предславу*! Княжна, увидѣвъ меня, усугубила вопль свой, и просила меня о избавленіи изъ рукъ ея похищенна. Несчастной! вскричалъ я, обна-

живъ мою саблю и схвативъ за поводъ его лошадь; что ты дерзнулъ предпріять? .. Но это неудивительно для такого челоуѣка, которой можешь выдумать ложные доносы; изъ клеветника невеликой шагъ до разбойника. Оставь злодѣй! кричалъ я ему, оставь твою невинную добычу, и готовься принять наказаніе какъ за сіе твое дерзновеніе, такъ и за мою обиду. Благопріятный случай подвергаетъ тебя моему мщенію!—

Раславъ вмѣсто ошвѣта осыпалъ меня бранью, и старался освободить поводъ коня своего, чтобъ не вступая со мною въ сраженіе, удалился съ своею добычею; но усмотря невозможность, опустилъ Княжну изъ рукъ своихъ, и схватился за оружіе. Между тѣмъ *Предслава* побѣжала въ лѣсъ; я не имѣлъ времени примѣчать, въ копорую сторону избрала она путь свой, и ошчаянно попалъ на моего непріятеля. Сей подлoduшный челоуѣкъ, не надѣясь на свою ошважность, принужденъ былъ искать своего спасенія въ предательствѣ; онъ разрубилъ голову моей лошади, которая съ того упала черезъ голову, опровергнувъ и меня съ собою, и самъ не дожидаясь, пока я встану, обратился въ бѣгство. По щастію не потерпѣлъ я никакого вреда при семъ паденіи; я вскочилъ, и объятъ былъ таковою яростію, что вышедъ изъ себя, бѣжалъ въ слѣдъ за моимъ

зло-

модѣемъ, и тогда уже опомнился, когда оный удалился изъ виду. Тогда возвратился я къ моей лошади, и къ огорченію нашелъ оную мертву. Оставя оную, началъ я бѣгать по окрестностямъ того лѣсу, искавъ *Предславу*. Я кликалъ ее, и приходилъ въ ушомленіе по продолжительномъ и безъ успѣшномъ исканіи. Тогда предсказалась мнѣ опасность ея, что могла она вновь впасть въ руки ея хищника, и сіе воображеніе возобновило мои силы. Усугубя крикъ мой, услышалъ я наконецъ отзвѣвъ ея голоса. Не можно описатьъ, съ каковою радостію прибѣжалъ я тогда къ моей возлюбленной. Она уведомила меня, что находилась въ то утро въ полѣ со псовою стогою, бывъ побуждена къ сей забавѣ пріятностію времени и желаніемъ встрѣпшишь своихъ возвращающихся родителей. Она признавалась мнѣ, что я составлялъ не послѣднюю причину сего ея выѣзду. Но что во время гоньбы собакъ, когда она удалилась отъ послѣдовавшихъ за нею, увидѣла приближившагося къ себѣ *Раслава*, ксторой, остансва коня ея, угрожалъ ей лишеніемъ жизни, естли будешъ прошивишься, и приведши въ ужасъ своихъ обнаженнымъ оружіемъ, посадилъ къ себѣ на сѣдло, и скакалъ съ нею до того мѣста, гдѣ самое Небо привело меня къ ней на помощь. Выслушавъ сіе приключеніе, раз-

судилъ я, что не безопасно намъ будетъ медлить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ *Раславъ* безъ сомнѣнiя имѣя своихъ сообщниковъ, можеть возвратиться и вновь напасть на насъ. Я сообщилъ о томъ *Предславу*, и шибѣ поудилъ ее, пренебрегая шрудъ, сѣдвать со мною пѣшкомъ. По двучасномъ и весьма безпокойномъ для *Предславы* шествiи, нашли мы дорогу, и сѣдвуд оную, скорѣ увидѣли начальника *Батбаевыхъ* шлохранишелей, отправленнаго въ погоню за похищеннымъ со множествомъ Вельможъ и воиновъ. Ибо въ самое то время, когда *Предслава* была похищена, въ столицѣ нечаяннымъ образомъ узнали о зломъ *Раславовомъ* намѣренiи. Одинъ изъ его служашелей, коему поручилъ онъ подговорить нѣсколькихъ человекъ за великiя деньги для соупшествованiя съ нимъ, былъ схваченъ отъ шѣхъ, коихъ онъ подкупалъ, и приведенъ къ верховному Болрину. Предъ онымъ открылъ онъ, что *Раславъ* намѣренъ былъ, похишивъ *Предславу*, увезти въ свое отечество вѣсто маложницы; и что хотѣлъ ожидать ихъ въ Чудскомъ городѣ *Пойванѣ*, находящемся за рѣкою *Ашеломъ* въ нагорной сторонѣ. Верховный Болринъ, выслушавъ сие, послалъ кого могъ вооружить скорѣ для предохраненiя *Предславы* отъ злоумышленнаго похищенiя. Сии посланные встрѣтились съ

съ своимъ Государемъ въ тотъ часъ, когда узналъ онъ о случившемся несчастіи съ его дочерью. *Батбай* отправилъ ихъ въ погоню, и обѣщавъ великое награжденіе тому, кто привезетъ къ нему *Раслава* живаго, или его голову; однако посланные, встрѣясь съ нами, не уповали достичь сего злодѣя, и всѣ возвратились для охраненія своей Государыни. Мы прибыли въ шашеръ, въ которомъ ожидали слѣдствія огорченные родители *Предславни*. Княгиня *Асамра* едва не лишилась чувствъ отъ радости, когда увидѣла дочь свою избавленную мною. Я осыпанъ былъ благодареніями отъ *Батбая* и его супруги. Благосклонность Булгарскаго Князя къ неистовому *Раславу* обратилась въ жестокую ненависть; онъ сожалѣлъ, что столько обманулся въ человѣкѣ, имѣвшемъ подною его довѣренность, и клялся Чернобогомъ отмстить на головѣ *Раславовой* причиненную имъ ему обиду. Онъ въ тотъ же часъ признался въ učinенной мнѣ несправедливости, объявилъ меня свободнымъ и извинялся предо мною. Легко узнать, что я удаленъ былъ съшоваши на родителей моей возлюбленной, и человека, отъ котораго зависѣло благополучіе моей жизни. Съ того часа *Батбай* началъ обходиться со мною благосклоннѣе, и не находилъ препятствій въ союзѣ со мною; по перемѣнѣ обстоятельствъ онъ находилъ

въ

въ мысляхъ своихъ новыя и лучшія выгоды отъ брака дочери своей со мною, нежели съ *Раславою*. *Асамра* позволила мнѣ ешкрымъ образомъ пребывать у супруга своего руки ихъ дочери, и подъ покровительствомъ ея получилъ я отъ него согласіе. Въ какомъ находится я тогда восхищеніи, могушь предсказать себѣ шокмо сердца, заняшыя подобною моею любовію! Бракъ мой съ *Предславою* положенъ былъ на мѣрѣ, и оставалось шокмо испробовать къ совершенію онаго согласія отъ моего родителя. Въ семъ намѣреніи отправахъ я съ грамотою въ Дакію къ отцу моему *Сивола*; а самъ предавался восторгамъ въ безпрестанномъ упоеши моей ешрасши и свободномъ обхожденіи съ моею возлюбленною *Предславою*.

Между тѣмъ, какъ ожидалъ я возвращенія *Сивола* съ позволеніемъ на бракъ отъ моего родителя, и пристойнымъ послѣдствіемъ подарковъ Князю Булгарскому и вельможъ и воинства для препровожденія моего въ отечество: Государственныя дѣла понудили *Батбала* отбѣхать въ Астаръ городъ многонародный, великолѣпный и столицій при устьѣ рѣки *Ашела*, коимъ впадаетъ она въ *Хвалынское море*. *Асамра* песлѣдовалала шуда за нимъ, равно и я съ моею возлюбленною. Веселое мѣстоположеніе сего города и пріятность годовитаго времени, побуждала

дала

дали супругу *Ватбаву* выдумывать разные забавы. Мы препровождали время въ заброровствѣ, или въ сѣрѣяніи изъ луковъ пшницъ, ошѣзжала на взморье; а иногда въ рыбныхъ ловляхъ. Въ нѣкоторый пріятный день вздумали мы сдѣлать прогулку водою въ легкихъ судахъ. Самъ Князь Булгарскій желалъ участвовать въ оной, но приключившаяся ему головная боль удержала его, и при немъ Княжнаю *Асамру*. Однако они, не хотя лишиться насъ сего удовольствія, позволили *Предславу* и мнѣ съ старшимъ сыномъ своимъ *Буеславомъ* (которому было только семнадцать лѣтъ, и коимъ мнѣ къ великую дружбу) воспользоваться сею забавою. Мы сѣли въ приуготовленные легкія суда, и со множествомъ своего пола придворныхъ пустились въ запуски на гребляхъ внизъ по рѣкѣ *Ателу*; гдѣ на устьѣ ея, раздѣляющемся на многіе рукава, на одномъ островѣ приуготовлены были шашры для нашего прохлажденія и отдохновенія. Наконецъ пересѣли мы въ легкія лодки, желая отлучиться сами управленіемъ оныхъ и силою въ греблѣ. Я сѣлъ только самодругъ съ возлюбленною моею *Предславою*; *Буеславъ* съ нѣкоторыми придворными; а прочіе раздѣлялись попарно. Всѣ мы уговорились, взявъ въ запуски же до устья морскаго, забавляясь тамъ сѣрѣяніемъ разныхъ пшницъ.

Лод-

Лодка, въ которой я сидѣлъ съ Предславою, удалилась отъ прочихъ болѣе ста саженъ; мы ушѣшались шаковымъ надъ причинами преимущественномъ, но вскорѣ удовольствіе наше обратилось въ ужасъ: поднявшійся сильный вѣтръ понесъ насъ въ море, и произведши великія волны, сокрылъ изъ глазъ нашихъ и берега и нашихъ спутниковъ. Безъ особеннаго промысла боговъ никакъ бы не избавились мы отъ пошопленія въ шаковомъ маломъ и неудобномъ волненію прошивавшейся судиѣ. Мы находились между смерти и жизни весь пошъ день, и нѣсколько часовъ ночи; насъ носило почти безучастственныхъ, и напоследокъ приблио въ простинки, растушія около одного острова. Я, забывая о собственномъ изнеможеніи, старался ободрять мою возлюбленную; представлялъ ей, что утихающая буря доставитъ намъ удобность безъ затрудненія возвратиться къ острову, на коемъ находились наши шакры. Въ самомъ дѣлѣ предъ разсвѣтомъ буря утихла, и мы безпрепятственно выбравшись изъ простинковъ, служившихъ намъ убѣжищемъ, плыли по примѣшамъ къ устью рѣки Ангела; ибо береговъ было не видно: такъ далеко отнесло насъ бурей! Уже показались намъ вдали возвышающіеся острова, составляемые раздѣляющеюся при впаденіи въ море севъ рѣкою. Надежда наша умножилась; мы возсылали

благ.

благодареніе къ Безсмертнымъ за очевидное
 ихъ къ намъ охраненіе; однако участь наша го-
 повила намъ можетъ быть вѣчную разлу-
 ку. По двучасномъ плаваніи увидѣли мы
 бѣгущіе прямо къ намъ на всѣхъ вѣтрилахъ
 два легкіе корабли. Сначала считали мы
 оныя купеческими, идущими изъ Персіи въ
 Астаръ, и утѣшались тѣмъ, что можемъ,
 взошедъ на оныя, безопасно возвратиться и
 укрѣпить пищею истощенныя наши силы.
 Но надежда, намъ польстившая, потчасъ
 превратилась въ ужасъ: въ приближеніи ко-
 раблей узнали мы, что оныя были Курди-
 станскихъ морскихъ разбойниковъ, и, къ до-
 полненію нашего ужасу, увидѣли на одномъ
 изъ оныхъ въ начальствующемъ *Раслава*, на-
 шего владѣя. Оный, увидѣвши меня съ *Пред-
 славою*, закричалъ къ начальнику другаго ко-
 рабля, что я самой шотъ хищникъ дѣвицы
 ему обрученной, которую увезъ отъ Двора
 Князя Булгарскаго. По словамъ его съ обоихъ
 кораблей ссочило въ лодки человѣкъ до со-
 рока вооруженныхъ, коимъ противиться
 въ разсужденіи множества было бы совершен-
 ное безуміе. Насъ взяли и представили предъ
Раслава. Радость владѣя сего отъ таковой
 добычи была неописанна, *Предслава* ли-
 шилась чувствъ, взглянувъ на него; а я ожи-
 далъ себя неминуемой смерти. Однако во-
 схищенный находкою своею *Раславъ*, по-

забылъ о мщеніи; онъ опиесъ *Предславу* въ свой корабельный покой, а меня подарилъ начальнику другаго карабля, сказавъ при томъ, что я особа знатная, за которую можешь онъ получишь хорошій выкупъ. Обрадовавшійся тѣмъ разбойникъ приказалъ наложить на меня оковы, и не взирая на отчаянный мой вопль и убѣжденіа, перевести на свой корабль. *Раглавъ* отвалилъ на своемъ суднѣ въ другую сторону; а мой плѣнщикъ повезъ меня въ Персію.

Не могу я изобразить вамъ тогдашняго горестнаго моего состоянія, въ какое приведенъ былъ я, оставивъ возлюбленную мою въ рукахъ злѣйшаго изъ смертныхъ. Жизнь была тогда для меня несноснѣйшимъ бременемъ; и съ радостію бы я оную окончивъ, но всѣ средства были къ тому пресѣченны. Тщешно побуждалъ я сихъ варваровъ учинить погоню за ихъ товарищемъ, представляя имъ, что увезенная имъ дѣвица есть дочь Князя Булгарскаго, за возвращеніе которой въ Аспаръ получаютъ они великое награжденіе; они не вѣрили словамъ моимъ. Провождая безполезныя стenanія, привезенъ былъ я въ Персію. Разбойники содержали меня нѣсколько мѣсяцовъ во узакъ, побуждая, чтобы я писалъ къ моимъ родственникамъ о присмакѣ за меня выкупа; но какъ я не признавался имъ въ настоящемъ моемъ родѣ, и отводилъ надежду ихъ въ полученіи

не вѣрилъ словамъ моимъ; онъ напоследокъ согласнася опустити меня, естъли представляю я на свое мѣсто шакова невольника, которой ему понравилса, и которой бы обязаася пребыть у него до того времени, какъ я пришлоу за себя выкупъ. Но можно ли ожидашь было, чшобъ сыскаася столю в е л и к о д у ш н о й челоувѣкѣ, кошорой бы для незнакомаго изъ доброй воли согласнася потерять вольность свою! Я препоручилъ участь мою во власть Провидѣнiя, и началъ неволю сносить терпѣливѣе. Господинъ мой возимѣлъ ко миѣ довѣренность, позволялъ миѣ ходить всюду. Вышедъ нѣкогда по обыкновенiю моему разсматривать великолѣпiе зданiй, украшающихъ сiю столицу Персидскихъ Монарховъ, проходилъ я по случаю мимо площади, на которой продаются невольники. Въ самое то время прибылъ туда купецъ, ведущiй множество плѣнниковъ; между прочими примѣшилъ я одного прекраснаго молодаго невольника, которой шелъ весело, и шуша, ободрялъ другихъ своихъ товарищей. Видъ его миѣ понравилса: я подшедъ, привѣлствовалъ его, и спрашивалъ о причинѣ шаковаго несогласнаго съ участью его веселiя. Онъ отвѣчалъ миѣ разсмѣявшись: Государь мой! ежели бы я гонящему меня нещастiю противупосщавлялъ шолько същование, давно бы я уже изнурилъ себя; но

д

я сколько вытерпѣлъ его ударовъ, ожидаю, что скоро оные устанешь гнать меня. Вслушавшись въ разговоръ нашъ хозяинъ того невольника, подшедъ, спросилъ меня: не знаю ли я кого въ городѣ, кошорой бы купилъ у него сего веселаго невольника за хорошую цѣну. Я наименовалъ ему моего Іудейнина. Между тѣмъ, какъ я описывалъ прочимъ невольникамъ великодушное обхожденіе его съ его рабами, подшелъ и самъ мой господинъ, и по обыкновенію своему, пошрепавъ меня по плечу, сказалъ: я вижу, что ты ищешь поруки за свою вольность. — Ахъ! иѣтъ, милостивой Государь! ошвѣчалъ я ему; была бы то суешная надежда! . . . Но рассмотримъ сего пригожаго невольника; видъ его доказываетъ, что онъ непростаго произхожденія. Купите онаго, и содержите столь же милостиво, какъ и меня, шо навѣрное получите за него немалую прибыль. Іудейнинъ разсмотрѣвъ *Нуредина* (такъ назывался сей молодой невольникъ), купилъ онаго за полшора шаланта.

Новый товарищъ мой началъ обходиться со мною съ великимъ дружествомъ; однако не открылъ мнѣ своего настоящаго имени, сколько я ни убѣждалъ его къ тому, обѣщая клятвенно сохранишь его тайну, когда естъ причины, къ тому его побуждающія. — Сколько мнѣ прискорбно (ошвѣ-

чалъ *Нурединъ*, узнавъ отъ меня объ моемъ подлинномъ имени и приключеніяхъ), что я за довѣренность вашу ко мнѣ не могу заплашить равнобрію! шаякое обязательство принуждаетъ меня къ сему молчанію. Впрочемъ могу сказать, что отчасти вѣдалъ, кто вы, считаю себя дружбы вашей не недостойнымъ. — Слова его произвели въ мысляхъ моихъ немалое замѣшательство. Сколько я ни старался, не могъ однако вспомнить, чшобъ когда нибудь видалъ его въ моей жизни. Я не смѣлъ уже больше понуждать въ отккрытіи его тайны, и обходился съ нимъ какъ съ братомъ. *Нурединъ* былъ искусный живописецъ, и всегда въ свободные часы отъ господской работы упражнялся въ семъ художествѣ. Онъ умѣлъ на малѣйшихъ кружкахъ списывать подобіе лицъ шѣхъ особъ, конхъ желалъ представить; а какъ Персы къ сему роду живописи великіе охотники, то въ краткое время собралъ онъ столько денегъ, что заплатилъ требуемый Иудейскимъ за себя выкупъ. Господинъ мой отпустилъ его безъ отговорокъ, и обѣщавъ исходатайствовать ему проѣздную грамоту, разлука моя съ симъ товарищемъ прикачила мнѣ чувствительную печаль. *Нурединъ*, примѣшивъ оную, отвелъ меня на сторону, и предложилъ мнѣ, чшобъ я воспользовался вѣсно его свободою; и что онъ останется

ся

ся вибѣсно меня въ невольникахъ до шѣхъ поръ, какъ я пришаю выкупъ. Удивленный таковымъ рѣдкимъ примѣромъ великодушія, спрадался я принять столь неслыханную жертву; но былъ убѣжденъ отъ *Нуредина*. Вы не имѣете средствъ, говорилъ онъ, возвратишь себя инымъ образомъ оплакивающему отсущствыя ваше отечеству; а мои побужденія не столько важны. Вы пришлите за меня выкупъ, и я освобожусь; время для ожиданія сего не дѣлаешь для меня разстановки. Сверхъ того, когда бы посланныя отъ васъ деньги и не дошли сюда, я имѣю въ художествѣ моемъ вѣрной способъ къ моему освобожденію. Таковымъ образомъ освободился я изъ моей неволи, и простясь съ великодушнымъ моимъ избавителемъ, возпріялъ путь чрезъ Аравію въ Египетъ, намѣрясь отшуда чрезъ Фракію возвратиться въ мое отечество, и провѣдавъ о Квадскомъ Князѣ, имѣшь ближайшій способъ отиснить ему за его злодѣйское похищеніе.

Съ несказаннымъ трудомъ достигъ я Александріи, и сѣвъ въ корабль, идущій въ Еллинскія острова, вскорѣ уновалъ чрезъ пропонъ Фракійскій проплыть море Меоническое, и пристать къ берегамъ моего отечества; но враждующая мнѣ судьба и шумъ возпрепятствовала моему желанію. По нѣсколькихъ дняхъ нашего плаванія возставшая буря

опнесла насъ къ Сирійскимъ берегамъ, гдѣ напалъ на насъ Трипольской морекой разбойникъ. По долгомъ сопротивленіи, при которомъ отчаяніе мое рождало во мнѣ храбрость, сповишую жизни немалому числу нападающихъ, корабль нашъ взятъ былъ Сирійцами. Я заключенъ съ малымъ остаткомъ моихъ спутниковъ во узы, и учинился вновь невольникомъ. Все мое шerpбнiе тогда исчезло; я видѣлъ опять себя лишеннымъ надежды къ возвращенію въ мое отечество, и что болѣе всего меня сражало, не въ состояніи послать выкупъ великодушному *Нуредиу*, пожертвовавшему за меня свою вольностью.

Плѣнившій меня Сиріецъ, замѣшивъ въ сраженіи мою храбрость, къ которой привело мое отчаяніе, надѣялся полезнѣе употребить меня въ своихъ морскихъ разбѣздахъ, нежели содержать въ неволѣ. Онъ предложилъ мнѣ вмѣсто выкупа заслужить ему при трехъ опаснѣйшихъ морскихъ сраженіяхъ. Такое предложеніе достойно было варвара; но необходимость привела меня принять сіе постыдное средство. Въ ожиданіи способнаго времени къ разбѣздамъ, услышалъ я отъ Баллинскихъ прѣбывавшихъ въ Триполь за невольниками купцовъ, что отечество мое замѣшано было въ опасную войну съ Римлянами, и что получило надъ ними

внѣш-

важныя выгоды подъ руководствомъ нѣкогого Славянина, именемъ *Вадима*, и что сестра моя за онаго обручена; при чемъ оный объявленъ наследникомъ Дакскаго престола.

По выѣздѣ нашемъ въ море, щастіе освободило меня вскорѣ отъ рукъ ненавистнаго моего плѣнителя. Вы вспомните, любезный Князь (продолжалъ Арпадъ къ *Вадиму*) о прешерпѣнномъ на васъ близъ Геркулесовыхъ столповъ нападеніи отъ Африканскаго разбойника; былъ шо я съ моими начальникомъ. Оный погибъ въ сраженіи отъ руки вашей; а я продолжалъ оборону, опасаясь впасть, какъ разбойникъ, въ новую неволю. Не удивляйтесь и тому, что я не открылся вамъ тогда о себѣ, и назвался, какъ мнѣ впаало на умъ, *Готфомъ*; я имѣлъ причину опасаться васъ, шакъ какъ совѣтника моего о престолѣ Дакскомъ. Мнѣ свойства ваши были неизвѣстны, и вы сами можете предсавить, что я могъ подвергнуть жизнь мою опасности, открывши вамъ объ моемъ имени. По разлученіи съ вами принудилъ я оставшихъ корабельныхъ служителей плыть къ берегамъ Греціи; гдѣ вышедъ на берегъ, снабдилъ себя конемъ и вооруженіемъ на деньги, оставшіяся послѣ Африканскаго разбойника, и слѣдовалъ сухимъ путемъ въ мое отечество. Имѣлъ я довольно число денегъ, которыхъ старался по-

послать на искупленіе великодушнаго *Нуредина*; однакожь не могъ провѣдать ни въ одномъ изъ Греческихъ городовъ, чтобъ кто либудь отпралялся въ Сузы. Между тѣмъ ночуя въ одномъ вольномъ домѣ, ограденъ я былъ проворными Еллинами столь искусно, что не осталось у меня ничего не шокмо для искупленія моего благодѣтеля, но и на дорогу. Принужденъ былъ я продать коня моего, и шестшовать пѣшімъ.

Я прошелъ уже *Никополь*, и продолжалъ пушь мой сквозь необитаемыя горы. Въ семь пустомъ мѣстѣ къ удивленію моему увидѣлъ я на одномъ холму сидящую великолѣпно одѣтую *Фракійскую* женщину, и почасу озирающуюся на всѣ стороны, какъ бы она кого либудъ ожидала. —

Подождемъ и мы до слѣдующаго вечера, сказалъ *Изборъ*, что выдетъ съ сею женщиною. Сказывальщикъ остановился, и на другой день по обыкновенію началъ:

В Е Ч Е Р Ъ Х.

Продолженіе Арпадовыхъ приключеній.

Какъ холмъ, на кошоромъ находилась *Фракійка*, ошстоялъ не въ дальности отъ
Бодь-

Большой дороги, заключилъ я подойти къ ней, и освѣдомиться, не претерпѣла ли она каковаго нибудь нещасія, и не имѣешь ли нужды въ моей помощи. Приближась, спросилъ я у сей прекрасной женщины, по какой причинѣ находится она одна въ такомъ уединенномъ мѣстѣ? Вопросъ мой произвелъ слезы изъ прелестныхъ очей ея. Я нещаснѣйшая женщина на свѣтѣ, отвѣчала она, и бѣдствіе мое такого рода, что я окружаемая ужасомъ ни отъ кого не ожидаю помощи. Я предлагалъ ей мои услуги, и старался утѣшать въ ея печали. — Участвіе, принимаемое вами въ моемъ огорченіи, обязываетъ меня къ вамъ благодарностию, отвѣчала она; вы заслуживаете мою довѣренность, и я открою вамъ объ моемъ приключеніи, безъ чего вы никакъ не можете себя предсавить объ моемъ влочастіи. Я люблю смертельно одного молодца; но я любить не могу. Я ненавижу его, но и того учинить не въ состояніи; онъ прекрасенъ, и чрезвычайно гнусенъ; слова рѣчей его пріятны, но содержатъ въ себѣ нѣчто ужасное; онъ называетъ себя *Асмодомъ*, но объявляетъ, что и еще много другихъ именъ имѣетъ; онъ сказываетъ о себѣ, что онъ великой богачъ, но при томъ и бѣднѣйшее созданіе на свѣтѣ составляетъ. — Такое описаніе возбудило во мнѣ любопытство; я

просилъ ее сѣяснить мнѣ полнѣе какъ объ ея любовникѣ, такъ и о собственныхъ приключеніяхъ, естли желаетъ она, чтобы я могъ быть ей полезенъ. — Вижу, продолжала сія женщина, что описаніе о любовникѣ моемъ вамъ кажется удивительно; но я сама не больше сего объ немъ извѣстна. Онъ увѣдомлялъ меня, что живетъ въ обширномъ и прегромномъ змкѣ, но онѣй еще для него шѣсенъ. Знакомство мое съ нимъ сподло жизни одному прекрасному Никопольскому юношѣ, за котораго я была обручена. *Минсфиль*, такъ называли жениха моего, былъ сынъ богатаго купца; а я дочь Никопольскаго Градоначальника. Взаимная наша любовь непрощивна была нашимъ родителямъ; но по происшедшей между нами ссорѣ бракъ нашъ, положенный уже на мѣрѣ, разрушился, и никакія прозьбы, ни слезы наши не могли убѣдить жестокосердыхъ нашихъ родителей согласиться на окончаніе онаго. *Минсфиль* пришедъ отъ сего въ отчаяніе, заклеяся умертвить отца своего, равно и моего, уповая, что сбыль съ рукъ сію препону, можетъ удобно достигчь къ концу своихъ желаній. Онъ началъ сіе мерзкое прирѣдѣ убійство съ собственнаго своего родителя, коему въ ночное время вознзидъ въ сердце ножъ. Однако находящаяся въ домѣ отца моего стража запрепят-

ство-

сшивала ему довершить по же и надъ мо-
 нимъ. Увидѣвъ несаможность въ своемъ
 намѣреніи, подговорилъ онъ меня, оставя
 домъ, уйти съ нимъ въ безопасное мѣсто.
 Жестокая любовь моя къ нему принудила
 меня согласиться на его желанія. Мы сѣли
 на лошадей, и удалившись отъ города бо-
 лѣе десяти верстъ, встрѣтились съ однимъ
 господиномъ, который, поровнявшись съ на-
 ми, съ вѣжливостію *Минофилу* поклонился.
 Любовникъ мой, углубясь въ разговоры со
 мною, того не примѣтилъ. Сію оплошность
 встрѣтившійся съ нами счелъ за пренебре-
 жение, и захотѣлъ отмстить моему любов-
 нику своею саблею. Онъ принужденъ былъ
 обороняться, и защищалъ себя неуспраци-
 ю. Они сбивали другъ друга съ мѣста до
 шѣхъ поръ, какъ удалились изъ глазъ моихъ.
 Страхъ остаться одной въ пустомъ мѣстѣ,
 и опасность объ моемъ любовникѣ, лишила
 меня чувствъ; я упала съ лошади, и до
 шѣхъ поръ не опомнилась, какъ увидѣла
 уже предъ собою стоящаго того незнакома-
 го съ отрубленною головою моего возлюблен-
 наго *Минофила*. Я не могу изобразить вамъ
 тогдашняго моего ужаса; однако сама не
 понимаю, какимъ-то образомъ оной обще съ
 моимъ печальнымъ обстоятельствомъ не чув-
 ствительно заглядился въ моей памяти, и я
 начала слушать слова его. Прекрасная *Цек-*
се.

сера [такъ я называюсь]! сказалъ онъ мнѣ, вашъ любовникъ былъ недостоинъ вашей кѣ нему благосклонности: изберите меня на его мѣсто въ женихи; чрезъ что учинишесь обладательницею надъ многими милліонами подданныхъ. Слова его немедленно произвели въ сердцѣ моемъ ненависть къ прежде моему любовнику, и тогдажь возродилъ вѣжнѣйшій пламень къ *Асходу*; ибо онъ былъ то. Я клалась ему вѣчною любовію, и была подарена отъ него такимъ перстнемъ, коего цѣна превосходила цѣлу бочку золота. Онъ возвратился со мною къ моему родителю, и льстивыми своими словами такъ склонилъ его къ себѣ, что онъ тогдажь далъ позволеніе на бракъ нашъ. Съ тѣмъ сей новый женихъ мой отъ насъ и побѣжалъ. Послѣ того не рѣдко меня посѣщая, открылъ мнѣ о своемъ состояніи, такъ какъ я вамъ уже сказывала. Когда бываешь онъ со мною, я не нахожу, кромѣ его, милѣйшей для себя вещи; но по отбѣздѣ его чувствую неслыханное къ нему отвращеніе, и волосы на мнѣ вздымаются дыбомъ, какъ скоро я объ немъ вспомню. Отецъ мой въ скоромъ времени началъ его также ненавидѣть. Третьяго дня, при посѣщеніи, открыла я *Асходу* о сей новости. Онъ разсердился, не показавъ на глаза моему, и отбѣжая, объявилъ мнѣ, что ешьяи я

же-

желаю сохранить его любовь къ себѣ, умершвила бы опца своего. Ужасъ охладилъ кровь мою, когда я сіе услышала; но любовь къ *Асмоду* до того ослабила мои чувства, что я въ прошедшую ночь совершила оное богопрошивное и мерзкое убійство. Обгоренная кровію родителя моего, бѣжала я въ ту же минушу изъ дому своего; ужасъ и отвращеніе къ самой себѣ гнали меня до сего мѣста, гдѣ *Асмодъ* велѣлъ мнѣ себя дожидаться. — Выслушавъ слова сей оскверненной и страшной преступницы, хотѣлъ я въ ту же минушу, оставивъ ее, бѣжать прочь; но она убѣдила меня слезами своими не оставлять ее до тѣхъ поръ, какъ *Асмодъ* прибудетъ.

Не прошло четверти часа, какъ я сѣвъ близъ ее на холмѣ, съ ужасомъ ожидалъ послѣдствія. Поднялась такая жестокая буря, что казалось весь свѣтъ погибнетъ. Ясный день померкъ, громъ оглушалъ меня, в молніи, падающія вокругъ насъ, принудили сойти съ холма. Свирѣпство бури, и звукъ грома умножались вдвое по причинѣ гористаго мѣстоположенія. За тѣмъ пролился столь сильной дождь, что всѣ поля наводнились, и мы принуждены были опять взойти на холмъ, отъ стремленія текущихъ съ горъ потоковъ. Выдержавъ чрезъ два часа такую страшную непогоду

ду

ду, увидѣли мы вновь день, и жаркіе лучи солнечные вскорѣ осушили измокшія на насъ одежды. Непродолжительное за шѣмѣ показался издали бѣущій къ намъ вельможа въ препровожденіи множества служителей и заводныхъ лошадей. По приближеніи его, узнала *Цексера*, что былъ то ея любовникъ. Оный сдѣшъ былъ великолѣпно, равно и на служителяхъ его блистало всюду золото и серебро. *Цексера* ушотря онаго, начала дрожать всею шѣлою; чрезъ что и мнѣ неизвѣстный спрахъ приключила. Я съ перваго взгляду столько возненавидѣлъ *Асмода*, что ощутилъ великое желаніе напасть на него и убить предъ глазами его любовницы; однако и со мною то же послѣдовало, что и съ *Цексерою*: я услышавъ слова его, почувствовалъ къ нему особенное дружество. Свиданіе любовниковъ сихъ было мѣжнѣйшее. *Асмода* благодарилъ меня за неоставленіе его невѣсты, и привѣщивалъ меня въ свой горный замокъ съ таковою ласкою, что я не могъ отгвориться. И такъ мы съѣвъ съ *Цексерою* на заводныхъ лошадей, поѣхали съ *Асмодомъ*.

Продолжая путь нашъ около часа, прибыли мы въ густой великой лѣсъ, въ которомъ такъ было темно, какъ бы ночью. По выѣздѣ изъ онаго приближились къ утесу высокой каменной горы, и остановились

у

у находящейся въ оной великой пещеры. Мы сошли съ лошадей, и отдавъ оныхъ служителямъ пошли за *Асмодомъ*, которой велъ невесту свою за руку. Продолжая нѣсколько сошъ шаговъ подъ земнымъ сводомъ, освѣщеннымъ многими лампадами, вышли мы на преогромной дворъ, освѣщаемый солнечными лучами. Столбы, окружающіе площадь онаго поддерживающіе великолѣпныя зданія, сдѣланы были изъ вылощенной яшмы. Среди площади находился пріятно украшенный садъ, наполненный всѣхъ родовъ благоуханными и плодовитыми деревьями; все въ ономъ цвѣло и наполняло воздухъ ароматомъ. Шумъ прекраснѣйшихъ водоемовъ, соединясь съ пріятнымъ шѣпелѣмъ тысячныхъ родовъ пшницъ, вапертыхъ въ огромныхъ содержащихъ, представлялъ мѣсто сіе нѣкоторымъ раемъ. Проходя сей садъ, встрѣчены мы были отъ пятидесяти одѣтыхъ въ парчевое платье дѣвицъ, и великагоже числа богато одѣтыхъ мужчинъ, которые, приближась въ молчаніи, упали предъ *Цексерою* на колѣна, и послѣ по данному отъ *Асмода* знаку вставъ, слѣдовавъ за нами до палатъ. Домъ *Асмодовъ* превосходилъ великолѣпіемъ всѣ видѣнные мною въ жизни дворцы великихъ въ свѣтѣ Государей. Крыльцы и стѣны онаго сдѣланы были изъ слоновой кости; а полы намощены узорами
изъ

изъ чернаго съ бѣлымъ мрамору. Окны, стѣны и потолоки во всѣхъ покояхъ блистали отъ золота и самоцвѣтныхъ камней. Въ комнатѣ, приустроенной для пиршества столъ, находился лихой изъ чистова золота, покрытый самымъ тонкимъ Сидонскимъ полошномъ; а на ономъ приборы для двѣнадцати особъ. Блюда казались быть изъ цѣлыхъ яхонтовъ, ложки изъ изумудовъ, а прочая посуда вся золотая, усаженная драгоценными камнями. *Асмо*дъ провелъ насъ въ спальню, гдѣ при равномерномъ богатствѣ видѣлъ я кровать, на которой по черному аксамиту приборы и занавѣсы унизаны были крупнымъ жемчугомъ. Къ одной сторонѣ стоялъ лихой изъ золота столикъ, съ блестящимъ рукосейникомъ и лаханью. Кресла, софы и скамьи, сіяли отъ множества алмазовъ; а подушки на оныхъ были изъ нѣкоторой неизвѣстной мнѣ золотой ткани. по томъ вошли мы въ залъ, превосходящій всѣ прочія комнаты богатствомъ и великолѣпиемъ; круглой сводъ въ ономъ сдѣланъ былъ изъ нѣкотораго прозрачнаго подобнаго небесному цвѣту камня, усыпанный блестящими звѣздочками. Когда мы вошли на средину сего очаровательнаго зала, почувствовали упадающую на себя сверху ароматическую росу. Не могу я подробно описать вамъ всего видѣннаго мною въ домѣ

Асмо-

Асмодовомъ; богатство и великолѣпіе онаго превосходятъ человѣческое воображеніе. По осмотровѣи всѣхъ рѣдкостей, кои показывая намъ *Асмодъ*, можетъ быть изъ хвастовства, справедливую ниѣль къ тому причину; повелѣ онъ насъ за столъ; и когда занявъ мѣсто свое съ *Цексерою*, а я сѣлъ близъ ихъ, вошли къ намъ девять, какъ надобно было чашъ, знашныхъ вельможъ; одежды ихъ и волосы на шеяхъ цѣпи по доказывали. Вельможи оныя, отдавъ намъ низкой поклонъ, сѣли на оставшіеся девять стульевъ. Проворство услуживающихъ, вкусъ ѣствъ и избраннѣйшихъ напитковъ, соответствовали прочему великолѣпію. Въ продолженіи стола играла столь пріятная музыка, каковой я ошроду не слыхивалъ. По томъ вступило двадцать четыре маленькихъ дѣвочекъ, и столькожъ мальчиковъ одѣтыхъ въ бѣлое платье, кои начали удивленія достойную пляску; проворство ногъ ихъ превосходило возможность человѣческую. По окончаніи пляски дѣвочки приблизясь на стуль *Цексеринъ*, готовы были для услугъ ея; а мальчики присоединясь къ музыкантамъ, составили голосами своими неслыханное согласіе. Хотя вкусъ винъ возбуждалъ во мнѣ охоту къ шумстау, но услаждаясь пѣніемъ, забывалъ я о пищѣ. — Увеселеніе сіе пресѣдлось припадкомъ, учинившимся съ *Цексерою*;

Часть I. М она

она почувствовала во всемъ шлѣ жесткою
оанобѣ. *Асмодъ* приказалъ шотчасъ въ
спальнѣ развесити въ каминѣ огонь; маленькія
дѣвцы немедленно оное исполнили, и *Цек-
сера* приведена была къ оному. Огонь сей
сосшавленъ былъ не изъ простыхъ, но не-
вообразимое благоуханіе испускающихъ дровъ.
Цексера ошчасу въ лицѣ блѣднѣла; без-
плодно дѣлали ей къ ногамъ припарки, над-
лежало ее было положить въ постель. Ко-
гда дѣвцы начали новобрачную раздѣвать,
пожелалъ я *Асмоду* доброй ночи, и возвра-
щаясь съ девятью вельможами въ залъ, про-
должалъ съ ними веселиться до полуночи;
мы пили исправно за здоровье молодыхъ.
Накомецъ сонъ и винныя пары начали ошг-
чать мою голову. Одинъ изъ вельможъ
прибѣживъ шо, проводилъ меня въ особли-
вый покой, къ богатоприбранной постелѣ,
на кошорой я заснулъ сладкимъ сномъ.

Не вѣдаю, долго ли сей мой сонъ про-
должался, но по пробужденіи къ великому
моему изумленію и ужасу, очутился я ле-
жащій въ сирадной пещерѣ на косяхъ
лошадиныхъ. Нѣсколько сухихъ головъ сихъ
животныхъ служили мнѣ вмѣсто подушекъ,
а вокругъ меня лежало нѣсколько вонючихъ
шруповъ разныхъ животныхъ, и вмѣсто
пріятной вчерашней музыки, слышалъ я
лай грызущихся въ стерво собакъ. Я съ
ужа-

ужасомъ вскочивъ, выбѣжалъ изъ сего сквернаго вершепа, и опомнившись увидѣлъ себя близъ самаго того холма, гдѣ нашелъ вчерашняго дня пригожую Фракіянку. Я не сомнѣвался, что было то привидѣніе, въ кошорое подпалъ я за соболѣзнованіе о мерзкой стщеубійцѣ. Легко можно догадаться, что *Асмадъ* былъ злой духъ мститель, низведшій *Цексеру* съ мнимаго брачнаго ложа въ мрачное царство Чернобогово на вѣчное мученіе. Проклявъ память ея, продолжалъ я путь мой въ отечество.

Приближаясь къ предѣламъ Васшарновъ, услышалъ я кличъ, созывающую въ Вандаля на богашырскія пошѣхи; сердце мое воспикло желаніемъ въ оныхъ участвовати, а молва, носящаяся въ свѣтѣ о великодушнѣ Полянскаго Монарха, ободряла меня, что чрезъ помощь его скорѣе могу я доставити въ Сузы выкупъ за избавителя моего изъ плѣну. Но какъ могъ я появиться въ собраніи витязей, не имѣвъ присшойнаго оружія, денегъ, ни коня? Однако пошелъ я въ Полянью, оставивъ ближній путь въ мое отечество; щастіе облегчило намѣреніе сіе. Проходя сквозь одинъ великій лѣсъ, увидѣлъ я въ сторонѣ на полянѣ ходящаго богашырскаго коня въ полномъ уборѣ. Любопытствовавъ узнать, кому оный надлежити, поверотилъ я въ ту сторону, и

М 2

при-

приближась, увидѣлъ дежащаго въ правѣ рыцаря. Сначала считалъ я, что оный спитъ, но подшедши увидѣлъ, что оный убитъ, и по видимому задолго предъ тѣмъ; потому что тѣло его начало сопливаться, и броня на немъ отъ росы заржавѣла. Я пожалѣвъ о участи сего несчастнаго, разсудилъ, что броня его и оружіе ему уже ненужны; равно и вѣрный конь, которой не отходилъ отъ тѣла своего господина. Я вырылъ яму, сналъ съ убитнаго броню и оружіе, предалъ тѣло его землѣ; по шомъ омывъ броню въ близъ текущемъ ручьѣ, надѣлъ на себя, поймалъ коня, и сѣвъ на онаго, отправился въ сей городъ. Въ знакъ моего невольничества, возбранявшаго мнѣ по условіямъ богатырскимъ участвовать въ подвигахъ, до заплашы выкупа, опоясалъ я вѣсто военнаго пояса веревку, въ которой вы меня вчера видѣли. Прочее вамъ извѣстно.

Продолженіе Вадимовыхъ приключеній.

Когда *Арпадъ* кончилъ свою повѣсть, *Вадимъ* возобновилъ свои обниманія и увѣренія о вѣчномъ къ нему дружествѣ; онъ пѣнялъ ему за недоувѣрчивость, принудившую его скрыть свое имя послѣ морскаго сраженія.

нѣ. Не думай, Свѣшлѣйшій Князь, чшобѣ когда нибудь имѣлъ я жаланѣ прѣобрѣсть престолѣ, замѣ надлежащій, говорилъ онѣ ему. Вспыли и соглашѣся я на то по волѣ вашего родителя, такѣ не по иной причинѣ, кромѣ той, что всѣ считали васѣ за погибшаго. Но сѣ какою радостію голповѣ я возвращаю право, мнѣ непринадлежащее, законному онаго стяжателю! *Арпадѣ* сѣ своей стороны извинѣлся вѣ своемѣ подозрѣніи, клялся своему зяблю вѣчнымѣ дружествомѣ, и увѣрялъ, что не желаетѣ Дакскаго княженія вѣ иномѣ видѣ, какѣ раздѣлимѣ оно сѣ нимѣ.

По таковыхѣ взаимныхѣ увѣреніяхѣ, *Арпадѣ* сѣ *Вадимомѣ* возобновили свое дружество. *Бурноей*, бывѣ допущенѣ къ повѣренности отѣ сихѣ высокихѣ особѣ, убѣждалъ ихѣ принять его вѣ сотоварищи щастливыхѣ и противныхѣ могущихѣ приключиться имѣ случаевѣ. Вспыли природа моя, говорилъ онѣ, не быѣ равна вашему происхожденію, являѣ меня недостойна вашего дружества, такѣ усердіе, производимое во мнѣ шанисшвеннымѣ пришествіемѣ, влечѣ меня посвятить жизнь мою вашимѣ услугамѣ *Вадимѣ* и *Арпадѣ*, чувствуя къ нему взаимную скаонность, не отрѣкѣсь принять его вѣ свое дружество. Они учтили другѣ другу богатырскую кляшву чрезѣ свое оружіе быѣ

во всю жизнь вѣрными друзьями, не оставляя другъ друга въ несчастіяхъ, и не разлучаясь, пока судьбѣ угодно будетъ оставаться по въ ихъ волѣ. Съ того часа сіи три богатыря явили опытами, сколько свято сохранили они свою клятву, и дружество ихъ уподоблялось, еслии шокмо не превышало, Паладово съ Орестомъ.

Утвердя шаковымъ образомъ союзъ, три друга начали разговаривать о состояніи наслѣдія *Арпадова*. Любовь тому причиною, говорилъ *Вадимъ*, что осмѣлили мы общаго нашего родителя въ дряхлости, запушавнаго въ тяжкую войну съ опаснѣйшимъ непріателемъ. Слышно, что Римляне готовятся всѣми силами отмстить уронъ свой, претерпѣнный ими отъ Дакаго оружія въ Пэноніи; что оныя овладѣли вновь сею страной; и что хотя *Декевалъ* имѣетъ нѣкошорыя надъ ними выгоды, но ожидаютъ главнаго сраженія. Непростительно намъ будетъ медлить, продолжалъ онъ, и заниматься суетными забавами, когда присутствіе наше нужно въ нашемъ отечествѣ. *Арпадъ* не нашелъ причинъ, чемъ опровергнуть слова *Вадимовы*, которыхъ приходъ возхвалялъ жаждущій къ славъ *Бурновей*; они заключили немедленно оставивъ Дворъ Полянскаго Государя, и поспѣшить въ Дакію,

Ар-

Арпадъ и оба друга его въ шопъ же день, принеши благодарность Полянскому Государю, испросили позволеніе оставишь дворъ его. Монархъ сей, узнавъ объ настоящемъ имени *Арпадовомъ*, и выслушавъ приключенія его, не могъ ихъ далѣе удерживашь. Онъ обѣщался исполнишь немедленно данное слово Дакскому Князю въ доставленіи выкупа *Нуредину*, и отпустилъ шрехъ соединенныхъ, наградивъ щедро подарками. Они оставили Вандааъ, и воспріали путь чрезъ Яскую Землю къ Врасову. — —

Оставивъ ихъ въ дорогѣ, сказалъ *Иэборъ*: я опасаюсь, чшобъ ты не довелъ нынѣ опашь до рубки съ Римлянами, и я во сибъ не попалъ бы въ сраженіе самъ. Сказавъ сіе, пошелъ онъ во Дворецъ, и сказывальщнкъ отдыхалъ до обыкновеннаго времени, пока насшалъ.

В Е Ч Е Р Ъ ХІ.

Наши соединенные сокращали путь свой разговорами; *Арпадъ*, у коего нивъ мыслей не выходила возлюбленная его *Предслава*, говорилъ не рѣдко, что можно бы имъ ѣхашь, не сдѣлавъ крюка, чрезъ область *Ксадовъ*, гдѣ бы могъ онъ провѣдать о участи несчастной

стной своей Книжны. — Се помѣшало бы нашему намѣренію, подхватилъ *Бурноей*; если бы вы узнали, что *Раславъ* нахсидился въ своемъ ошечествѣ, мщеніе родило бы въ васъ новыя предпріятія. Но когда собственное ваше ошечество страждетъ, тогда любовь и частныя пристрастія молчать должны. Я не меньше вашего имѣю причинъ возвратиться въ Вастарнію: оставилъ я оную, когда любовь меня изъ оной изгоняла; но нынѣ хотя призываеиъ, я спыжусь, пожертвовать моей страсти тѣмъ временемъ, которое могу посвятить пользѣ моего друга. *Вадимъ* держалъ сторону *Бурноееу*; хотя самъ имѣлъ причины поспѣшать въ Дакію, уповавъ наишишь тамъ свою *Вряиславу*. Но въ ушѣшеніе своего друга общалъ при первомъ свободномъ случаѣ самъ ошмстить за него злому *Раславу*. Три друга сіи заключили, по приведеніи въ безопасность Дакіи, не имѣшавъ слѣдовать въ Квады, и мспить надъ виновникомъ похищеніе Княжам Вудгарской.

Слѣдующій за ними *Прѣстай*, вслушавшись, что они предпринимаютъ новое путешествіе, закричалъ къ *Вадиму*: господиъ! а далеко ли еще до край свѣша? Вудешъ ли еще больше половины? — Везъ сомѣннѣя, отвѣчалъ *Вадимъ*; кажется, что не естешвенно челоуѣку обѣхашъ половину свѣша.

— Ну!

— Ну! подхватилъ *Простай*, по этому я очень естественъ! когда счастье стѣ того *Дубоваго* куста, гдѣ вы родились, до сего мѣста, но конечно осмотрѣлъ я больше половины свѣта. Разговоръ сей развеселилъ путешественующихъ, и *Бурновой* взялся оной продолжать. Ты ошибся, господинъ *Простай*, сказалъ онъ ему; ты не видалъ еще и восьмой доли Европы, но хвастаешь, что половину свѣта переѣхалъ. Вѣдай, что часть *Италія*, *Вастарнія* и *Полянія* не составляютъ еще цѣлой Европы; равно какъ и *Азія* съ *Африкою* не есть еще весь свѣтъ. Весь свѣтъ называется вообще обширное Небо, прошиву котораго нашъ земной шаръ можно почесть со всѣми морями только за малую точку. — *Простай* выслушавъ это, началъ хохотать; спрашивали у него о причинѣ его смѣху, на что онъ отвѣчалъ: какъ не смѣяться такимъ безразсуднымъ словамъ! ежелибъ земля наша была только маленькая точка, я въ одинъ день бы чрезъ нее разъ пять перепрыгнулъ. Какъ и тому повѣрить, чтобъ земля наша была шаръ! А когда это и такъ, то развѣ этотъ шаръ шире больше той горы, что близъ города, изъ котораго мы поѣхали? — ... Но скажите пожалуйста, продолжалъ онъ обращаясь къ *Вадиму*, куда мы ѣдемъ? Не лучше ли возвратиться? Что будетъ барыша, когда мы доѣдемъ до край свѣта?

свѣта, вѣдь и по неволѣ назадъ веротимся! куда тогда будетъ ѣхать? — Не опасайся, сказалъ ему *Арпадъ*, у земли нѣтъ края: почему и доѣхать до онаго не лъзя. — А! а! Господа! закричалъ *Простай*; вотъ я поймалъ васъ въ неправдѣ! Сзми вы называли землю шаромъ, а теперь говорите, что ей и конца нѣтъ. *Арпадъ* показалъ ему бранную будаву, видишь ли, сказалъ онъ, сей круглой шаръ? Сколько ни переворачивашъ, конца въ немъ нѣтъ; равное обстоятельство и съ земнымъ шаромъ. *Простай* отъ удивленія покачалъ головою, согласна я вижу, говорилъ онъ, что у эпова шара вездѣ край, гдѣ ни хватишь! Но скажите мнѣ: подъ исподнимъ краемъ земли такое же ли нѣбо? — Безъ сомненія! отвѣщствовано ему. — Я этому скорѣ повѣрю, говорилъ *Простай*. Въ той деревнѣ, гдѣ я родился, видѣлъ я своими глазами въ глубокомъ колодезѣ, которой безъ сомнѣнія прокопанъ сквозь всю землю, исподнее небо. Всегда, когда я къ нему прихаживалъ, казалось оншуда такое же небо, какъ у насъ, и такія же облака по немъ ходящъ. Тамъ есть и свое другое солнце. Токмо я думаю, что исподъ земли не такъ во всемъ изобилеи, какъ нашь верхъ: у шамошнихъ людей хлѣба нѣтъ, а питаются они одною водою. Вотъ я донесу вамъ, почему унакъ я эшу премудрость:

одна-

однажды стоялъ съ брашомъ моимъ близъ
 ршого глубокаго колодезя. Мы заглянувъ въ
 него, увидѣли, что на исподнемъ краю земля
 стоятъ два челоѣка точно въ шакомъ же
 плашьѣ, какъ и мы, и очень на насъ похожи.
 Мы потчасъ догадались, что не кому по
 инымъ бытъ, кромѣ нашихъ большихъ брать-
 евъ, которые лѣтъ за пять предъ шѣмъ по-
 мерли. Люди, которые рыли для нихъ моги-
 лы, были такъ глупы, что прокопали на
 сквозь землю, братья наши туда выдрались;
 но какъ они тамъ ожили, мы не вѣдаемъ;
 надобно думать, что тамошніе лѣкари умѣ-
 ютъ людей оживлять. Узнавъ братьевъ сво-
 ихъ, потчасъ начали мы ихъ руками къ се-
 бѣ манишь, чтобъ они къ намъ выѣзли, и
 кричали имъ, чтобъ помогли намъ исхать на-
 шего отца, который у насъ недѣль съ шесть
 назадъ пропалъ. Но они не отвѣчали намъ
 ни слова, а только манили насъ къ себѣ,
 также какъ и мы ихъ, какъ бы дураковъ
 передразнивали. Когда я одинъ махалъ рукой;
 и тамъ одинъ махалъ рукою; мы имъ оба
 грозилъ, они оба пожь дѣлали. Братъ мой
 за это на нихъ осердился, и подхватя ка-
 мень грозилъ бросить въ нихъ. Одинъ изъ
 нихъ также схватилъ камень, и замакнулся
 въ насъ. Они бросили другъ въ друга но по
 щастью другъ въ друга не попали; а сни-
 зу камень до насъ не дошелъ аь.

Туть

Тутъ и мнѣ спало досадно; мы стали ихъ вызывать биться на кулакахъ, однако они всё молчали, дравня насъ руками. Не льзя ужъ было дѣлѣ сноснѣе шакова ругательства, а особливо средней мой брань *Міанъ*, пошорой со мною былъ, очень разсердился. Онъ хотѣлъ броситься къ нему, но только пожалѣлъ платье обмочить: и для того началъ раздѣваться. Примѣшивъ это и изъ шѣхъ нашихъ браньевъ, одинъ, также началъ раздѣваться, и готовился *Міана* съ кулаками встрѣпить. И такъ оба они другъ на друга бросились, одинъ сверху, а другой снизу. Я не охотникъ отъ природы драться, а люблю только смотрѣть, какъ другіе бьются: и для того смотрѣлъ, что будетъ. Я и напередъ догадывался, что *Міану* худо будетъ; за шѣмъ что онъ одинъ на двухъ пошелъ. Однако я ничего разсмотрѣть не могъ; и какъ надобно думать по тому, что шѣ бранья не допустили его на свой край, и встрѣшивъ въ водѣ, начали драку; отъ чего вода взмутилась, и начала изъ краю въ край болтаться. Мнѣ соскучилось стоять долго; пошелъ домой и сказавъ объ этой ссорѣ моей матери. Она не унывала, надѣясь на силу и отважность *Міанову*. Конечно они у него не выиграють, говорила она; онъ ослабши приведетъ своихъ братьевъ къ намъ жишь, на нашу земляю. Чрезъ нѣсколь-

ко

ко дней брата мой *Міанъ* не возвращался, почему я пришелъ къ шому колодезю про-
 ѣздять; но увидѣлъ только одного брата, *Міана* же съ другимъ братомъ не было. Сколько разъ я туда ни прихаживалъ, пока-
 зывался мнѣ только одинъ братъ; а когда приводилъ я съ собою товарищей, и онъ при-
 водилъ такоежь число съ собою. Вошло мнѣ послѣ того въ голову, чтобъ всю воду вы-
 черпать вонъ ведромъ. Но лишь я сталъ опу-
 скать ведро, онъ сталъ меня передразнивать,
 и самъ опускалъ такоежь ведро. Разсердась,
 схватилъ я большой крюкъ, и хотѣлъ его
 онымъ ударить; но и онъ уставилъ противъ
 меня такой же крюкъ. Дошло дѣло до драки!
 мы начали другъ въ друга крюками совать
 сквозь воду; отъ чего вода взмутилась. Од-
 нако я не оробѣвъ и продолжалъ доставать
 его на удачу. Тутъ слышалъ я, что по-
 палъ моимъ крюкомъ въ нѣчто мягкое. Я до-
 гадался, что его зацѣпилъ, и началъ тащить
 къ себѣ изъ всѣхъ силъ. Я въ самомъ дѣлѣ
 вытащилъ, только не его, а брата моего
Міана. Чуденъ онъ мнѣ показался, что въ
 такое короткое время перенялъ онъ у жи-
 вущихъ на исподи людей всѣ обычаи: онъ
 такъ же, какъ и они, не говорилъ ни слова,
 и ни рукою, ни ногою не шевелился. Когда же
 я потрясъ его за голову, то ему стошнило
 и онъ выпустилъ изъ себя столько воды,
 сколь-

сколько я въ цѣлой день не могу выпить. Изъ этого я заключилъ, что живущіе на исподнемъ краю земли не ѣдятъ хлѣба, а питаются токмо одною водою.

Такое повѣствованіе увеселило слушателей, и шѣмъ больше, что *Простай* рассказывалъ оное съ важнымъ видомъ и сердился за то, что ему смѣются. Спрашивали у него, что сдѣлалъ онъ съ своимъ братомъ, и нашелъ ли отца своего? — Я скоро нашелъ его, ошѣчалъ *Простай*; онъ лежалъ въ лѣсу подъ большимъ деревомъ, и близъ его старая полусогнившая и надрубленная вѣтвь. Я привелъ къ нему мать мою; но онъ также ничего не хотѣлъ говорить съ нами: и для того мы его съ *Міаномъ* пхнули въ шотъ глубокой колодазь. Мы сочли, что нибъ лучше тамъ будешь жить, когда уже они у живущихъ на исподи всѣ обычаи переяли. Мать моя хотѣла ихъ проводить туда, и по-видавшись съ своими сыновьями, назадъ ко мнѣ возвратиться. Токмо надобно думать, что и ей тамъ житье полюбилось; она уже назадъ не возвращалась. Я и самъ хотѣлъ у нихъ побывать, но опасаясь, что не могу привыкнуть питаться одною водою, раздумалъ. Съ шѣхъ поръ отъ нихъ нѣтъ ни слуху, ни вѣсти. Мнѣ соскучилось жить одному; я пошелъ по дорогѣ. Тамъ встрѣтился со мною какой-то господинъ, которой меня полюбилъ;

и

я завезъ съ собою въ эту Землю, гдѣ мой господинъ родился подъ дубовымъ кустомъ.

Въ подобныхъ разговорахъ путешествуя-
 щіе сокращали время; они приближались
 уже къ жилищамъ Ясовъ, какъ неожида-
 ная встрѣча, подвергну ихъ жестокой печали,
 премѣнила всѣ ихъ намѣренія. Пробѣгая нѣ-
 который лѣсъ, увидѣли они пробѣгаго оборо-
 ляющагося съ неустрашимостію противу де-
 сяти человекъ разбойниковъ; они бросились
 къ нему на помощь. Подлые грабители отъ
 одного виду вооруженныхъ богатырей при-
 шедъ въ трепещь, разбѣжались, и оставили
 пробѣгаго. Сей хотѣлъ приносить благодар-
 ность своимъ избавителямъ; но сколько
 изумленъ былъ *Вадимъ*, познавъ въ немъ
 вѣрнаго своего *Урмана*! Боги!
 какимъ случаемъ вижу я тебя въ семъ мѣ-
 стѣ? вскричалъ Славянской Князь. Какая при-
 чина понудила тебя оставить дворъ *Цекваловъ*? —
 Увы! отвѣчалъ *Урманъ*; боги
 сохранили меня для принесенія плачевнѣйша-
 го извѣстія. *Декевалъ* погибъ съ своимъ
 престоломъ, и вся Дакія учинилась добычею
 Римлянъ. Таковое извѣстіе поразило какъ
 бы громомъ *Вадима* и *Арпада*. Надолго не
 могли они произнести ни одного слова отъ
 жестокой горести, и изъавляли страданіе
 сердець своихъ въ однихъ жадостныхъ воп-
 ляданіяхъ. Когда же прошли первыя стрем-
 ленія

ленія печали, приказали они *Урману* рать сказать подробности сего бѣдственнаго приключенія.

Вскорѣ по отбѣздѣ вашемъ (говорилъ *Урманъ Вадиму*) услышали мы, что легіоны Римскіе собираются въ намѣреніи опять напасть на Панонію. *Декевалъ* сѣтуя, обѣ вашемъ отсушшымъ, не взирая на глубокія лѣта свои, принужденъ былъ взять самъ начальство надъ войскомъ. Пользуясь милостию и довѣренностію сего Государя, совѣтовалъ я ему, не допуская усилившагося непріятели, соединиться съ *Сикулами*, и встрѣшши Римлянъ въ Паноніи. Я представлялъ ему, что когда непріятели вновь овладѣють сею спраною, тогда неминуемо внесуть они пламень войны въ самую Дакію. Совѣтъ мой принялъ: мы собравъ рать вступили въ походъ; но между тѣмъ Римляне успѣли уже овладѣть всѣми укрѣпленными городами въ Паноніи. Не взирая на то, искали мы Римлянъ, и отряды войскъ нашихъ побивали ихъ всюду. Въ продолженіи сихъ успѣховъ нашихъ услышали мы, что главное Римское войско подъ предводительствомъ самаго *Трояна* (императора) вступило въ границы Дакіи, и не находя препяшствій шествуетъ прямо къ столичному городу. *Декевалъ* тогда собравъ всѣ силы, слѣдовалъ къ освобожденію своего гадѣнія. Мы наш-

да

ли Римское ополченіе, осаждающее Врасовъ. Тогда произошло кровопролитное сраженіе, которому подобнаго можешь не было съ начала міра. Даки явили невброитныя чудеса храбрости; всякъ, защищая отечество, желалъ умереть, или побѣдить. Но боги опредѣлили противное ожиданію. Вой продолжался съ начала утра чрезъ весь день; ночь же прекратила кровопролитіа, и разъяренныя воины съ обѣихъ сторонъ дрались смѣшавшись. Въ толпахъ разбѣянныхъ видимы были Римляне и Даки вмѣстѣ; была то сѣча, а не передочное сраженіе. По возхожденіи солнца Траянъ началъ собирать своихъ воиновъ; пріобыкшіе къ устройству Римляне немедленно собрались по звуку бубновъ подъ свои знамена. *Декевалъ* не могъ учинить того: раздраженные Даки, услышавъ войскъ своихъ со стѣнъ градскихъ, не слушали своихъ начальниковъ, и бросались, какъ ослѣпленные, разсыпавшись на соединенные и прикрытые щитами и копьями фаланги; многократно, и въ своемъ безпорядкѣ сдвигали оныя съ мѣстъ. Но словомъ сказать, почти всѣ пали на мѣстѣ сраженія, явивъ неподражаемую храбрость. Въ тожь самое время, когда наша рать начала ослабѣвать, отрядъ войскъ Римскихъ овладѣвъ столицю, и зажегъ оную со всѣхъ сторонъ. Отчаянный *Декевалъ*, увидѣвъ

Часть I.

И

по-

погибель всего войска и столицы, не хотѣлъ искать спасенія своего въ бѣгствѣ; онъ палъ на мечъ свой, и испустилъ геройскую свою душу. Я принужденъ былъ тогда спастись бѣгствомъ, чая, приспѣвъ къ Ясамъ, собрать рать, и, еслии можно будетъ, удержать сію оставшуюся часть Дакіи. Но Римляне подобно жестокому наводненію произвели вдругъ свое завоеваніе. Въ шотъ же почти день, когда проиграли мы сраженіе, легіоны ихъ заняли всю Дакію, лежащую за Дунаемъ. Я принужденъ былъ переодѣвшись пробираться глухими дорогами. Во время бѣгства моего слышалъ я, что Траянъ навѣхавъ нашѣло *Деквалово*, почтилъ слезами память сего храбраго Монарха, и учинилъ шѣлу его великолѣпное погребеніе. Таковымъ образомъ Дакія присоединена къ Паноніи, и учинена Римскою провинціею. Римляне дорого купили сію побѣду; они потеряли подъ Брасовомъ шестьдесятъ тысячъ воиновъ, и столько имѣли раненыхъ, что Траянъ принужденъ былъ раздать все свое обѣлье для перевязки ранъ ихъ. — *Урманъ* кончилъ свою плачевную вѣсть; *Арпадъ* и *Вадилъ* проливали слезы; но герсы кія ихъ сердца принуждены были покориться необходимости. Они отерли оныя, и положились на власть боговъ, пока угодно имъ будетъ доставить средства ошмистить ихъ врагамъ.

Ва-

Вадимъ при всей своей печали не пропустилъ спросить о своей возлюбленной **Бряниславъ**; но къ умноженію своей печали узналъ отъ **Урмана**, что объ ней съ самаго ея ошлученія нѣтъ въ дакихъ никакаго слуху. Надежда, ушверждающая его во мнѣніи, что любезная его спаслась при гибели Геркуланы, доставила ему хотя шу ошраду, что не досталась она въ добычу Рамлянамъ. Онъ ушѣшалъ **Арпада**, и совѣтовалъ ему искать помощи къ возвращенію своего наслѣдія у Государей Сѣверныхъ; онъ напоминалъ ему и о Князѣ Вулгарскомъ. **Арпадъ** находилъ прибѣжище свое достовѣрныи, но страсть къ **Предславъ** полагала шому препяшствіе; онъ не хотѣлъ прежде ошнаться въ покоѣ, доколѣ ея не сыщеть, и не ошмстишь ея похншшелоу. **Вадимъ** принужденъ былъ удовольствоваться въ шомъ желаніе своего друга, и наши соединенные ошправились въ область Квадовъ; они клялись именемъ Чернобога ишпоргнуть **Раслаца** изъ нѣдръ Дворца его, и произишь тысячею ударовъ, ешьяи шокмо онаго шамъ найдушъ. —

Въ сей вечеръ въ числѣ слушателей нажодился и **Славомиръ**. Ему давно хотѣлось войши въ благосклонность **Изборову** хотя чрезъ сказки; онъ уповалъ, что скрывая полезныя шравоученія подъ выдуманными видами, мо-

жетъ болѣе принести пользы сердцу юнаго Государя, нежели его ласкатели. Не хочу я быть бесполезнымъ членомъ въ сей бесѣдѣ, говорилъ онъ *Избору*; и ештли вы, Государь, позволите, завтрашній вечеръ намѣренъ я рассказать вамъ сказочку, которую я слышалъ еще рабенкомъ отъ моей бабушки. Охоти! охоти! вскричалъ *Изборъ*; дѣлушко слышалъ отъ бабушки: это настоящая древность! Надобно быть тушъ чему набудь бабавному. Правду сказать, мнѣ уже и надобно нѣсколько равнословное повтореніе *Головачово* о богатыхъ и побойцахъ. Бабушка твоя безъ сомнѣнія была щеголиха въ свое время, и сказочка ея навѣрное содержитъ какое нибудь любовное похождение. Завтра *Славомиръ*, завтра въ назначенный часъ! а поутру я на охоту не побду, и въ удовольствіе твое готовъ подписывать бумаги, хотябъ ты принесъ ихъ болѣе вчерашняго. — *Славомиръ* поклонился; онъ въ наставшій вечеръ явился по условію, и сказывалъ слѣдующее:

СКАЗКА

О Князѣ Медорсусанѣ.

Въ той Сѣверной части Руси, гдѣ во время зимы не всходитъ солнце, гдѣ горы покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и гдѣ весною обледѣвшія вѣтви деревьевъ предъ восходящимъ Сѣшовидомъ сіяють подобно алмазамъ, находяща лѣса безконечной обширности, служащія убѣжищемъ бѣлымъ медвѣдамъ. Сраженіе съ ними звѣрами, соединенное съ немалою опасностію и трудами, составляетъ почтенное упражненіе благородныхъ особъ въ тѣхъ странахъ обитающаго народа; ни одинъ юноша, не имѣющій еще кожи убитаго имъ медвѣдя на сѣдлѣ своемъ, не смѣетъ шамъ открывать любовь свою никакой красавицѣ. Убившій довольно число звѣрей составляетъ шамъ щастливѣйшаго волокиту. Народъ сей изходился вѣкогда подъ владѣніемъ Князя *Медорсусана*, Государя юнаго, но рожденнаго подъ щастливымъ созвѣдіемъ, прекраснаго, остроумнаго и сколько просвѣщеннаго, что можно было считать за удивленіе, вида столь совершеннаго Монарха въ странѣ

суровой и среди народа дикаго. Ему не исполнилось еще двадцати лѣтъ, но онъ выдержалъ уже опасную войну съ Славянами, въ кошорой явилъ себя столькожь искуснымъ приводцемъ, какъ и неустрашимымъ вихватемъ. Когда рать его въ мирное время пользовалась покоемъ, онъ не имѣлъ онаго самъ, выходя безпрестанно на опасный ловъ медвѣдей.

Въ нѣкошорой день выѣхавъ на охоту со множествомъ своихъ придворныхъ, предаася онъ благородному своему рвенію до того, что погнавшись за звѣремъ, онъ всѣхъ удалился, васакаалъ въ дремучій лѣсъ и потерялъ дорогу. Онъ осмошрѣлъ себя, что онъ одинъ, уже тогда, какъ смерклося, въ вѣствѣ незнакомомъ, и захваченна жестокою мешелью; сіе принудило его понуждашь коня своего къ бѣгу. Онъ подавалъ въ рогъ волось своимъ охотникамъ, однако бесполезно; никто не слыхалъ его. Усиліе вѣтровъ почти срывало его съ лошади, свѣтъ заплывалъ глаза ему, и къ дополненію всего ночь учинилась столь мрачною, что на сажени впереди не можно было ничего видѣть. Онъ искалъ убѣжища подъ густою сосенъ, но буря, вырывающая древа нѣтъ кореня, и самое пребываніе въ лѣсу учинила опаснымъ. Принужденъ былъ онъ скакать нѣтъ лѣсу; удалось ему выбратъся на поле, но шумъ предъ

предстала новая опасность быть занесену снѣгомъ. Въ сей крайности озирался онъ на всѣ стороны, не зная что начать, и вдругъ на возвышенномъ мѣстѣ увидѣлъ лучи ошъ огня. Не медля онъ слѣдовать на оный, и по великимъ затрудненіямъ достигъ почти невозможной горы, составленной изъ утесовъ, пропащей и крутыхъ скалъ; видѣнный имъ огонь сіялъ съ верху оной. Онъ громостился на гору около двухъ часовъ, то верхомъ, то сходя съ коня своего, и шавивъ онаго за собою за поводъ. Наконецъ приближися онъ къ великой пещерѣ, въ отверстіе которой исходилъ видѣнный имъ огонь. Онъ размышлялъ, остановясь, входить ли ему въ оную; не можно было считать мѣсто сіе, опричь убѣжища разбойниковъ, ксимъ показаться нельзя было безъ опасности. Но понеже души Монарховъ имѣющъ въ себѣ предъ обыкновенными человѣками нѣчто благороднѣйшее и возвышенное, то вошелъ онъ безъ ужасу въ пещеру, держа въ рукѣ обнаженную саблю въ предосторожность отъ нападенія. Едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, объявъ былъ такою служею, что занимало ему дыханіе.

На шорохъ его шестая выступила изъ внутренности пещеры старуха, коея сѣдые волосы и морщиноватое лице являло глубокія лѣта; она, взглянувъ на него съ великимъ

киѣ удивленіемъ, сказала: ты первый смерш-
 ный, котораго вижу я въ семъ мѣстѣ!
 знаешь ли ты, кто здѣсь обихаетъ? Нѣтъ,
 отвѣчалъ *Медорсусанъ*; я не вѣдаю и того,
 гдѣ я нахожусь. Это жилище, подхватила
 она, *Позвиста*, бога вѣтровъ: сюда прихо-
 дишь онѣ успокоиться со всѣми дѣтьми сво-
 ими; я оныхъ мать, и ты находишь меня
 здѣсь одну по той причинѣ, что всѣ они въ
 разныхъ частяхъ свѣта ванды особливыми
 упражненіями, дѣлашь добро и зло въ мірѣ.
 Но ты, продолжала она, изябь и обмокъ;
 я разведу огонь для своего обогрѣнія и осу-
 шенія одеждъ. Жаль миѣ лишь того, что ты
 будешь имѣть худой ужинъ: господа вѣтры
 довольствуются самою легкою пищею; а для че-
 ловѣковъ пошребно что нибудь посвязнѣе.
 Князь благодарилъ ее за привѣтствіе; онѣ прибли-
 жился къ огню, которой разгорѣлся въ одно мгно-
 веніе ока отъ того, что возвращающійся домой
 Западной вѣтрѣ поддувалъ оной. Не успѣвъ еще
 вступить сей вѣтрѣ въ пещеру, какъ слѣдовали
 за нимъ вѣтры Сѣверовосточный и нѣсколько
 Аквилоновъ; Борей, Югозападный и Сѣвер-
 ный также не замѣшкались; самъ *Поз-
 вистъ* вступилъ въ ихъ препровожденіи. Они
 всѣ были съ ногъ до головы мокры, имѣли
 щеки надушыя, волосы всклокоченные: по-
 ступки ихъ не имѣли въ себѣ никакой
 вѣжливости; и когда начали они говорить

сѣ

съ *Медорсуваномъ*, едва не заморозили его своимъ дыханіемъ. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ, что онъ разнесъ врознь военные корабли; другой, что онъ потопилъ нѣсколько судовъ; третій, что благопріятствовалъ нѣкоторымъ плавашелямъ, и погубилъ гнавшихся за оными разбойниковъ. Другіе хвастали, что порвали много деревьевъ изъ кореня, опровергали зданія, обрушили стѣны; словомъ сказать, всякъ изъ нихъ щеголялъ своимъ подвигомъ. Старуха слушала ихъ со вниманіемъ; но вдругъ показала на лицъ своемъ великое безпокойство: ахъ! вскричала она, да гдѣжь дѣлся маленькой Зефиръ? не выдалиль вы его? Уже очень поздно; я боюсь, чшобъ не приключилось ему какого нещастія. Всѣ отвѣчали ей, что нигдѣ съ нимъ не встрѣчались. Въ самое то время *Медорсусанъ* увидѣлъ еходящаго въ пещеру прекраснаго юношу, столь лѣпообразнаго, какъ изображаютъ *Лелю*, бога любви. Перья крылъ его были бѣлыя, перемѣшанныя съ алымъ, и ешоль нѣжныя и тонкія, что казались бышь въ безпрестанномъ движеніи; свѣшлые его волосы, свиваясь въ тысячу кудрей, рассыпались по плечамъ его; на головѣ онъ имѣлъ вѣнокъ изъ розъ и жасминовъ; и взглядъ его сопровождался прелестною усмѣшкою. Гдѣ ты засовался, маленькой своевольникъ?

взвизгала на него грозно старуха. Уже всѣ твои братья здѣсь, а тебѣ бы и давно бышь издлежало. Развѣ не знаешь ты своей поры? ты не думаешь о томъ, что я объ тебѣ беспокоюсь. Матушка, сударыня! ошавчалъ онъ, я старался не замедлить, вѣдая, что впрочемъ могу заслужить ваше неудовольствіе; но я находился въ садахъ Княжны Щасливаго острова: она прогуливалась со всѣми своими дѣвцами. Одинъ изъ нихъ плелъ цѣпи изъ цвѣтшвъ, прочія лежали на муравѣ, разпахнувши грудь свою для свободнаго мнѣ достиженія и лобзанія ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ увеселялись плясаніемъ подъ пѣніе своихъ подругъ. Прекрасная Княжна находилась въ скрышѣ померанцовой дорожкѣ: дыханіе мое простиралось до устъ ея, и я полегоньку колебалъ на ней покрывалъ. „Зефиръ! сказала она, я нахожу тебя пріяннымъ! ты меня утѣшаешь! Во все время, когда ты здѣсь присутствуешь, не оставяляю я прогуливанія въ садахъ.“ Признаюсь, что ласки, произносимыя столь прелестною особою, меня обворожили; я не могъ владѣть собою, и не разстался бы съ нею, естлибъ не опасся васъ прогнѣвать.

Медорусанъ слушалъ повѣствованіе сіе съ такимъ удовольствіемъ, что жалѣлъ, когда Зефиръ оное кончилъ. Позволь, любви достойный Зефиръ, сказалъ онъ, спросить, въ какой

какой странѣ владычествуетъ Княжна, о которой вы упоминали? Я сказалъ уже, что въ Шастланскомъ островѣ, отвѣчалъ Зефиръ: но никто изъ смертныхъ на оный взойти не можетъ. Между тѣмъ не пропускаютъ они искать онаго, хотя старанія тѣ безплодны. Развѣзжаютъ безпрестанно вокругъ онаго; многіе льстили себѣ съисканіемъ пристани его, но были то другіе маленькіе островка, на коихъ находятся нѣкоторыя утѣхи, съ которыми обрѣташеся въ радости обитать оставались. Но блаженство въ тѣхъ островкахъ весьма далеко различествуетъ отъ находящагося на островѣ Княжны *Прелѣны* (такъ она называется). Всѣ искатели теряютъ островъ сей изъ виду, и бдѣствующая при входахъ къ оному Зависть, прогоняетъ ихъ отъ онаго. Видалъ я тамъ ежедневно погибающихъ людей рѣдкихъ достоинствъ. *Медорусанъ* сдѣлалъ ему еще множество вопросовъ, на которые Вѣтерокъ отвѣчалъ съ великимъ остроуміемъ и ревностію.

Уже было очень поздно, когда престарѣлая богиня повелѣла своимъ дѣтямъ удалиться въ ихъ опочивальни. Зефиръ предложилъ свою маленькую постель *Медорусану*; она находилась въ мѣстечкѣ упрятно прибранномъ, и не столько холодномъ, какъ прочихъ поселеній сей пещеры. Ком-

заче

ваша Зефирова была устлана мягкими и благовонными шравами, и распецрена цвѣтами. Медорсусанъ легъ, и препроводилъ остатокъ ночи съ Зефиромъ, занимаясь безпрестанно разговорами о Княжѣ Щастливаго острова. Ахъ! сколько горю я неперпѣливостію, скавалъ онъ, ее увидѣть! Вещь эта невозможная, и щастіе мое зависитъ отъ вашей помощи. Зефиръ представлялъ ему, что предпріятіе его довольно опасно; но если имѣеть онъ въ себѣ столько неустрашимости, чтобъ предаться его водительство, то выдумалъ я, говорилъ онъ, къ тому средство. Надлежитъ вамъ сѣсть между моихъ крыль, и летѣть со мною чрезъ пространство воздуха. Я дамъ вамъ, продолжалъ онъ, мою епанчу; когда вы надѣнете оную зеленою стороною вверхъ, будете отъ всѣхъ невидимы, и сіе обстоятельство необходимо нужно къ сохраненію вашей жизни; ибо когда спражи острова, кон сушь страшныя чудовища, утмопрятъ васъ, нападушъ на васъ, и сколько бы ни храбры вы были, трудно вамъ отъ нихъ защититься, и должно вамъ опасаться крайняго бѣдствія. Медорсусанъ имѣлъ такое непреодолимое желаніе достигнуть конца сего похождения, что хотя бы Зефиръ представлялъ ему спокрашно опаснѣйшія встрѣчи, подвергся бы онъ имъ безъ размышленія.

Едва

Едва только Змидерда начала показываться въ своей жемчужной колесницѣ, нещербливый Князь разбудилъ ушомленного Зефира: я не дамъ вамъ покою, говорилъ онъ, обнимая его; но великодушной мой угостишель, мнѣ кажется, что уже время къ отправленію нашему въ путь. Полетимъ, сказалъ онъ; я вмѣсто досады за пробужденіе мое остаюсь вамъ благодаренъ; ибо надлежитъ признаться вамъ, что я влюбленъ въ Розу, столь строгую и хлопотливую, которая пощасъ разгнѣвается, ежели не явлюсь я къ ней при самомъ началѣ дня. Она сбиваетъ въ цвѣтникахъ Княжны Щасливаго острова. Кончая слова сіи, подзвалъ онъ *Медорсусану* епанчу свою, и хотѣлъ нести его на плечахъ своихъ; но нашелъ способъ эшошь нѣсколько безпокойнымъ. Я подхвачу и понесу васъ такъ, сказалъ онъ, какъ несъ я прекрасную *Псишу* въ палаты, для нее построенныя. Тогда схватилъ онъ его въ свои объятія, и вскоча на верхъ невозможимаго каменнаго утеса, началъ раскачиваться равнымъ движеніемъ, распростеръ крылья свои, и полетѣлъ по пространству воздуха. Сколько ни отваженъ былъ Князь сей, но не могъ не имѣть ужасу, видя себя несомого руками слабаго юноши: онъ помышлялъ для своего ободренія, что былъ то Богъ, и что *Леля*, коего изображаютъ слабѣйшимъ

мла-

жладенцемъ, есть сильнѣйшее и опаснѣйшее существо на свѣтѣ. И такъ предавши себя во власть своей участи, изчалъ приходишь въ смѣлость, и съ прилѣжаніемъ разсматривашь мѣста, надъ конми они лешѣли. Но было ли средство исчислить всѣ мѣста? Сколько видѣлъ онъ городовъ, царствъ, морей, рѣкъ, полей, пустынь, ясовъ и земель не известныхъ, равно и различныхъ народовъ! все сіе псаергало его въ удивленіе, лишавшее его употребленія словъ. Зефиръ рассказывалъ ему объ названіяхъ, и нравахъ обитающихъ всѣхъ оныхъ Земель. Они лешѣли тихо, и опдыхали на невозможныхъ верхахъ горъ Инфейскихъ, Тавра, и прочихъ встрѣтившихся имъ на пути. Естляибъ прекрасная обожаемая мною Роза, говѣрлялъ онъ, почасту колола меня своими иглами, не могъ бы я перенести васъ чрезъ шаковое пространство безъ шого, чтобъ не опускати васъ для разсмошрѣнія нѣкоторыхъ изъ Земель сихъ. *Медорсусанъ* приносилъ ему благодарность за шаковую къ нему благосклонность; извѣявалъ припомъ безпокойство свое о томъ, что Княжна *Прелѣпа*, можетъ бытъ не разумѣешь языка его, и онъ не въ состояніи будетъ объяснить себя предъ нею. Не безпокойшесь о томъ, ошвѣчалъ Зефиръ; Княжна говоритъ всѣми нарѣчіями, и вы шощасъ уразумѣете природный ея языкъ.

Они летѣли до тѣхъ поръ, что наконецъ столько желаемый островъ предсталъ глазамъ ихъ, и *Медорсусанъ*, вразсужденіи всѣхъ красотъ, оный составляющихъ, имѣлъ причину почестъ его очарованнымъ. Весь воздухъ, оный окружающій, наполненъ былъ ароматнымъ уханіемъ розъ, жасминовъ и пречихъ благовоній, приносимыхъ щастливою Аравією; дождь тамъ падалъ въ капляхъ пахнущихъ гвоздиками; водометы били почти до облаковъ; рощи составлялись изъ рѣдкихъ и отборныхъ деревьевъ, а цвѣтники наполнены были живообразно прелестными цвѣтами; ручьи прозрачной воды капали повсюду, производя усыпляющее журчаніе. Пѣніе птицъ составляло согласие, превосходящее концерты лучшихъ ссчинителей; плоды родились сами собою безъ всякаго прилбжанія, и по всему острову видимы были گوشовые и уставленные отборными яшвами и напитками столы для всякаго желающаго кушать. Но дворецъ Княжны превозходилъ всякое описаніе: стѣны въ немъ были алмазныя, полы и потолки изъ смѣси другихъ дорогихъ камней; золото считалось тамъ послѣднею вещію; уборы казались быть сдѣланными руками волшебницъ, и при томъ самыхъ роскошнѣйшихъ; ибо все было такъ распоряджено, что трудно было оудать преимуществу богатству предъ искусствомъ. Зефиръ
опу-

опустилъ Князя на красивомъ холмѣ. Я сдержалъ мое слово, сказалъ онъ ему; о прочемъ старайтесь сами. Они обнялись и разстались. *Медорсусанъ* благодарилъ его изъ всѣхъ силъ; но *Зефиръ* удалился на свиданіе къ своей любовницѣ.

Медорсусанъ, проходя множество мѣстъ въ саду, видѣлъ прекрасныя грошы, сдѣланныя для ушѣхъ и прохлажденія. Въ одномъ изъ оныхъ нашелъ онъ истуканъ бога любви, изваянный изъ благаго мрамору въ таковомъ совершенствѣ, что казался сный бытъ одушевленнымъ; оный держалъ въ рукѣ пламенный браша своего *Полеля*, изъ коего вмѣсто огня била вода. Представленъ онъ былъ опершимся на камень и какъ бы читающимъ высѣченную предъ нимъ на лазуревомъ камнѣ слѣдующую надпись:

Кто ушѣхъ любви не знаетъ,
Сладостей еще прямыхъ,
Тотъ на свѣстѣ не вкушаетъ,
Чувствъ не вѣдаетъ своихъ.
Къ нимъ желанья всѣ стремятся,
И блаженство наше въ нихъ;
Всѣ богатства учинятся
Скучной пылгосшью безъ нихъ.

Медорсусанъ вошелъ по томъ въ зеленую бесѣду, въ которой луча солнца не
раз-

разгоняли никогда прелестной иррачности. Мѣсто это, окружаемое водомещами, и успланное естественною муравою, привлекало къ пріятному успокоенію. Глаза *Медорсусансы* нечувствительно смыкались; онъ легъ и проводилъ нѣсколько часовъ въ сладкомъ снѣ, столько нужномъ послѣ трудовъ путешествственныхъ.

Оставивъ его почивать до саѣдующаго вечера, сказалъ *Славомиръ* своему Государю; уже время и намъ взять успокоеніе. *Изборъ*, довольный повѣствованіемъ вельможи своего, не охотно принялъ сію отсрочку; но ожидая, что онъ впредь можетъ рассказывать ему и нѣсколько другихъ повѣстей, выученныхъ онъ искусной Сказочницы, его бабушки, не хотѣлъ обременить его на первый разъ понужденіемъ, и отложилъ любопытство свое до другаго дня.

В Е Ч Е Р Ъ XII.

Колесница *Свѣтовидова* кашилась уже на половинѣ небесъ, или, не по стихотворчески сказать, былъ полднъ, когда *Медорсусанъ* проснулся. Онъ жалѣлъ, что потерялъ столько времени бесполезно; и для утѣшенія своего спѣшилъ приближиться ко Дворцу.

Часть I.

О

Под

Подступивъ къ оному, удивлялся онъ красотами его, расширявая оныя на свободѣ. Казалось ему, что всѣ художества стеклись для усовершенства въ великолѣпнѣи и прелестяхъ сего аданія. Онъ имѣлъ на себѣ епанчу всегда на верхъ зеленою спороною; по чему все видѣлъ, не бывъ самъ ни ошъ кого примѣченъ. Долго искалъ онъ мѣста, гдѣ бы ему войти, но либо сѣни были запершы, или входы находились съ другой стороны палаты, что не могъ онъ сыскать входу; какъ усмотрѣлъ красавицу, отворяющую окно. Въ то мгновеніе ока подбѣжала маленькая садовница, и подала къ ней кошницу, сплещенную изъ золотой проволоки, наполненную цвѣшовъ, связанныхъ въ пуки дорогими лешами. Она приказала ей нарвать цвѣшовъ для Княжны; кошорые садовница не замедливъ представила. *Медорсусанъ* въ шотъ мигъ вскочилъ въ корзину, и дѣвица приняла его съ цвѣшани. Онъ понималъ, что епанча, дѣлающая его невиднымъ, учиняетъ и легкимъ; безъ сего обстоятельства трудно бы ему подняться до окна на рукахъ нѣжной красавицы. Онъ выскочилъ изъ кошницы въ залъ, кошораго обширность, богатство и красота трудно описать. *Медорсусанъ* увидѣлъ шумъ множества дѣвицъ, изъ конхъ старшей не было еще восемнадцати лѣтъ, а прочія всѣ моложе.

Ка-

Какое вѣлице прелестей! онъ видѣлъ
 красавицъ всѣхъ родовъ: шемноволосыхъ,
 русыхъ и блондурихъ, во всѣхъ жеман-
 ныхъ краскахъ, правильныхъ чертахъ лица,
 прелестныхъ окладахъ шѣла, такъ что каж-
 дую изъ нихъ можно было считать совокуп-
 ляющею въ себѣ всѣ красоты на свѣтѣ.
 Онъ пробывъ бы весь день неподвижнымъ
 въ разсматриваніи оныхъ прелестей, еже-
 либъ согласіе сладостнаго пѣнія съ равными
 музыкальными звуками, пролившесся къ не-
 му изъ побочной комнаты зала, не прину-
 дило его оный оставить. Онъ вошелъ въ
 покой, гдѣ находилась оная пріятная музы-
 ка, въ самое то время, когда пѣли слѣдующія слова:

Вѣрность въ справахъ сохраняй;

Ты любовникъ и женихъ будь;

Онъ несклонна справа,

Можешь наконецъ пронуть.

Вся судьбы къ тебѣ суровость

Премѣнишь для любви:

Строгость женщины не новость,

Льзя вспалишь ей жаръ въ кровь;

Постыженье одолѣетъ

Саму каменную грудь;

Время проложитъ умѣетъ

Въ сердцѣ великой гордой пущи

Медорсусанъ, находясь въ залѣ, чайлѣ,

иже видѣвъ ничего подобнаго съ видѣнными

нѣмъ шамъ прелестными; но онѣ обманули въ шамъ прѣстнѣйшимъ образомъ: пѣвицы и играющія на музыкальныхъ орудіяхъ далеко превышали прѣжнихъ въ красотѣ. Онѣ какъ бы чрезъ явное чудо разумѣли языкъ, употреблемый въ сихъ палатахъ, и столяръ по-вади прелестнѣйшей изъ оныхъ Нимфѣ, когда упало съ нее покрывало, которое онѣ подняли, подалъ ей. Дѣвица, не видѣвъ оказывающаго ей услугу, поднала крикъ, и было шо въ первый разъ, что въ жилищѣ семь чувствованъ ужасъ. Всѣ подруги ея сбѣжались къ ней, и спрашивали, что ей приключилось? Вы сочтете меня за сумасшедшую, отвѣчала она; но правда и шо, что свалившееся съ меня покрывало подняло и подано мнѣ невидимою рукою. Всѣ подняли громкой смѣхъ, и многія бѣжали въ опочивальню Книжны *Прелѣнн*, для уведомленія оной о шаковой вабавной баснѣ. *Медорсусанъ* слѣдовалъ за ними, и приблизился къ ней съ помощію зеленой епанчи, прошедъ прежде множество комнащъ и переходовъ. Книжна сидѣла на престолѣ, сдѣланномъ изъ цѣльнаго яхонта, блистающаго какъ солнце; но глаза ея помрачали блескъ сей. Красота ея была столько совершенна, что являла ее божествомъ: видъ молодости и величества внушали любовь и почтеніе во всѣхъ на неезирающихъ. Одѣша она была больше щего-

де-

левахъ, нежели великолѣпно: свѣтлыя волосы ея украшены были цвѣтами; легкой золотой шпѣфъ составлялъ ея одежду, сдержанную поясомъ. Вокругъ ея видимо было множество порхающихъ крылатыхъ младенцевъ, кошорые играли разными забавами. Одни хватали за руки ея, и лобзали оныя: другіе съ помощію товарищей своихъ громостились на ступени престолоа, становились по сторонамъ у ней, и вѣнчали голову ея короною. Ушѣхи также шутили съ нею; словомъ сказать, все, что только можно вообразить прелестнѣйшаго, не равняется съ шѣмъ, что представилось взорамъ *Медорсусановицѣ*. Онъ стоялъ подобно обвороженному, и съ трудомъ сносилъ видъ красоты Княжны сей. Во время сего замѣшательства, не помышляя ни о чемъ, кромѣ обоженія достойнаго предмета, нечаянно сронилъ онъ съ плечъ епанчу свою. Княжна увидѣла его, и изумилась, видя впервые въ жизни своей на мужчину. *Медорсусанъ*, ставъ открытъ шаковымъ образомъ, повергся почтительно предъ ея престоломъ: Великая Монархиня! сказалъ онъ, я прошелъ всю вселенную, дабы удивляться божественной красотѣ вашей; я жертвую вамъ моими сердцемъ и моими желаніями, есльди оныя заслуживаютъ ваше вниманіе. — Сколько ни жива была Княжна сіа, но пришла въ замѣ-

пательство и осталась безмолвна: глаза ея доколѣ не находили еще достойнѣйшаго любви предмета, и она сочла стоящее предъ нею созданіе единственныиъ во всеиъ свѣтѣ. Мысль сія предувѣрила ее, что былъ то Финиксъ, столько прославляемый и столь рѣдкій. Утвердясь въ такомъ заблужденіи, сказала она: Прекрасный Финиксъ! я не уповаю, чтобъ были вы нѣчто иное; по тому что вы столько совершенны, и что нѣтъ вамъ подобнаго во всеиъ моемъ ошровѣ, я очень ушѣшаюсь удовольствіемъ васъ видѣть. Весьма жаль, что вы одни только во всей вселенной, хотя много другихъ лицъ наполняютъ садки въ садахъ монхъ.

Медорсусанъ улыбнулся при словахъ ея, которыя пронесла она съ удивительною пріятностію и чистосердечіемъ: между шѣми онъ не желалъ лучшаго вѣдособѣ, къ которой почувствовалъ жесточайшую любовь; но не хотѣлъ оставить ее въ неизвѣстности. Онъ началъ свои наставленія, и никакая ученица на свѣтѣ не понимала съ таковою удобностію уроковъ. Врожденное ея провиданіе упреждало то, что *Медорсусанъ* начиналъ ей рассказывать: онъ полюбилъ ее больше своей жизни; а она полюбила его больше самой себя. Все, что ни имѣетъ любовь въ себѣ сладчайшаго, все, что разумъ содержитъ живѣйшаго и прекраснаго, что ни имѣетъ

сердце нѣжнѣйшаго , безпрестанно повсорялось среди сихъ любовниковъ. Ничто не возмущало спокойства ихъ , но все споспѣшествовало ихъ утѣхамъ. Они не подвержены были болѣзнямъ , не имѣли ни малѣйшихъ огорченій ; молодость ихъ не нарушалась теченіемъ многихъ годовъ. Въ семь-то прелестномъ островѣ испивали прозябшими глотками воду изъ источника вѣчной юности : ни заботы любовныя , ни подозрѣнія ревности, ни самыя мѣлкія ссоры, возмущающія иногда спокойство любящихся, не появлялись тамъ : они пребывали въ упоеніи утѣхъ , и до самаго того времени еще ни одинъ изъ смертныхъ не имѣлъ столь совершеннаго щастія , каковое вкушалъ *Медорсусанъ*. Однако свойства смертнаго влекли за собою печальныя послѣдства : ихъ благо не можешь быть вѣчное.

Медорсусанъ, сидѣвъ въ нѣкоторый день съ своею Княжною, выдумалъ спросить, сколько прошло времени съ тѣхъ поръ , какъ онъ у нее обитаетъ. Часы , продолжалъ онъ , для взирающаго на васъ текутъ столь быспро , что не можно замѣшить, какъ давно я тѣмъ наслаждаюсь. Я скажу вамъ , ошвѣчала *Предна* , когда вы мнѣ признаетесь, какъ вамъ по кажешся. Онъ началъ размышлять, и собравъ свою память, сказалъ ей: ежели можно вѣрнѣе моему сердцу и вкушаемому мною насла-

денію. Но не кажешся миѣ больше, какъ яхожусь я у васъ только недѣлю; но нѣкошорыя обстоятельство, о коихъ приходишь миѣ въ мысль, кажешся, что были здѣсь нѣсаца за три. Княжна, услышавъ то, поднила громкой смѣхъ. Знай, *Медорсусанъ*, сказала она, что уже три ста лѣтъ прошло, какъ ты гостилъ у меня. --- О! естли бы вѣдала она, чего ей слова си будущъ стоишь, ни когда бы ихъ не произносила. Три ста лѣтъ! вскричалъ Князь; въ какомъ же свѣтъ находится положеніе? Чшо въ немъ пронаходило? Кто узнаеть меня по возвращеніи, и когѣ могу узнать я? Области мои безъ сомнѣнія впади въ руки какого нибудь чужестраннаго; нѣтъ надежды, чтобъ остался кто изъ моихъ родственниковъ. Я учинился Государемъ безъ государства; на меня будущъ взирать какъ на привидѣніе, я не буду знать ни нравовъ, ни обычаевъ людей, съ коими миѣ жить будеть должно. --- *Прелва*, пришедъ въ досаду отъ словъ его, прервала оныя. О чемъ шужишь ты *Медорсусанъ*? сказала она. Тѣмъ ли ты плашишь да шолнкую любовь и благосклонность мою къ тебѣ? Я приняла васъ на мой островъ; вы учинились надъ онымъ Государемъ; я сохранила жизнь вашу болѣе, нежели чрезъ три вѣка, вы не состарѣлись, и до сего часа не видали здѣсь ни малаго неудовольствія: но коликимъ под-
вер-

вергаешься, предпріема разлучиться со мною? — Я не хочу быть неблагодаренъ, прекрасная Княжна, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ; я знаю, и чувствую все то, чемъ я вамъ долженъ: но ежели бы я умеръ до сего времени въ моемъ опечесствѣ, я умеръ бы конечно, соверша столько похвальныхъ дѣлъ, которыя учинили бы память мою безсмертною; но днесь вижу я добродѣтель мою въ дѣйствіи и имя мое безъ славы. Таковъ былъ храбрый *Герминъ* (*), но славолубіе изшоргло его на объятій его *Амофалы*. — Такъ славолубіе изшоргаетъ тебя варваръ на моихъ! вскричала она, проливая пошоки слезъ. Ты хочешь меня оставить? . . . Ты не заслуживаешь проникающей меня горести. Кончая слова сіи, упала она въ обморокъ. *Медорусанъ* былъ чувствительнѣе шѣмъ пронушъ; онъ любилъ ее несказанно: но онъ укорялъ себя въ томъ, что провелъ столько времени съ своею любовницею, и не могъ чрезъ отличныя дѣла помѣшиться имени своего въ рядъ великихъ героевъ. Тщешно старался онъ преодолѣть себя и скрывать свое неудовольствіе; онъ впалъ въ уныніе, и шѣмъ скоро открылъ внутреннее состояніе души своей: считая пре-

О 5 жде

(*) Славяне, заимствуя отъ древнихъ Нѣмцовъ подъ именемъ *Гермина*, почитали *Геркулеса*.

жде вѣки за мѣсяцы , считалъ тогда уже дни за оныя. Княжна, примѣшившая то, поражена была крайнею горестію ; она не могла сносить , чшобѣ онъ въ угодность ей оставался съ нею, шерпя мучительную печаль. Она открыла ему , что учиняешь его властелиномъ судьбы его , что онъ можетъ отбѣхашь, когда ему угодно; но что она опасается о могущемъ встрѣтишься съ нимъ великомъ влключеніи. Послѣднія слова ея гораздо меньше сдѣлали въ немъ апечашаѣнія, нежели первыя; и хошя единая мысль о разлукѣ съ Прелюбою его поражала, но надлежало ему покриться своей участи , и наконецъ проснился снѣ съ особою имъ обожаемою и которую любилъ столь нѣжно. Онъ увѣраѣ ея расшаваясь , что коль скоро совершитъ нѣсколько подвиговъ къ своей славѣ , и учинитъ себя достойнѣе шой любви ея , кою пріобрѣѣлъ нѣбъ единой только благосклонности , немедленно возвращиися къ ней , признаешь ея единственною своею повелительницею и единственнымъ своимъ блаженствомъ. Природное его краснорѣчіе . дополняло недостатки любви; но Княжна была проицательнѣе, чшобѣ можно было обмануть ея , и нѣбла печальное предчувствованіе , что навѣки шрацишь предметъ столько ей драгоцѣнной.

Сколько ни старался побѣднть себя, чувствовала она неизбѣснимое шраданіе. Она
по

подарила великолѣпное вооруженіе, и прекраснѣйшаго на свѣшѣ коня своему равнодушному *Медорсусану*. — *Бирхаръ* (такъ назывался конь сей), сказала она, будетъ водилецъ вашъ во всѣ шѣ мѣста, гдѣ вы можете сражаясь щасливо оставаться побѣдителемъ. Но не сходите . . . заклинаю васъ! . . . не сходите ни гдѣ на землю до прибытія вашего въ отечество; ибо по волшебному вдохновенію, сообщенному мнѣ отъ безсмертныхъ, предчувствую я, что въ противномъ случаѣ *Бирхаръ* не защититъ васъ отъ бѣдственнаго пути, въ который вы вступите. *Медорсусанъ* обѣщался послѣдовать всѣмъ ея совѣтамъ; онъ облобызавъ тысячекратно предестныя ея руки, и отъ нестерпѣливости къ отбѣзду забылъ въ шомъ прекрасномъ островѣ свою веленостороннюю епанчу.

Выспрый конь помчалъ его; приближась къ морю, плаылъ чрезъ оное подобно стрѣлѣ; онъ скакалъ чрезъ горы, лѣса, поля и доли съ такою бодростію, что казался бытъ крылатымъ. Но въ одинъ вечеръ слѣдуя узкою стезею по мѣсту, наполненному камней и кремней, и окруженному шернѣемъ, наѣхалъ онъ впереди себя шелѣгу, занявшую всю стезю и препящшающую ему въ проѣздѣ. Телѣга она была навьючена старыми навешшавшими крыльями различныхъ видовъ,

довъ , и опрокинувшись лежала на старикѣ глубокихъ лѣтъ. Какъ сибѣ бѣлая онаго голова , и шагоспъ бремани его гнѣущаго , привели въ жалость *Медорсусана*. *Бирхаръ* кошѣль повернуть въ сторону и перескочивъ чрезъ шерите , какъ старикъ шопъ началъ кричать : ахъ , милоспивой господинъ ! сжался надъ состоятемъ , въ кошоромъ ты меня видишь ; еспьли ты лишишь меня своей помощи , я скоро задохнусь ! — *Медорсусанъ* не могъ прошивишься великодушному желанію подать помощь спарику сему ; онъ есключилъ на землю , подшелъ и свсршилъ съ него шелѣгу : но увы ! чрезмѣрно онъ наумился , увидѣвъ , что старикъ безъ всякой помощи вспрыгнулъ на ноги , и бросился на него съ такимъ рвентемъ , что онъ не успѣлъ обороняться. Наконецъ , Князь Руской ! вскричалъ онъ спрашнымъ и грозящимъ голосомъ : наконецъ я нахожу себя ! Я называюсь *Время* , и искало тебя уже чрезъ цѣлые при вѣка. Я извещоцило всѣ сіи крылья , кои ми , какъ ты врешь , навьючена моя шелѣга , пролетая по вселенной для сысканія тебя ; но сколько ты ни скрывался , вѣдай , что ничто отъ меня не избѣгаешь. Пронзюся послѣднія слова , захватилъ онъ ему ропъ рукою съ такою жестокостію , что вмгъ , пресѣкши дыханіе , умертвилъ его.

Въ сію плачевную минушу *Зефиръ* пролеталъ , съ чувствительнымъ огорченіемъ
былъ

былъ свидѣтелемъ несчастной участи своего друга. Когда сей немилосердой старикъ оставилъ его тѣло, приближился онъ, и спарался сладостнымъ своимъ дыханіемъ возвратить его къ жизни; но попеченія его были тщешны: онъ схватилъ тѣло его въ свои объятія, и проливая горесшныя слезы, ошнесъ въ садъ Княжны Щастливаго острова. Онъ положилъ его въ гробъ, на плоскомъ каменномъ подножіи; снялъ его оружіе, и повѣсилъ надъ нимъ, такъ какъ дѣлающъ по сь профелми; покрылъ и окружилъ тѣло цвѣтами; и воздвигнувъ яшмовую пирамиду въ головахъ его, надписавъ на оной слѣдующее:

Время въ свѣтѣ всемъ владетъ,
 Всяку вещь къ концу ведетъ:
 Красота предъ нимъ слабѣетъ,
 Сильныхъ крѣпость упадетъ.
 Хоть желанья разнovidны
 Возмущающъ смертныхъ вѣкъ:
 Суешы коль незавидны,
 зри съ печалью человекъ!
 Постоянства нѣтъ въ забавѣ,
 Ни въ любви, ни въ чести, славѣ;
 Въ мѣрѣ здѣшнемъ все минетъ.
 Времени сильнѣе нѣтъ.

Сей гробъ былъ по мѣсто, въ кошорое
 огорченная Княжна съ ошѣвду своего любсв-
 ника

лица ежедневно ходила проливать слезы, и сказывають, что шокъ оныхъ приумножилъ близъ текущій ручей. Но съ какою радостію узрѣла она его возвращеніе тогда, какъ считала его въ удаленіи! Она чаяла, что онъ спитъ, ушудаясь отъ пуши своего. Долго не рѣшилась она пробудить его, но на послѣдокъ предавшись побужденіямъ своей нѣжности, распростерла объятія --- Увы! приближившись, познала она свое нещастіе. Она наполнила окрестности жалостнымъ воплемъ, удобнымъ и безчувственнымъ камнямъ привести въ состраданіе. Послѣ того повелѣла она наѣлки запереть свои палаты. Съ сего злочастнаго дня никто не можетъ сказать, чтобъ гдѣ нибудь ее видѣлъ. Печаль ея того причиною, что она показывается рѣдко, и никто не находилъ Княжну сію, не встрѣтившись съ сопровождающими ее горестію и умнѣемъ; многіе челобки о томъ свидѣтельствують, и со времени сего плачевнаго приключенія во всемъ свѣтѣ вошло въ пословицу: что *Время надъ всемъ владетъ*, и нѣтъ уже на свѣтѣ *Щастливаго острова*. —

Вошь, презрѣнная Сказка! вскричалъ *Изборъ*, когда *Славомиръ* оную кончилъ. Такъ, Ваше Величество, говорилъ *Уклоиъ*, мнѣ очень понравился *Зефиръ* и его зеленосторонняя епанча. --- Другъ мой!, сказалъ ему

ему престарѣлый вельможа: для придворнаго оная весьма нужна; но нынѣ уже иѣтъ дороги въ Щастливой островѣ. Сказка сія, продолжалъ онѣ, обратясь къ *Избору*, изображаетъ намѣ, что время течетъ безостановочно; что по тому надлежитъ онымъ пользоваться, и не прашить онаго въ дѣйствіяхъ бесполезныхъ; а особливо Монарху, отъ коего зависитъ блаженство милліоновъ народу. Въ *Медорусанѣ* видите вы добраго Государя, которой началъ теченіе царствованія своего съ польвою для своихъ подданныхъ; онѣ защитилъ ихъ отъ славнаго неприятеля. Но теченіе сего славнаго подвига остановило суетное любопытство, вовлекшее его въ сѣти любовныя, изъ коихъ онѣ уже поздно выпускался. Добродѣтель его наконецъ возшоржестовала: онѣ вспомнилъ о томѣ, чемъ долженъ онѣ своимъ подданнымъ и своему опечеству; но жаль, что ослѣпленіе его разрушилось уже тогда, какъ теченіе дней его достигло предопредѣленія. Ахъ! сколько есть Государей, подобныхъ *Медорусану*! . . . Но я не сомнѣваюсь, что *Изборъ* наконецъ почувствуетъ смыслъ сей Сказки, и употребитъ оный къ пользѣ собственной и для щастія своего народа. ---- *Изборъ* задумался, и не отвѣчая *Славоміру*, пошелъ во внутреннія чертоги. Съ того времени

мнѣ иногда допускалъ оубъ къ себѣ *Славоміра*, и выслушивалъ наставленія его безъ ропнанія. По крайней мѣрѣ вечерніа собранія не возмущались оубъ его прихода.

КОНЕЦЪ І ЧАСТИ.

